

Том 4, № 2
2007

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Е.Н. Соколов

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *Ю.А. Денисова*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Г.В. Ежовой*

Переводы на английский

С.С. Беловой

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес издателя и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2007 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.А. Мазилев. Методология психологической науки: проблемы и перспективы 3

Теоретико-эмпирические исследования

Т.М. Марютина. Промежуточные фенотипы интеллекта в контексте генетической психофизиологии 22

Размышления о психологии

Е.А. Климов. Не пора ли задуматься о «деспотизме языка» в психологии? 48

Специальная тема выпуска:

Психология — с религией или без нее?

От редколлегии 56

А. Лоргус. Психология — с религией или без нее? 58

М.Ю. Кондратьев. Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости 65

В.М. Розин. Психология и христианство: автономия, объединение или коммуникация? .. 74

В.И. Слободчиков. Христианская психология в системе психологического знания 90

Короткие сообщения

О.А. Гулевич. Влияние соблюдения/нарушения норм справедливости на самооценку человека 98

Е.А. Углова. Роль психологических характеристик в оптимизации субъективного экономического благополучия 105

Обзоры и рецензии

В.Ф. Петренко. Основы психосемантики. Рецензия *А.М. Улановского* 114

С.Р. Яголковский. Инновационность как предмет психологического исследования (*Обзор англоязычной литературы*) 123

Резюме выпуска на европейских языках 134

Vol. 4, № 2
2007

Publisher
State University
Higher School of Economics

Editor
T.N. Ushakova

Editorial Board
K.A. Abulkhanova-Slavskaja
N.A. Almaev
T.Yu. Bazarov
V.A. Barabanschikov
A.K. Bolotova
A.N. Goussev
A.M. Chernorisov
G.V. Ivanchenko
A.V. Karpov
E.A. Klimov
A. Längle
A.N. Lebedev
D.A. Leontjev
D.V. Lyusin
N.B. Michailova
V.F. Petrenko
A.N. Poddiakov
V.A. Ponomarenko
I.N. Semenov
E.A. Sergienko
V.D. Shadrikov (Vice Editor)
A.G. Shmelev
E.N. Sokolov
D.V. Ushakov (Vice Editor)
A.N. Zhdan
A.L. Zhuravlev

Managing editor *Yu.A. Denisova*
Copy editing
O.V. Shaposhnikova, G.V. Ezhova
Translation into English
S.S. Belova
Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:
ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.
Tel. (48439) 7-41-26
E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© SU HSE, 2007

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.A. Mazilov. Philosophy of Psychological
Science: Problems and Perspectives 3

Theoretical and Empirical Research

T.M. Maryutina. Intermediate Phenotypes of
Intelligence in the Context of Genetic
Psychophysiology 22

Reflections

E.A. Klimov. Is It not the Time to Reflect on
«Language Despotism» in Psychology? 48

Special Theme of the Issue.

Psychology – with or without religion?

Editorial 56

A.V. Lorgus. Psychology – with or without
Religion? 58

Yu.M. Kondratiev. Psychology and Religion:
Parallel Problematic and Object Planes 65

V.M. Rozin. Psychology and Christianity:
Autonomy, Integration or Communication? 74

VI. Slobodchikov. Christian Psychology in the
System of Psychological Knowledge 90

Work in Progress

O.A. Gulevich. The Influence
of Respect/Violation of Norms of Justice
on Self-appraisal 98

E.A. Uglanova. Role of Psychological
Characteristics in Optimising the Subjective
Sense of Economic Well-being 105

Reviews

V.F. Petrenko. Introduction to
Psychosemantics. *Reviewed by A.M. Ulanovsky* ...114

S.R. Yagolkovsky. Psychological Studies
of Innovativeness 123

Summary of the Issue 134

Философско-методологические проблемы

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. МАЗИЛОВ

Мазиллов Владимир Александрович — заведующий кафедрой Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, доктор психологических наук, профессор. Область научных интересов: философия психологии, методология и история психологии.

Основные работы: «Теория и метод в психологии» (1998), «Психология на пороге XXI века: методологические проблемы» (2001), «Методология психологической науки» (2003), «Стены и мосты: методология психологической науки» (2004), «Методологические проблемы психологии» (2006).

Контакты: mazilov@yspu.yar.ru

Резюме

Анализируются тенденции в развитии методологии психологической науки. Утверждается, что методология психологии имеет конкретно-исторический характер. На современном этапе развития психологии на первый план выходит разработка интегративной методологии — общей методологии психологии как непротиворечивой концепции, трактующей проблемы предмета, метода, факта, объяснения, теории в их взаимосвязи. Предложены подходы к разработке интегративной методологии психологической науки.

Методология психологической науки в настоящее время представляет собой интенсивно и динамично развивающуюся область психологического знания. В середине 90-х годов XX столетия в отечественной

психологии отмечались многочисленные попытки ограничить, редуцировать роль методологии. Дело доходило до призывов вообще отказаться от методологии (на том основании, что методология отождествлялась с

ее философским уровнем, а последний, в свою очередь, с марксизмом-ленинизмом), более «мягкие» варианты редукции методологии были связаны (под явным влиянием американской психологии) со сведением ее к чисто технической дисциплине, трактующей процедуры планирования и проведения экспериментального (или квазиэкспериментального) исследования. Предпринимались попытки ограничить методологию важными, но отнюдь не исчерпывающими ее содержание вопросами, к примеру, проблемой объяснения в психологии. Наконец, высказывалось мнение, что методологические проблемы должны решаться ученым в ходе конкретного исследования, и, следовательно, методология психологии как самостоятельная концепция не нужна. В последние годы методологические разработки становятся все более популярными, регулярно публикуются новые исследования и учебные пособия по данной проблематике. Достаточно назвать известные работы В.М. Аллахвердова, Ф.Е. Василюка, Т.В. Корниловой, С.Д. Смирнова, А.В. Юревича и др. С 2003 г. в Ярославле регулярно проходит ежегодный методологический семинар, посвященный обсуждению методологических вопросов психологии; с 2006 г. издается специальный научный журнал по проблемам методологии психологии («Методология и история психологии»). В самое последнее время наблюдается своего рода методологический «бум»: в периодических изданиях и сборниках научных трудов публикаций по методологической проблематике становится очень много. Все это свидетельствует о том, что в совре-

менной отечественной психологии интерес к разработке методологических вопросов неуклонно возрастает и все большее число авторов считает необходимым поделиться с коллегами результатами своих методологических изысканий. Это не может не радовать, так как интенсивные методологические поиски обычно предшествуют существенным прорывам в содержании научных исследований.

Задачей настоящей статьи является обсуждение вопроса о том, в каком направлении может развиваться методология психологической науки в настоящее время.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. При обсуждении вопроса о том, что должна представлять собой методология психологии сегодня, полезно различать собственно *методологические концепции и методологические исследования*, с одной стороны, и *учебный предмет* (и соответствующую *учебную литературу* по методологической проблематике), с другой. Последний имеет выраженную специфику, определяющуюся требованиями Государственного образовательного стандарта, выделяемыми дидактическими единицами и т. д., значительная часть литературы по методологии психологии представляет собой учебные пособия по этой дисциплине. Нас в дальнейшем будет интересовать методология психологии как раздел науки, рассматривающий принципы и способы организации и построения деятельности. Напомним, что традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе»

(Спиркин и др., 1989, с. 359). Это определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. Основные проблемы содержательной методологии обычно представляются так: структура научного знания вообще и научной теории в особенности; законы порождения, функционирования и изменения научных теорий; понятийный каркас науки и ее отдельных дисциплин; характеристика схем объяснения, принятых в науке; структура и операциональный состав методов науки; условия и критерии научности (Спиркин и др., 1989, с. 359).

Обратим внимание на то обстоятельство, что, как свидетельствует история науки, психологи очень редко бывают довольны качеством методологии своей науки. С 70-х годов XIX столетия психология находится в состоянии перманентного методологического кризиса и достаточно часто в качестве рекомендации предлагается разработать *новую* методологию (см. об этом подробнее: Мазиллов, 2006). К примеру, Л.С. Выготский писал в 1926 г.: «Возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего» (Выготский, 1982, с. 417). Принципиально важным вопросом в такой ситуации является следующий: какой должна быть *новая методология*? Заманчиво дать ответ в той форме, в какой это сделал сам Л.С. Выготский: «Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» (Выготский, 1982, с. 422–423). Как хорошо из-

вестно, сам классик психологии вторую часть своего знаменитого методологического исследования (Выготский, 1982) так и не написал, а ограничился отдельными замечаниями по поводу новой методологии: это должна быть «общая психология», «алгебра психологии», «диалектика психологии», совокупность «принципов и “опосредующих теорий”, “критики” психологии» (Выготский, 1982, с. 420–421). «Нужна методология, т. е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий» (Выготский, 1982, с. 419). Так было в 20-е годы прошлого столетия. Не является исключением и нынешняя ситуация в психологии. Призывы «ликвидировать» методологию психологии, редуцировать ее или существенно ограничить остались в прошлом. В настоящее время актуален вопрос: какой быть новой или обновленной методологии?

Прежде, чем обсуждать, какой должна быть новая (или обновленная) методология, полезно вспомнить, какой была старая (советская) методология. Конечно, было бы неоправданным упрощением полагать, что методология отечественной психологической науки была единой. Существовали традиции разработки методологии на исторической основе, заложенные еще в работах Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановского, Л.С. Выготского. В советской психологии работали замечательные ученые, которые, несмотря на идеологический прессинг, разрабатывали важнейшие методологические положения. Методологические работы классиков советской психологической науки (С.Л. Рубинштейна,

А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, П.Я. Гальперина, А.Р. Лурии, М.С. Роговина, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе и др.) никоим образом не утратили своего значения (подробнее об этом см.: Мазилев, 1998, 2003). Анализу методологических вопросов психологии были посвящены известные работы К.А. Абульхановой, Н.Г. Алексева, А.В. Брушлинского, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, А.В. Петровского, С.Д. Смирнова, Э.Г. Юдина, М.Г. Ярошевского и др.).

В данном случае для нас важно отметить то общее, что было характерно для методологии психологической науки в советскую эпоху.

Было распространено представление о методологии. Чаще всего (вслед за В.А. Лекторским и В.С. Швыревым) выделялись философский, общенаучный, конкретно-научный и методический уровни. В качестве философского уровня выступала марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм). Этот уровень был идеологизированным, что накладывало определенные «рамки» на возможности психологического исследования. Разрабатывался этот уровень философами, психология использовала результаты таких разработок. Психологическая методология была вынуждена «вписываться» в «рамки» методологии философской. Философия диалектического и исторического материализма выступала также основой для общенаучного уровня (законы и категории диалектики). Этот уровень был «обязательным» по идеологическим соображениям, без него обойтись было просто невозможно.

Общенаучный уровень вытекал из «философского». Здесь также содержались определенные «ограничения» для развития психологической науки. Дело в том, что общенаучный уровень методологии разрабатывался по стандартам естественных дисциплин. На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии являлась ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывал специфики психологии и уникальности ее предмета. Нельзя не согласиться с позицией Л. Гараи и М. Кечке, в соответствии с которой бесперспективны попытки построить *всю психологию* на «герменевтической» логике исторических наук, поскольку на язык герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественнонаучной психологии (Гараи, Кечке, 1997). Попытки решить вопрос «силовым» путем за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы к приемлемому результату, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии, подобная конфронтация привести и не может. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая предполагала бы возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии.

Наибольший интерес (для психологов), естественно, вызывала собственно психологическая методология (соответствующая конкретно-научному уровню). Ее обычно представляли через совокупность методологических принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности и т. д.). Конкретным воплощением психологической методологии обычно выступал деятельностный подход: методологический анализ категории деятельности представлял парадигму, в которой должна была работать отечественная психология. Еще раз подчеркнем, что подобное представление является схематичным, но оно в целом отражает характер методологических разработок отечественной психологии в советский период.

Вернемся к сегодняшним представлениям о том, какой должна быть методология современной психологии. По этому поводу в последние годы сложилось несколько различных позиций. Рассмотрим их более подробно.

Первую позицию можно условно определить как *радикальную*. Она состоит в том, что старая методология не годится совершенно, поэтому необходимо разрабатывать новую методологию, соответствующую современным задачам психологии. Примером реализации первой позиции являются работы И.П. Волкова. По И.П. Волкову, под методологией следует понимать «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой гносеологи-

ческой конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практической, в том числе педагогической, профессиональной деятельности» (Волков, 2003, с. 81). Такой методологии в настоящее время пока еще нет, она находится в состоянии становления. И.П. Волков отмечает, что «состояние научной психологии действительно достойно ее несостоятельной методологии, порожденной не просто наукой или обществом, а сознанием психологов. Отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» (Волков, 2003, с. 81).

Вторую позицию можно определить как *консервативную*. Она состоит в том, что методологические функции вполне успешно выполняла традиционная методология. О наличии такой позиции можно судить по тем положениям, которые составляют содержание методологии психологии в представлении автора той или иной работы. В качестве примера приведем работу В.И. Тютюнника. «Методология — область научной деятельности, в ходе которой изучаются и применяются общие и частные методы научных исследований, а также принципы подхода к определению предмета, объекта и методов исследования действительности и к решению целого класса исследовательских задач» (Тютюнник, 2002, с. 8). В методологии выделяются четыре уровня (уровень философской методологии; уровень общенаучных диалектических принципов; уровень частных научных методов; уровень конкретной

методики и процедуры исследования (Тютюнник, 2002, с. 9). Уровень философской методологии представлен основными законами и категориями диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания. Основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания и закон перехода количественных изменений в качественные. Основные категории диалектики: сущность и явление; содержание и форма; причина и следствие; возможность и действительность; единичное, всеобщее и особенное; свобода и необходимость; необходимость и случайность; качество и количество; мера. Уровню общенаучных принципов соответствуют: принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот; принцип единства исторического и логического; принцип единства логики, диалектики и гносеологии; принцип относительности; принцип дополнительности; принцип системности. Таким образом, можно видеть, что уровень философской методологии рассматривается в работе В.И. Тютюнника в традиционном ключе. Для этого, заметим, вполне достаточно оснований, так как в советской психологии, которая, как хорошо известно, базировалась на такой философской методологии, было много замечательных достижений.

Третья позиция может быть охарактеризована как *умеренная*. Состоит она в признании того, что старая методология во многом непригодна в новых условиях, но при формировании основ новой методологии необходимо учитывать и использовать накопленные наработки. Здесь

(впрочем, как и всегда в подобных случаях) наблюдается достаточно широкий диапазон расхождений во взглядах: одни авторы тяготеют к радикализму, другие — к консерватизму.

Как нам представляется, весьма полезно прислушаться к мнению одного из классиков отечественной психологии — В. П. Зинченко. Обращаясь к анализу методологии отечественной психологии, он отмечает, что «методология была связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся над всем. Последняя была крайне агрессивна, претенциозна и самозванна» (Зинченко, 2003, с. 98). В отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлектированных схематизмов профессионального сознания. «Беда в том, что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (Зинченко, 2003, с. 98–99). В.П. Зинченко предпринимает детальный анализ методологических принципов (постулатов), которые составляли ядро методологии отечественной психологической науки: принципа системности, принципа детерминизма, принципа отражения, постулата о рефлекторной природе психики, принципа деятельности, принципа единства сознания и деятельности, постулата социальности (личность есть совокупность всех общественных отношений). Он приходит к выводу, что налицо «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность так называемых методологических принципов советской психологии. Иначе и не могло быть, поскольку навязываемая

«самозванцами мысли» идеология выполняла служебные функции контроля за развитием науки и имела средства направлять это развитие в нужном направлении (хотя что такое "нужное направление" никому, кроме самих ученых, не может быть ведомо). Но, как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Ученые, лукаво прикрываясь идеологическими стандартами и штампами, обеспечивали себе хотя бы относительно безопасные условия для развития науки. И нужно сказать, что такую защитную функцию методология выполняла, если не становилась самоцелью» (Зинченко, 2003, с. 114). В.П. Зинченко заключает: «Жизнь сложна. И мы меньше всего склонны призывать к ее упрощению. Его предела, кажется, уже достигла методология, которая, к несчастью, претендовала и на роль теории... Абсолютизация любого методологического подхода препятствует теоретической работе. Например, системный подход выдавался за последнее слово именно в теории психологии, и тем самым он мог породить только бессистемную эмпирию. Но теоретическая работа шла как бы под сурдинку методологии и для ее выявления нужно проведение специальной работы» (Зинченко, 2003, с. 115). Нельзя не согласиться с таким суждением: «Едва ли целесообразно призывать к полному разоблачению методологических мифов. Прямая борьба с догматами бессмысленна. Более уместна их конструктивная критика, ограничение их влияния, выдвижение разумных оппозиций. В итоге они сами постепенно сойдут со сцены или трансформируются из непреложных постулатов и принципов в

возможные подходы. Другими словами, некоторые из методологических принципов займут скромное место научных и методических подходов» (Зинченко, 2003, с. 100).

Важным также представляется вопрос, касающийся соотношения понятий «методология психологии» и «теория психологии». В недавней работе этих вопросов касался один из старейших отечественных психологов Г.В. Телятников (Телятников, 2004). Он подчеркивает, что разработка теоретических проблем психологии неразрывно связана с соотношением методологии и теории. «Объясняется это целым рядом обстоятельств. В последнее время в отечественной психологической науке идет процесс демонополизации марксистской методологии. В то же время имеет место отставание теоретической психологии от экспериментальной и практической психологии. Продолжающееся в литературе смешение методологии и теории, методологических и теоретических проблем науки мешает их решению» (Телятников, 2004, с. 5). Г.В. Телятников отмечает, что сегодня необходимо усиление внимания к методологии.

Согласно Г. В. Телятникову, методология как учение о методах познания и практики, как теоретическое обоснование методов и их применения существует не сама по себе (это относится и к методу). «Она является методологией по отношению к какой-либо или каким-либо наукам, теориям. Она живет в процессе познания, практики. В качестве методологии выступает наука, теория, положениями которой руководствуются в этом процессе. Нельзя абстрактно сказать: «Это — методология, а это —

не методология». Говоря, что это — методология, важно видеть, что это методология по отношению к каким-то определенным наукам» (Телятников, 2004, с. 5).

Г.В. Телятников формулирует критерии выполнения наукой, теорией роли методологии, т. е. методологической функции:

«Во-первых, большая степень обобщения по отношению к другим наукам: всем или региону (группе) наук.

Во-вторых, возможность использования законов и принципов данной науки, теории как более общих и действующих в других науках.

В-третьих, применение ее понятий путем наложения ограничений, обусловленных спецификой других наук.

В-четвертых, включение с соответствующей трансформацией ее методов в систему методов других наук» (Телятников, 2004, с. 5).

Г.В.Телятников приходит к следующему выводу: «Таким образом, соотношение методологии и теории психологических наук заключается в следующем:

– только хорошо разработанная теория высокого уровня, большой степени обобщения может выполнять роль методологии психологических наук;

– четкое разграничение методологии и теории, методологических и теоретических проблем психологии дает возможность более эффективного развития теории психологических наук и решения их теоретических проблем» (Телятников, 2004, с. 9).

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно

методологию психологии и теорию психологии. Несомненно, что методология не должна подменять собой теорию и что те или иные психологические теории могут иметь методологическое значение и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования. Но должна существовать собственная методология психологической науки в узком смысле, обеспечивающая выполнение определенных функций.

Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки во многом связаны с эмоциональными оценками («методологическими эмоциями», по А. В. Юревичу). Конечно, если идеология пытается подменить собой науку, это плохо и совершенно недопустимо. Вместе с тем вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровни методологии, задающие общие правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно, должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии все же являются собственно психологические методологические представления, *собственная методология психологии*. Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (ибо за ними не стоят конкретные специальные исследования), согласно которым естественнонаучные стандарты распространяются на

область всей психологии. Этот уровень собственно психологической методологии (как нам представляется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подменялся в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал в цитированной выше работе В. П. Зинченко. Можно согласиться с В.П. Зинченко, что абсолютизация принципов неперспективна. Вместо «приговаривания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, объяснения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Методология психологической науки пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, методология психологии представляет собой (и, по-видимому, должна в обозримом будущем представлять) совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т. д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (Mazilov, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.

Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотношение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Когнитивная (познавательная) составляющая — традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т. д.

Коммуникативная составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии — в соотношении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотношения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

Практическая составляющая — область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология — это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология — важный блок «практической» составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий — не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет «объектную», а не «предметную» ориентацию, она более «антропологична», по терминологии П. Фресса.

Это было необходимым первым шагом, направленным на реформирование методологии психологии. За истекшее десятилетие многое изменилось, появилось множество работ разных исследователей, в которых были получены важные результаты как в области когнитивной методологии, так и в методологии психологической практики и коммуникативной методологии (Мазилев, 2007).

Но вместе с тем обнаружилось, что разработка *отдельных* вопросов методологии (даже таких воистину судьбоносных для психологии, как

проблема предмета, метода, объяснения и т. д.), взятых изолированно, не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку *интегративной методологии*. Под интегративной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, факта, объяснения, теории в их взаимосвязи¹. Вне учета такой взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Прогресс в разработке тех или иных методологических вопросов приводит к необходимости возвращения на новом уровне к новому анализу уже обсуждавшихся вопросов. Это предполагает наличие некоторой общей модели, что мы и называем интегративной методологией (или концепцией общей методологии психологии). Интегративная методология предполагает построение общей методологической концепции, в которую должны быть включены методологические концепции предмета психологии, ее метода, психологической теории, психологического факта, объяснения.

Разработка интегративной методологии психологии представляет собой чрезвычайно сложную задачу, требующую значительного времени

---

¹Специально подчеркнем, что разработка интегративной методологии не самоцель, необходимость ее разработки диктуется исключительно перспективами методологических исследований.

и усилий. В этой связи возникает важнейший вопрос: может ли быть предложена в настоящее время какая-то модель, какую можно рассматривать в качестве основы при попытках разработки интегративной методологии? Очевидно, что интегративная методология психологии должна удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, т. е., как минимум, включать в себя основные компоненты методологии (предмет, метод, теория, факт, объяснение); 2) должна иметь достаточно универсальный характер, т. е. должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций; 3) должна соответствовать реалиям психологического исследования.

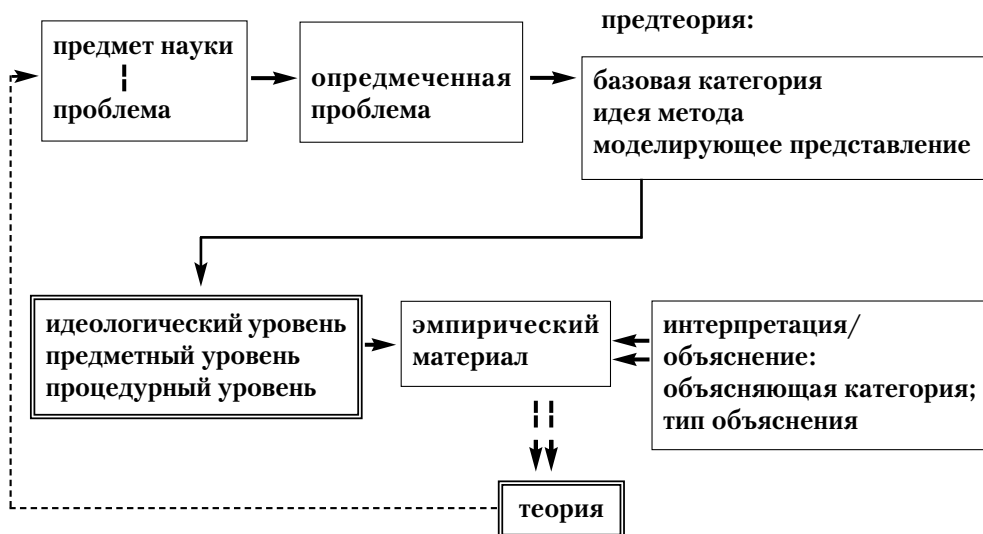
Как нам представляется, в качестве исходной модели может быть предложена схема соотношения теории и метода в психологии (Мази-

лов, 1998, 2001). Она и включает названные компоненты и имеет универсальный характер. Эта модель характеризует структуру психологического исследования в его целостности. Модель неоднократно публиковалась, что избавляет нас от необходимости ее подробного описания (Мазиллов, 2001, 2003) (см. рис. 1).

Модель была получена на основе историко-методологического анализа, а в дальнейшем был показан ее универсальный характер. В частности, историко-методологическое исследование показало, что эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны исходных теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных

Рис. 1

Модель соотношения теории и метода в психологии

модификациях (В. Вундт, Ф. Brentano, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об *уровневом строении метода*. Необходимо различать теорию как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема*. Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение *предмета исследования*. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой *предмета психологии* в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *опредмеченной проблемой*. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда *опредмеченная проблема соотносится с моделирующими представлениями*. «Мышление», например, представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотношение понятий, понимание вы-

ражений, построение умозаключения и т. д. Определенность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет — непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе *базовой категории*. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия *структура, функция, акт, процесс*. На более поздних этапах развития психологии к этим базовым категориям добавляются две другие: *генезис и уровень*. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема — способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик.

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки — сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных,

лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории.

Можно говорить, по меньшей мере, о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, т. е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминирован пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как предметный. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержания опыта, на фиксацию актов и т. п. Этот уровень определяется таким компонентом предтеории, как «базовая категория» — «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т. е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень в основном определяется таким ком-

понентом предтеории, как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т. п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления и т. д.).

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический

материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлено следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит *интерпретации*. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь фактически сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый — объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что, кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит). На более поздних эта-

пах появляется собственно объяснение.

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура) посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, так как позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (Ach, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения, интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т. д.). Таким образом, происходит переход от *интерпретации* к *способу обращения с темой*. В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на

нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Методологическое исследование позволило разработать модель соотношения теории и метода. На самых первых этапах, когда концепции носят конституирующий, основополагающий характер, соотношение является линейным, а цикл представляется законченным: предтеория — метод — теория. Дальнейшее развитие приводит к тому, что окончание цикла становится лишь промежуточным этапом, поскольку инициирует новый цикл: предтеория — метод — теория — предтеория-1 — метод-1 — и т. д. Примером такого соотношения в анализируемый исторический период является работа психологов Вюрцбургской школы.

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно разработать интегративную методологическую модель, позволяющую реально учитывать взаимодействие между различными составляющими аппарата методологии. Мы не будем специально останавливаться на других характеристиках предлагаемой модели. Отметим лишь, что единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится

ясно, почему в одном случае используется один вариант метода, тогда как в другом случае используется иной, и почему один и тот же метод может иметь совершенно различные характеристики в глазах разных исследователей. Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода и т. д.

Как нам представляется, на основе предложенной модели становится возможной разработка интегративной методологии. Интегративная методология психологии представляет собой прообраз новой общей методологии психологической науки. Отметим, что необходимость создания общей методологии вытекает из того, что разработка отдельных вопросов методологии наталкивается на существенные трудности. В рамках целостной модели эти отдельные вопросы трактуются совершенно по-иному. В рамках такой модели становится очевидным, что метод, к примеру, должен рассматриваться непременно как имеющий уровневое строение, что между предтеорией как системой исходных представлений исследователя и теорией как результатом научного поиска существуют совершенно определенные отношения, что трактовка предмета психологии обязательно (через предтеорию) представлена в рамках этой модели и т. д.

По нашему мнению, такое понимание методологии будет способствовать дальнейшей продуктивной разработке конкретных методологических проблем и вопросов. Специально подчеркнем, что интегративная методология никоим образом не отрицает коммуникативной

методологии. Напротив, интегративная методология позволяет углубить проработку коммуникативной методологии. Интегративная методология, по нашему мнению, составляет ядро всех составляющих методологии: когнитивной, коммуникативной и практической. Вышеназванные составляющие методологии представляют специально ориентированные под решение определенных задач приложения интегративной методологии.

В заключение коснемся еще одного вопроса. Мы уже обращали внимание на то, что все методологические вопросы являются взаимосвязанными. Центральным среди методологических понятий выступает понятие предмета науки. В неявном виде предмет присутствует в предложенной схеме. Без учета проблемы предмета очень сложно решить какую-либо другую методологическую проблему. Например, разработка проблемы психологического объяснения и выявление его специфики предполагает обсуждение вопроса о предмете психологии (Мазилев, 2006а).

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недопониманий (Мазилев, 2006, с. 55–72). Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный») (Мазилев, 2003). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит),

мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии². Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой Ж. Пиаже (Пиаже, 1966). Ж. Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» (Пиаже, 1966, с. 190). Ж. Пиаже продолжает: «...понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не

---

²В настоящей работе не обсуждается конкретное содержание предмета психологии. Подробно об этом см.: Мазилев, 2007. Интересной представляется трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека (Шадриков, 2005).

«подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели <...> применимы к структурам сознания именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным «субстратом». Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» (Пиаже, 1966, с. 190). А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (И. Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным, по

крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» (Пиаже, 1966, с. 189). Конечно, Р. Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же (в начале третьего тысячелетия) не стоит: дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой*, не только самостоятельной, но и самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой — сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или, как обычно говорят, «параллелизм» (Пиаже,

1966, с. 188). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание — лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (Пиаже, 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь неявно предполагается, что предмет «внутренне простой»). Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica — psychological*» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Обратим внимание на то, что подход

К.Г. Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от редуccionистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редуccionистский подход с юнговским методом амплификации. Амплификация — часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением «психологической ткани», в которую вплетен образ» (Сэмьюэлз и др., 1994, с. 19). Как заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приноровлена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная...

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж.Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология до сих пор неудачно определяет свой предмет. Как представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редуccionизма в психологии неактуальной.

Возвращаясь к основной теме статьи, отметим, что, по нашему мнению, разработка интегративной методологии является на настоящий момент наиболее актуальной задачей в области методологии психологической науки.

Литература

- Волков И.П.* Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 86–96.
- Зинченко В.П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 98–134.
- Мазилев В.А.* Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Мазилев В.А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
- Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Мазилев В.А.* Методологические проблемы психологии. Ярославль: МАПН, 2006.
- Мазилев В.А.* Методология психологии. Ярославль, 2007.
- Мазилев В.А.* К проблеме объяснения в психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2006а. Вып. 2 (12). С. 9–19.
- Мазилев В.А.* О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. 2006. Т. 1. Вып. 1.
- Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1, 2. С. 157–194.
- Смиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 359–360.
- Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф.* Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994.
- Телятников Г.В.* Методология и теория психологических наук. Тверь: ТИЭП, КИЭП, 2004.
- Тютюнник В.И.* Основы психологических исследований. М., 2002.
- Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга, 2005.
- Ach N.* Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang: Ueber das Hippsche Chronoskop. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905.
- Mazilov V.A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997. P. 126–134.

Теоретико-эмпирические исследования

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ФЕНОТИПЫ ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

Т.М. МАРИЮТИНА

Марютина Татьяна Михайловна — заведующая кафедрой Российского государственного гуманитарного университета, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, специалист по генетической психофизиологии. Имеет свыше 100 опубликованных работ. В 1999 г. награждена премией Правительства Российской Федерации в области образования за цикл исследований по теме «Отечественная психогенетика как область науки и учебная дисциплина».

Контакты: t.m.mariutina@rambler.ru

Резюме

При изучении механизмов, опосредствующих влияния генотипа на психометрический интеллект, важным является понятие промежуточного фенотипа (эндофенотипа). Показано, что в роли промежуточных фенотипов интеллекта могут выступать параметры вызванных потенциалов (ВП), которые рассматриваются как корреляты функционирования мозговых систем, участвующих в обработке зрительной информации. Анализ генетических корреляций свидетельствует об особой роли параметров ВП фронтальных зон коры больших полушарий при восприятии семантической информации. Параметры ВП в младшем школьном и подростковом возрастах могут быть использованы для прогноза показателей интеллекта в зрелости. Эффективность прогноза обнаруживает зависимость от параметра ВП, вида стимула, зоны регистрации и возраста испытуемых. Наличие генетических корреляций между параметрами ВП и показателями интеллекта свидетельствует о существовании общих генетических факторов, включенных в формирование межвозрастных межуровневых фенотипических связей различных показателей когнитивных функций индивидуальности.

Одним из наиболее значимых фактов, установленных в психогенетике в XX в., является генотипическая обусловленность показателей психометрического интеллекта. Обобщение множества эмпирических данных позволяет утверждать, что доля генетических влияний в наследуемости интеллекта колеблется от 40 до 60%, в среднем составляя 50% (Plomin et al., 1990). Парадокс заключается в том, что показатели интеллекта (как и другие психологические конструкты, изучаемые в психогенетике) не имеют очевидной связи с материальным субстратом и как таковые в генах не кодируются.

В связи с этим на первый план выдвигается вопрос о своеобразной природе психологических признаков и о тех механизмах, которые делают не только возможным, но и весьма ощутимым вклад генотипа в их вариативность. В отличие от соматических характеристик индивидуальности, психологические признаки можно квалифицировать как системные продукты деятельности ЦНС и организма в целом. В силу принципа эмерджентной причинности они опосредуются субъектной активностью человека и поэтому могут зависеть от контекста и характера психической деятельности человека. По утверждению И.В. Равич-Щербо с соавт.: «Феноменологически психологический признак представляет собой не материализованную структуру, а признак "событие", операцию, а не свойство» (Равич-Щербо и др., 1999).

Тем не менее неоспоримые на сегодняшний день материальные основы наследуемости психологических признаков требуют такой исследова-

тельской парадигмы, которая обеспечивала бы логически непротиворечивую интерпретацию влияния факторов генотипа на психику человека, во-первых, и открывала пути для экспериментального изучения этих влияний, во-вторых. Такой парадигмой в психологии является естественнонаучная, которая органически следует из принципа целостности человеческой индивидуальности. Согласно этому подходу, исследование роли генотипа в формировании психологических признаков целесообразно только с опорой на те физиологические функции и показатели, которые так или иначе участвуют в обеспечении функционирования психики.

Исследования таких признаков сформировали новое научное направление — генетическую психофизиологию. Одна из главных задач этой области — изучение взаимодействия факторов генотипа и среды в формировании физиологических систем организма, которые участвуют в обеспечении психической деятельности (Равич-Щербо и др., 1999; Ван Баал и др., 2001; Малых, 2004., Мешкова, 2004; Анохин, Веденяпин, 2006; и др.).

Представление о промежуточном фенотипе

В последнее время в генетике приобрели особое распространение понятия промежуточного фенотипа и/или эндофенотипа. Первоначально понятие эндофенотипа как характеристики, связанной с риском заболевания, но не являющейся его симптомом, использовалось в генетической психиатрии (Gottesman, Gould,

2003). Согласно И. Готтесману и Т. Гоулду, признак может рассматриваться как эндофенотип психического расстройства, если он отвечает следующим критериям. Эндофенотип ассоциирован с заболеванием на уровне популяции (1); это наследуемая черта (2); его проявление не зависит от степени выраженности болезни (3); внутри семей эндофенотип и болезнь cosegregируют (4); у непопавших родственников больного эндофенотип обнаруживается чаще, чем в общей популяции (5). При этом И. Готтесман и Т. Гоулд подчеркивали, что такие понятия, как промежуточный фенотип, должны использоваться для обозначения тех черт, которые не обязательно отражают генетические основы болезни, а могут быть проявлением других факторов, влияющих на возникновение и течение шизофрении.

В психогенетике отчетливой дифференциации этих понятий проведено не было. Более того, в одних источниках они фигурируют как синонимичные (De Geus et al., 2001). Согласно другим (Равич-Щербо, 2001), более предпочтительным является термин «промежуточный фенотип». В третьих используется термин «эндофенотип» (Мешкова, 2004; Анохин, Веденяпин, 2006). Хотя нельзя исключить некоторые нюансы, связанные с их дифференциацией, в настоящее время понятие эндофенотипа (как и понятие промежуточного фенотипа) включает любые проявления организма, регистрирующиеся на биохимическом, физиологическом, морфологическом уровнях, коррелирующие с поведенческими (психологическими) проявлениями. Эндофенотипы являют-

ся промежуточным звеном между действием гена и его проявлением на уровне поведения (Мешкова, 2004).

В общем виде были сформулированы представления о значении эндофенотипов в изучении генетических основ нормативной психической деятельности и критериях их выделения. Согласно де Геусу с соавт. (De Geus et al., 2001), нейрофизиологическая основа когнитивных функций базируется на комплексном взаимодействии целого ряда корковых и подкорковых структур мозга. Функционирование каждой из них может зависеть от своего собственного набора генов. Хотя изменчивость в работе каждого из генов ответственна за небольшую часть изменчивости когнитивных функций, в совокупности эта изменчивость может объяснить существенную долю вариативности выбранного для анализа эндофенотипа. Исследование возможно большего числа эндофенотипов и выявление их генетической изменчивости, в свою очередь, увеличит возможности локализации (и картирования) этих генов.

Последовательная локализация и идентификация генов когнитивных способностей посредством изучения генетических источников межиндивидуальной вариативности эндофенотипов представляет собой стратегию генетических исследований, конечная цель которых — воссоздание полного набора генов, объясняющих вариативность интеллекта. Иллюстрирует эти положения схема, представленная на рис. 1.

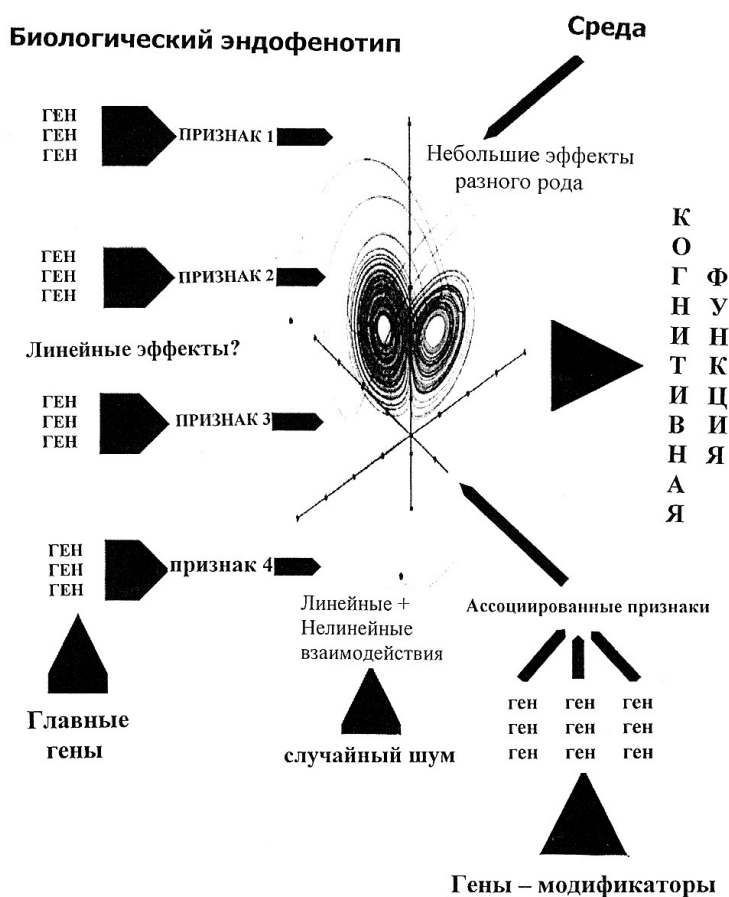
Функции и показатели, претендующие на роль эндофенотипов, должны отвечать определенным критериям. Они должны быть надежны и

Рис. 1

Схематическая иллюстрация сложности молекулярно-генетических влияний на когнитивную функцию

Главные гены, взаимодействуя с генами-модификаторами, случайным шумом и средовыми влияниями, формируют биологические эндофенотипы и в итоге – когнитивные фенотипы (по Winter, Goldman, 2003)

стабильны (1); наследуемы (2). Их параметры должны коррелировать с исследуемой когнитивной функцией или когнитивным признаком (3). Эндофенотип и когнитивная функция должны иметь общий генетический источник (генетическую корреляцию) (4). Наконец, статистическая связь между эндофенотипом и ког-

нитивной функцией должна быть теоретически обоснована (5).

Собственно генетическими среди перечисленных являются два критерия: наследуемость эндофенотипа (2) и наличие генетической корреляции между эндофенотипом и показателем интеллекта (4). Причем генетическая корреляция является наиболее

существенным критерием, потому что отражает степень совпадения (генетической общности) между генетическими компонентами вариативности сопоставляемых показателей. Именно генетическая корреляция позволяет говорить о наличии (или отсутствии, в зависимости от значения ее коэффициента) общей генетической основы в происхождении сравниваемых показателей.

Если первые четыре критерия имеют статистическое содержание и выражение, то последний призван дать теоретическое обоснование связи нейрофизиологического показателя и показателя интеллекта. Этот контекст формируется многочисленными исследованиями, направленными на поиск физиологических основ психики и поведения.

Какие же показатели и функции можно использовать в качестве «*промежуточных фенотипов*» или «*эндофенотипов*»? Наследуемость целого ряда различных промежуточных функций и показателей может иметь то или иное отношение к наследуемости показателей интеллекта и фактора *g* (De Geus et al., 2001; Winter, Goldman, 2003; и др.).

1. Морфологические особенности структур мозга

Благодаря применению методов томографии в сочетании с количественной оценкой получаемых изображений (морфометрией) стало доступным изучение индивидуальных особенностей как мозга в целом, так и отдельных его характеристик. Внутрипарное сопоставление количественных показателей у МЗ и ДЗ близнецов с применением статистического анализа, в частности структурного моделирования, открыло

возможность для количественной оценки вклада генотипа в межиндивидуальную вариативность получаемых таким путем характеристик мозга. Так, установлено, что показатели наследуемости объемов мозга в целом, отдельно серого и белого вещества, а также некоторых крупных образований мозга варьируют в диапазоне 0.80–0.95 (Pennington et al., 2000; Posthuma et al., 2000; Bare et al., 2001; White et al., 2002; Winter, Goldman, 2003; и др.).

Особый интерес представляют оценки наследуемости размеров отдельных структур мозга и, в первую очередь, тех, которые связаны с обеспечением психических функций. По данным Д. Гешвинда с соавт. (Geschwind et al., 2002), объемы корковых структур имеют большой генетический компонент. Показатель наследуемости в передних отделах коры колеблется от 0.41 до 0.66, причем аддитивная составляющая — от 0.40 до 0.56. Вместе с тем присутствуют влияния систематической среды (от 0.15 до 0.26) и индивидуальной среды (от 0.26 до 0.34). Показательно, что общая среда имеет приблизительно в два раза больший эффект в левом полушарии по сравнению с правым, что свидетельствует о меньшем генетическом контроле левого полушария.

Однако делать окончательные выводы о различиях в наследуемости отдельных структур мозга преждевременно. Наиболее надежными (воспроизводимыми в разных работах) являются данные о высокой наследуемости общего размера мозга. Поэтому закономерной выглядит попытка найти связь между размерами мозга и коэффициентом интеллекта (IQ).

Было установлено, что размеры мозга положительно коррелируют с показателями интеллекта (Willerman et al., 1991; Pennington et al., 2000). По последним данным эта корреляция составляет приблизительно 0.3. Важно подчеркнуть, что эта небольшая фенотипическая корреляция опосредуется генетическими влияниями (Posthuma et al., 2002). Иными словами, показатели интеллекта и объем мозга имеют общую генетическую основу.

Эмпирические данные о связи коэффициента интеллекта с размером мозга согласуются с получившей в последнее время распространение так называемой «миелиновой» гипотезой (Miller, 1994). Согласно этой гипотезе, более высокий интеллект связан с большими размерами мозга благодаря индивидуальным различиям в толщине миелиновой оболочки аксонов. Предполагается, что более толстая миелиновая оболочка, во-первых, обеспечивает более высокую скорость проведения импульсов по аксону, во-вторых, *препятствует вмешательству в процесс проведения нервного импульса посторонних сигналов со стороны других нейронов и проводящих путей*, тем самым повышая надежность передачи информации, что, в конечном счете, положительно влияет на уровень интеллекта.

2. Временные параметры функционирования ЦНС

Одним из главных «претендентов» на роль эндофенотипа является скорость обработки информации (Айзенк, 1995; Купер, 2000; Рийсдийк, Бумсма, 2001; Eysenck, 1985; Vernon, 1987; Miller, 1994; Posthuma et al., 2001; и др.). Предполагается, что некоторая часть индивидуаль-

ных различий в успешности выполнения интеллектуальных тестов объясняется *различиями в быстроте обработки поступающей информации*, и это не зависит от приобретенных человеком знаний или навыков. Таким образом, понятие *психической скорости* или *скорости выполнения умственных действий* (mental speed) приобретает роль фактора, объясняющего индивидуальные различия в когнитивном функционировании.

Экспериментальное подтверждение эти идеи нашли в целом ряде исследований, в которых в качестве коррелята интеллекта (и частично способа его измерения) рассматривалось *время выполнения простых заданий*. Исследование таких поведенческих показателей, как время реакции (reaction time) и время опознания (inspection time), выявили, во-первых, их наследственную обусловленность, во-вторых, их фенотипическую связь с показателями интеллекта. Она характеризовалась коэффициентами приблизительно 0.3 для времени реакции и 0.5 для времени опознания. В-третьих, было показано, что данная фенотипическая связь в значительной степени опосредуется общими генетическими влияниями (Лучиано с соавт., 2001; Baker et al., 1991; Luciano et al., 2001; Posthuma et al., 2001).

Наряду с поведенческими показателями для изучения индивидуальных различий в скорости обработки информации используются и физиологические показатели, в частности, скорость проведения нервного возбуждения. Первые эксперименты, направленные на оценку такой связи, проведенные П. Верноном, обнаружили значимую корреляцию

($r = 0.42-0.48$) между общими способностями и скоростью проведения нервного импульса. Однако повторные исследования не дали столь высоких величин корреляций (Купер, 2000). Например, в датском исследовании близнецов, проведенном двукратно в возрасте испытуемых 16 и 18 лет, сопоставлялись показатели скорости периферического проведения возбуждения и показатели интеллекта. Была установлена высокая наследуемость как скорости периферического проведения возбуждения (65–81%), так и показателей интеллекта (77–66%). Небольшая по величине, но значимая корреляция между скоростью проведения возбуждения и показателем интеллекта (0.15) была установлена только в возрасте 18 лет, но она полностью определялась генетическими факторами. Авторы допускают, что скорость проведения в периферических нервных волокнах и скорость проведения нервных импульсов в центральных структурах имеют разные источники генетического контроля, и их вклады в вариативность показателя интеллекта могут различаться (Рийсдийк, Бумсма, 2001).

Изучение скорости проведения возбуждения в ЦНС осуществляют с помощью других методов. Для этого используют регистрацию сенсорных вызванных потенциалов и событийно-связанных потенциалов. Анализируют в первую очередь латентные периоды (ЛП) ответов на разные стимулы в ситуациях, предполагающих принятие испытуемым решения. Предполагается, что у испытуемых с высокими значениями интеллекта обработка информации происходит быстрее и, следовательно,

но, ЛП вызванных потенциалов должны быть короче. Это предположение неоднократно подтверждалось в исследованиях вызванных потенциалов (ВП) на вспышки света, начиная еще с 60-х годов XX в. (Callaway, 1976). Более детально эти вопросы будут рассмотрены ниже.

3. Электрофизиологические показатели функционирования ЦНС

Методы регистрации электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и ВП позволяют зарегистрировать активность отдельных зон коры больших полушарий, оценить индивидуальную специфичность этой активности как качественно, так и количественно, а также применить к полученным результатам генетико-статистический анализ. Исследования роли генотипа в изменчивости ЭЭГ, в большинстве случаев выполненные методом близнецов, свидетельствуют о значительном влиянии наследственных факторов на общий рисунок и отдельные параметры ЭЭГ. Использование автоматического спектрального анализа ЭЭГ позволяет выявить высокую степень влияния генотипа на изменчивость всех частотных составляющих ЭЭГ и их когерентность (Van Beijsterveldt et al., 1998; см. обзор в: Анохин, Веденяпин, 2006).

При анализе спектрального состава ЭЭГ показано влияние генотипа на все составляющие спектра, но параметры альфа-ритма имеют наиболее высокую наследуемость по сравнению с дельта- и тета-диапазонами (Smith et al., 2005). Метаанализ 11 исследований спектральной мощности и 5 исследований частоты альфа-ритма (всего проанализировано 44 работы) показал, что в среднем наследуемость для спектральной мощности

альфа-ритма равна 0.79, а для его частоты — 0.81 (Van Beijsterveldt, Van Baal, 2002).

На этом фоне закономерной выглядит попытка связать частоту альфа-ритма с показателями интеллекта и установить меру генетической общности между этими генотипически обусловленными показателями. Однако первые исследования такого рода не дали положительного результата (Posthuma et al., 2001).

Иную картину в этом плане дает изучение вызванных и событийно-связанных потенциалов (ССП). С одной стороны, установлено, что такие показатели ВП, как волновая форма, отражающая пространственно-временное распределение активных генераторов электрической активности, латентные периоды, характеризующие время распространения возбуждения в ЦНС, и амплитуды, представляющие число активно работающих генераторов и меру их согласованности, в той или иной степени контролируются генотипом (Равич-Щербо с соавт., 1999; и др.).

Особое место в этом ряду занимает изучение компонента П300, в частности, в рамках «oddball paradigm». Эта парадигма позволяет исследовать физиологические механизмы различных аспектов когнитивного функционирования (Анохин, Веденяпин, 2006). Изучению генетической обусловленности параметров этого компонента посвящен целый ряд исследований (Van Beijsterveldt et al., 1997; Katsanis et al., 1997; Wright et al., 2001; Van Beijsterveldt, van Baal, 2002; и др.). Обобщение данных пяти исследований позволило получить усредненные значения показателей наследуемости. Метана-

следуемость составляет 60% для амплитуды и 51% для латентного периода данного компонента (Van Beijsterveldt, van Baal, 2002).

С другой стороны, установлено, что некоторые параметры ВП и ССП обнаруживают довольно тесные связи с показателями интеллекта (Айзенк, 1995; Callaway, 1976; Eysenck, 1985; Barret, Eysenck, 1994; Deary, Caryl, 1997; и др.) В этом контексте была сформулирована гипотеза нейрональной эффективности, которая предполагает, что «биологически эффективные» индивиды обрабатывают информацию быстрее, поэтому они должны иметь более короткие временные параметры (латентности) компонентов ВП. Кроме временных характеристик, для сопоставления с показателями IQ привлекаются и многие другие параметры ВП: различные варианты амплитудных оценок, вариативность, асимметрия. Согласно представлениям Г. Айзенка, большое значение для интеллекта имеет точность передачи информации через синапсы.

Предполагается, что при обработке информации на уровне синапсов в коре мозга могут возникать ошибки. Чем больше число таких ошибок продуцирует индивид, тем ниже показатели его интеллекта. Количественно оценить число этих ошибок невозможно, но они проявляются в индивидуальных особенностях конфигурации ВП. Индивиды, безошибочно обрабатывающие информацию, должны продуцировать высокоамплитудные и имеющие сложную форму ВП, т. е. с дополнительными пиками и колебаниями. ВП упрощенной формы характерны для индивидов с низкими показателями

интеллекта. Эти предположения получили статистическое подтверждение при сопоставлении ВП и показателей интеллекта по тестам Векслера и Равена.

Таким образом, есть основания утверждать, что эффективность передачи информации на нейронном уровне определяется двумя параметрами: скоростью и точностью (безошибочностью).

Экспериментально было также установлено, что индивиды с более высоким интеллектом в ответах на неожиданные стимулы продуцируют более высокоамплитудные волновые формы, чем в ответах на ожидаемые стимулы (Polich, Martin, 1992; Van Beijsterveldt, 2001; Wright, 2001).

Таким образом, некоторые параметры ВП могут выполнять функции промежуточных фенотипов для психометрического интеллекта. Для проверки этого предположения необходимо получить фенотипические и генетические корреляции показателей интеллекта и характеристик вызванных потенциалов. Экспериментальная часть данной статьи посвящена решению этой проблемы.

Амплитудно-временные и топографические характеристики ВП как промежуточные фенотипы интеллекта

Очевидно, что промежуточными фенотипами для психометрического интеллекта могут служить те характеристики ВП, которые, во-первых, коррелируют с показателями интеллекта и, во-вторых, имеют с ними общую генетическую основу (генетическую корреляцию). Несмотря на некоторую противоречивость данных

такого рода, в качестве рабочей гипотезы можно принять, что высокие показатели интеллекта статистически достоверно связаны с короткими латентностями, большими амплитудами и низкой вариативностью ВП.

Исследование влияния генотипа и среды на формирование этих связей и, в частности, выделение генетической составляющей фенотипической ковариации показателей ВП и интеллекта дают возможность определить круг нейрофизиологических факторов, имеющих общую генетическую основу с показателями интеллекта. Классификация этих факторов может идти по трем направлениям: специфика зоны регистрации ВП, тип показателя ВП, особенности стимула и/или ситуации, в которой регистрируются ВП.

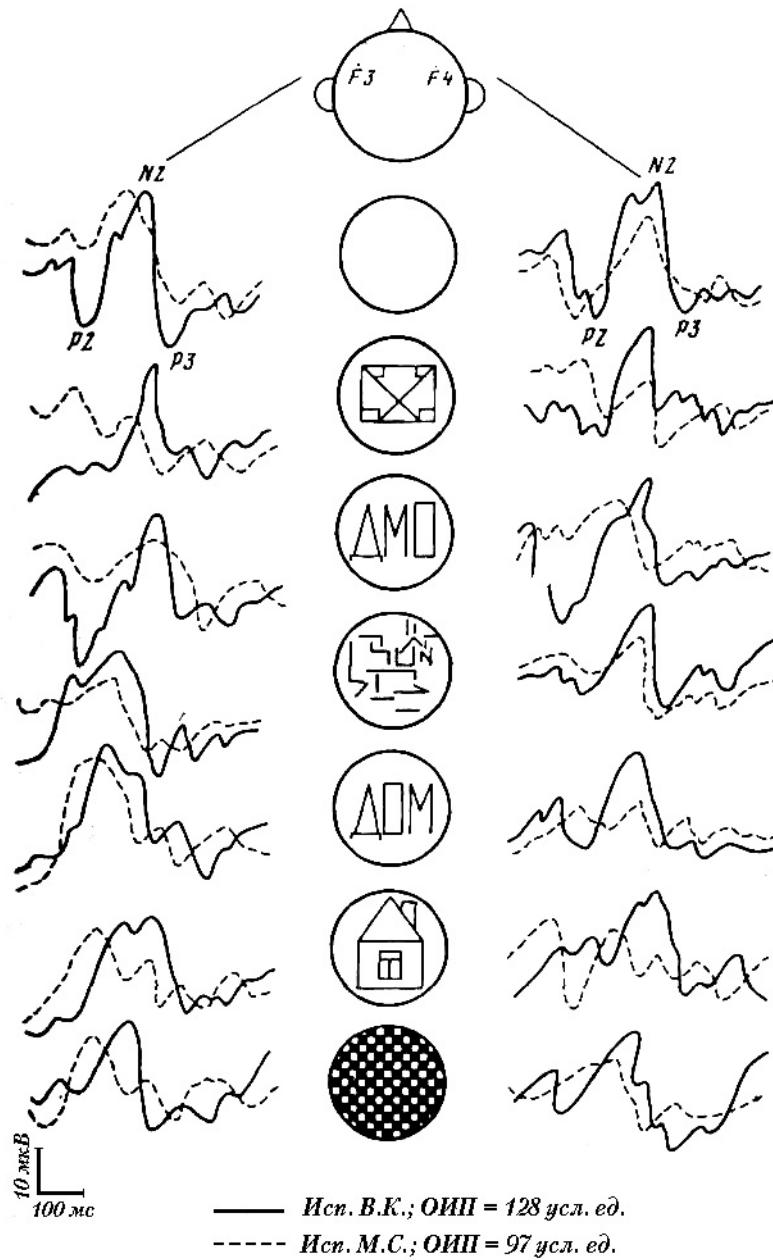
В нашем исследовании у 15 пар монозиготных (МЗ) и 12 пар однополых дизиготных (ДЗ) близнецов 18–25 лет с помощью адаптированного варианта методики Векслера (WAIS) были получены интеллектуальные показатели: вербальный (ВИП), невербальный (НИП) и общий (ОИП).

У них же зарегистрированы ВП на семь вариантов стимулов (рис. 2). По порядку предъявления это были: вспышка с угловым размером светового пятна 5° (1); симметричная геометрическая фигура без названия (2); комбинация букв ДМО (3); хаотичский набор элементов, из которых складывалось изображение дома (4); слово «дом» (5); рисунок дома (6); шахматное поле с ячейкой 20' (7).

Стимулы, выполненные светлыми штриховыми линиями на черном фоне, предъявлялись бинокулярно сериями по 25–30 в каждой на

Рис. 2

Вызванные потенциалы левой (F3) и правой (F4) фронтальных зон у испытуемых с различным уровнем интеллектуального развития

черный экран с помощью проектора КОДАК. Освещенность у экрана для всех стимулов составляла 10 лк, расстояние до экрана — 90 см. Время экспозиции и паузы варьировали в пределах 1 и 5 с соответственно. Интервалы между сериями составляли 3–5 мин.

Регистрацию ВП проводили на электроэнцефалографе МЕ-175Е фирмы «Нихон Кохден» (Япония) и магнитографе «ТЕАК» Р-250 (Япония); усреднение ВП проводили с помощью компьютера «АТАК-350» (Япония). ВП регистрировали монополярно из шести зон (*Oz*, *Cz*, *T5*, *T6*, *F3*, *F4* по системе «10–20»). Референтным служил объединенный ушной электрод. В *Oz* выделяли компоненты ВП: *N0*, *P1*, *N1*, *P2*, *N2*, *P3* со средними латентностями соответственно 60, 90, 120, 150, 200, 250 мс. В ассоциативных зонах выделяли компоненты *P2*, *N2*, *P3*. Подсчитывали латентности и амплитуды от пика до пика. Для латентностей и амплитуд ВП проведен сравнительный анализ фенотипических и генетических корреляций.

Фенотипические корреляции вычисляли как межклассовые корреляции Пирсона на материале ВП в группах испытуемых, скомплектованных из выборок МЗ- и ДЗ-близнецов следующим образом. Первая группа включала первого партнера из пар МЗ и ДЗ, вторая группа — второго партнера. Полученные в этих группах коэффициенты корреляции усредняли с помощью Z-преобразования. В качестве размера выборки брали число пар МЗ- и ДЗ-близнецов: оно равно 27. Формула для вычисления генетических корреляций (Марютина, Трубников, 1994):

$$r_{gij} = \frac{1/2(r_{Rij} + r_{Rji})}{\sqrt{r_{Rii} r_{Rjj}}},$$

где r_{Rij} , r_{Rji} — коэффициент корреляции между i (признаком одного партнера) и j (признаком второго партнера); r_{Rii} , r_{Rjj} — коэффициенты корреляции между одноименными признаками двух партнеров.

Среднюю генетическую корреляцию получали по формуле:

$$r_g = \frac{r_{g(M3)}/S^2 r_{g(M3)} + r_{g(D3)}/S^2 r_{g(D3)}}{\frac{1}{S^2 r_{g(M3)}} + \frac{1}{S^2 r_{g(D3)}}},$$

где r_g — коэффициент генетической корреляции; Sr_g — ошибка коэффициента генетической корреляции.

Результаты исследования

Учитывая, что анализировались фенотипические и генетические корреляции 252 показателей ВП, целесообразно охарактеризовать общую картину распределения высоких коэффициентов корреляции для всей совокупности показателей.

Установлено, что фенотипические корреляции показателей ВП и интеллекта в большинстве случаев не достигают уровня значимости. Частичное исключение составляют параметры ВП передних отделов коры (*Cz*, *F3*, *F4*): 28% коэффициентов корреляции, полученных для ВП каждой из этих зон, достигают однопроцентного уровня значимости. Для задних отделов коры (*Oz*, *T5*, *T6*) значимы только 2%, 5% и 3% случаев корреляций соответственно.

Рассмотрим соотношение фенотипических и генетических корреляций по зонам регистрации.

Затылочная зона. Фенотипические корреляции показателей ВП и интеллекта, как правило, статистически незначимы. Коэффициенты генетических корреляций латентностей ВП и показателей интеллекта не превосходят 0.2–0.3.

Для амплитуд уровень генетических корреляций во многих случаях превосходит уровень соответствующих фенотипических. Наиболее иллюстративен в этом плане ответ на слово «дом», где при низком уровне фенотипических корреляций по амплитуде $A3$ (от пика $N2$ до пика $P3$) соответствующие генетические корреляции с показателями ВИП и ОИП достигают 0.94 и 0.89. Генетические корреляции, свидетельствующие о наличии по крайней мере половины общих генов, были получены также и для других амплитуд: $A1$ (от пика $N1$ до пика $P2$) в ответе на буквосочетание «ДМО», слово «дом», рисунок дома; $A2$ (от пика $P2$ до пика $N2$) в ответе на «ДМО» и шахматное поле; $A3$ в ответе на «ДМО». При этом есть отчетливые межстимульные различия: наиболее высокие генетические корреляции характерны для ответа на слово «дом», «ДМО», наиболее низкие — для ВП на вспышку.

Височные зоны. Фенотипические корреляции латентностей ВП в $T5$ незначимы. Фенотипические корреляции амплитуд несколько выше и достигают 5% уровня статистической значимости в ответе на стимул «ДМО». При анализе генетических корреляций выявляется интересный факт. По сравнению с Oz здесь выше

генетические корреляции для латентностей ВП, причем наблюдаются отчетливые межстимульные различия. Сравнительно высокие генетические корреляции характерны для латентностей ВП на геометрическую фигуру (компонент $N2$), стимул «ДМО» (компоненты $N2$ и $P3$), слово «дом» (компонент $P2$). Их значения варьируют в диапазоне от 0.38 до 0.69.

Генетические корреляции амплитуд таковы, что для большинства ответов есть все основания говорить о генотипическом опосредствовании связей, существующих между амплитудами ВП в $T5$ и показателями интеллекта. Для стимулов «ДМО» и «дом» генетическая общность показателей интеллекта и амплитуды $A2$ особенно высока (0.66–0.80). По контрасту с этим выделяются корреляции обеих амплитуд в ответе на шахматное поле: те и другие корреляции свидетельствуют об отсутствии связей между этими параметрами ВП и показателями интеллекта.

В зоне $T6$ имеет место другая картина, все фенотипические корреляции для латентностей незначимы; для амплитуд аналогичные корреляции несколько выше: они находятся в пределах от 0.15 до 0.44, достигая в ряде случаев статистической значимости (ВП на стимулы «ДМО» и набор элементов). По величине генетических корреляций для латентностей выделяются ответы на вспышку, слово «дом», рисунок дома и шахматное поле. Во всех указанных случаях генетические корреляции свидетельствуют о существовании достаточно высокой генетической общности (r_g от 0.48 до 0.95). Для амплитуд генетические корреляции для всех

видов стимулов колеблются в диапазоне от 0.31 до 0.50, предполагая наличие соответствующей этому общей генетической основы.

Зона вертекса. Фенотипические корреляции латентностей ВП и показателей интеллекта здесь статистически незначимы. Соответствующие им генетические корреляции также в основном невелики. В то же время для амплитуд результаты выглядят иначе. Во-первых, статистически достоверно большинство коэффициентов корреляции, связывающих амплитуды *A2* и особенно *A3* со всеми показателями интеллекта, причем уровень связи достаточно высок, составляя в среднем 0.4–0.5, а в отдельных случаях достигая 0.62 ($p < 0.01$). Существенно, что эти фенотипические связи в основном опосредуются генотипом. Соответствующие генетические корреляции, за единичными исключениями, стабильно высоки (от 0.55 до 0.99). Межстимульные различия в величине фенотипических и генетических корреляций не выявлены. Те и другие приблизительно одинаковы для всех стимулов.

Фронтальные зоны. В левом полушарии все фенотипические корреляции латентностей ВП незначимы, для амплитуд *A2* и в большей степени *A3*, напротив, аналогичные корреляции в большинстве случаев статистически значимы (на одно- и пятипроцентном уровне).

Генетические корреляции для латентностей ВП в *F3* малочисленны. Генетические корреляции амплитуд, напротив, свидетельствуют о том, что роль генотипа в их фенотипических связях с показателями интеллекта весьма значительна. Причем

для обеих амплитуд *A2* и *A3* генетические корреляции таковы, что можно предполагать наличие общей генетической основы. Они варьируют в широком диапазоне, в среднем составляя 0.56. Межстимульные различия не выделены, однако для амплитуды *A3* уровень генетических корреляций выше по всем стимулам, кроме вспышки.

В правом полушарии фенотипические корреляции латентностей ВП и показателей интеллекта также незначимы, при этом около 80% из них отрицательны, но в лучшем случае не превышают -0.28 . Генетические корреляции латентностей ВП варьируют в диапазоне от 0.05 до 0.55, лишь эпизодически указывая на существование общей генетической основы, например, для латентности компонента *P3* в ответе на рисунок дома и показателя НИП ($r_G = 0.79$). Генетические корреляции амплитуд, напротив, свидетельствуют о существовании общей генетической основы в межиндивидуальной изменчивости показателей интеллекта и амплитуд ВП. Они находятся в пределах от 0.29 до 1.00, в среднем составляя 0.57. Есть и межстимульные различия: по амплитуде *A2* минимальные генетические корреляции были получены для ВП на шахматное поле, по амплитуде *A3* — для ВП на вспышку и шахматное поле.

Что же именно отражают генетические корреляции между электрофизиологическими и психологическими показателями?

Как говорилось выше, генетические корреляции свидетельствуют о существовании общей системы генов, определяющих коварирующие признаки. Поскольку психологические

особенности как таковые не могут быть закодированы в генах, генотип может влиять на поведение только через морфофункциональный уровень организации.

В связи с этим можно лишь утверждать следующее. Генетические корреляции между физиологическими и психологическими показателями говорят о наличии общей системы генов, которые детерминируют и *собственно нейрофизиологический фенотип*, и *некоторую латентную физиологическую переменную*, которая включена в психологический фенотип. Задача состоит в том, чтобы идентифицировать *этот промежуточный фенотип* (Равич-Щербо, 2001). Судя по приведенным выше данным, к числу промежуточных фенотипов можно отнести временные (скорость) и пространственные (топография) характеристики переработки информации в ЦНС.

Можно полагать также, что нейрофизиологический фактор, который отражается в амплитуде компонентов ВП и лежит в основе высокой фенотипической и генетической коррелируемости этих показателей ВП фронтальных зон с показателями интеллекта — это активация, необходимый уровень которой, как известно, требуется для полноценного когнитивного функционирования (Хомская, 1972).

В качестве еще одного фактора может также действовать локальная корковая активация, которая выступает как условие и индикатор участия той или иной мозговой структуры в психофизиологическом процессе. Амплитуда ВП, точнее, ее изменение в определенных пределах рассматривается как один из показа-

телей локальной активации. При этом связь амплитуды ВП с показателями интеллекта будет тем сильнее, чем более адекватно отражает данный параметр нейрофизиологическую основу когнитивного функционирования. С этих позиций следует ожидать, что информационная специфика стимула может определенным образом влиять на характер и тесноту связей, существующих между амплитудными параметрами ВП и отдельными показателями интеллекта.

Данное предположение находит подтверждение в нашем материале. Особенно наглядно это выступает в каудальном отделе, где значимые корреляции имеют эпизодический характер и фиксируются в Oz для параметров ВП на геометрическую фигуру и слово «дом», в $T5$ и $T6$ соответственно на «ДМО» и набор элементов. Во фронтальном отделе эта тенденция проявляется в меньшем числе значимых коэффициентов корреляции для ВП на простые стимулы: вспышку и шахматное поле.

Итак, корреляционные связи показателей ВП и интеллекта зависят от информационной специфики стимула и оказываются более выраженными для стимулов, имеющих неоднозначную семантику. Известно, что более половины межиндивидуальной вариативности показателей интеллекта определяется генотипом. Очевидно, что генотипическая детерминация этой части вариативности опосредуется нейрофизиологическими факторами, и эти факторы должны быть включены в обеспечение когнитивного функционирования. В связи с этим логично ожидать, что генетическая коррелируемость

показателей ВП и интеллекта также должна зависть от информационной специфики стимула и будет выше для ответов на семантические стимулы. Наши данные подтверждают это предположение с одним неожиданным результатом. Генетические корреляции показателей ВП и интеллекта в большинстве случаев оказываются больше, чем фенотипические корреляции, т. е. роль генотипа в коррелируемости показателей ВП и интеллекта оказывается намного больше, чем это можно было бы предполагать при анализе только фенотипических корреляций.

В целом эти факты адекватно вписываются в концепцию о трех функциональных блоках Л.Р. Лурии и современных представлений о роли префронтальных областей в обеспечении когнитивной деятельности (Winter, Goldman, 2003). Роль каудальных отделов мозга как условного «приемника и хранилища» информации, по-видимому, определяет относительно невысокие фенотипические корреляции параметров соответствующих ВП и показателей интеллекта. Как известно, одной из основных функций интеллекта является обеспечение активной адаптации. Очевидно, что в реализации этой функции главным является умение использовать информацию в контексте текущих задач, в процессе построения и реализации программ поведения. Данная функция принадлежит фронтальным зонам, видимо, поэтому столь значительны фенотипические и генетические корреляции индикаторов степени их активации, амплитуд ВП и показателей интеллекта. Кроме того, тесная связь фронтальных зон с подкорковыми структура-

ми, обеспечивающими регуляцию коркового активационного процесса, по-видимому, в значительной степени определяет и высокую долю генотипической компоненты в межиндивидуальной изменчивости индикаторов их функционирования (ВП), а также высокую степень генетической общности этих индикаторов с показателями интеллекта.

Роль генотипа в обеспечении преемственности межуровневых связей в процессе развития

В современной психогенетике вопрос о роли генотипа в межиндивидуальной вариативности любого психологического признака, в первую очередь интеллекта, решается в контексте его онтогенетического развития (Равич-Щербо с соавт., 1999; Plomin et al., 1990). В лонгитюдных исследованиях установлено, что показатели интеллекта обладают достаточно высокой онтогенетической стабильностью. Кроме того, в младенчестве выявлены психологические характеристики, которые обладают прогностической валидностью по отношению к оценке интеллекта в более позднем возрасте (Равич-Щербо с соавт., 1996).

На этом фоне мало исследованным остается прогностическое значение психофизиологических показателей. Между тем современные представления о структуре индивидуальности позволяют поставить вопрос о существовании преемственности процессов биологического созревания и психического развития и роли факторов генотипа в этом процессе.

В контексте теории интегральной индивидуальности (Б.Г. Ананьев,

В.С. Мерлин, Б.Ф. Ломов, В.Д. Небылицын, Б.М. Теплов, Э.А. Голубева, В.М. Русалов, А.И. Крупнов, И.В. Равич-Щербо и др.) принципиально важным является положение о разнообразии связей, существующих между разными уровнями в ее структуре, которые могут функционировать по принципу координации и субординации (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин и др.). Из этого следует, что между психологическими и психофизиологическими показателями когнитивного функционирования должны существовать прямые и обратные связи, обеспечивающие целостность и индивидуальное своеобразие когнитивной сферы человека на всем протяжении жизни.

Исходя из этого, можно полагать, что психофизиологические механизмы переработки информации на ранних этапах онтогенеза могут оказывать существенное влияние на развитие интеллекта и его показатели в зрелости. Цель данного исследования, выполненного нами совместно с А.Г. Замахиним (Марютина, Замахин, 1999; Замахин, 2004), — проанализировать природу связей между показателями зрелого интеллекта и параметрами вызванных потенциалов в младшем школьном и подростковом возрастах и определить роль генотипа в их формировании.

Целостность индивидуальности и преемственность ее формирования обеспечивает наличие взаимосвязей между разными уровнями ее структуры на протяжении достаточно длительных периодов онтогенеза и при переходе с одной возрастной стадии на другую. В силу преемственности процессов психофизиологического

созревания и психического развития интеллект как интегральная когнитивная характеристика, отличающаяся высоким уровнем онтогенетической стабильности, должен обнаруживать межвозрастные связи с психофизиологическими показателями когнитивных функций на разных этапах онтогенеза. Иными словами, параметры вызванных потенциалов, выступающие как промежуточные фенотипы интеллекта, могут обладать прогностическими свойствами по отношению к интеллекту не только в момент непосредственного исследования, но и в перспективе его развития.

По этой причине психофизиологические механизмы переработки информации, складывающиеся в младшем школьном и подростковом возрастах, могут оказывать существенное влияние на развитие интеллекта и его показатели в зрелости. Причем интенсивность взаимосвязей между психофизиологическими признаками и когнитивными характеристиками должна иметь контекстно-ориентированный характер. Из этого следует, что эффективность построения межвозрастного прогноза интеллектуальных характеристик зависит от используемых для анализа параметров вызванных потенциалов, вида стимула, зоны регистрации и возраста.

Выделение общей генетической основы межвозрастных корреляционных связей параметров вызванной активности, зарегистрированной на ранних этапах онтогенеза, и индикаторов интеллектуального развития во взрослом возрасте создает предпосылки для решения вопроса о путях трансляции генетических влияний

на формирование индивидуально-психологических особенностей когнитивной сферы человека.

Индивидуальные особенности когнитивного функционирования различных мозговых систем, обозначаемые как эндофенотипы, выступают в данном случае в роли «черного ящика» между отдельными генами (или их совокупностями) и когнитивными способностями. Предполагается, что посредством эндофенотипов осуществляется избирательная трансляция генотипических влияний на более высокие когнитивные уровни (De Geus et al., 2001).

В то же время вызванные потенциалы демонстрируют закономерную динамику созревания в онтогенезе, которая согласуется с возрастными закономерностями психического развития (Физиология развития ребенка, 2000). Тот факт, что вызванные потенциалы отражают возрастные особенности работы мозговых систем переработки информации, дает основание искать взаимосвязь между параметрами ВП, зарегистрированными в разных возрастах, и показателями зрелого интеллекта и, таким образом, установить психофизиологические предпосылки интеллекта в онтогенезе.

Экспериментальный материал и описание методик исследования

Основу работы составляют данные регистрации зрительных вызванных потенциалов (ВП) у моно- и дизиготных близнецов (МЗ, ДЗ) в возрасте 8 и 11 лет в период с 1985 г. по 1989 г., а также результаты тестирования интеллекта тех же близнецов в возрасте 21–24 года (средний

возраст — 22 года 8 мес.) по тесту Векслера (в адаптации Филимоненко, Тимофеева, 1995).

В детском возрасте в младшую группу входили по 20 пар МЗ и однополых ДЗ близнецов 8–9 лет (средний возраст 8 лет 6 мес.), в подростковую группу — 26 пар МЗ и 24 пары ДЗ близнецов 10–12 лет (средний возраст 11 лет 2 мес.). У всех близнецов в идентичных условиях были зарегистрированы зрительные потенциалы (ВП) на семь видов стимулов. Стимулы, условия опыта, регистрации вызванных потенциалов и их обработки полностью соответствуют тем, в которых проводилось исследование вызванных потенциалов взрослых близнецов (см. предыдущий раздел).

Анализ изменений ВП на разные виды стимулов проводился в каждой зоне для выделенных компонентов отдельно по двум параметрам: латентному периоду и амплитуде. Латентные периоды подсчитывались от начала стимуляции до пика компонента (в мсек), амплитуды измерялись от пика до пика (в мкВ).

Для оценки связи между показателями интеллекта во взрослом возрасте и параметрами зрительных вызванных потенциалов в младшем школьном и подростковом возрастах использована схема анализа данных, представленная на рис. 3.

Прогноз зрелого интеллекта по промежуточным фенотипам, зарегистрированным в подростковом возрасте. Эффективность прогноза показателей интеллекта по параметрам ВП на стимулы разного типа оценивалась путем сравнения множественных коэффициентов детерминации,

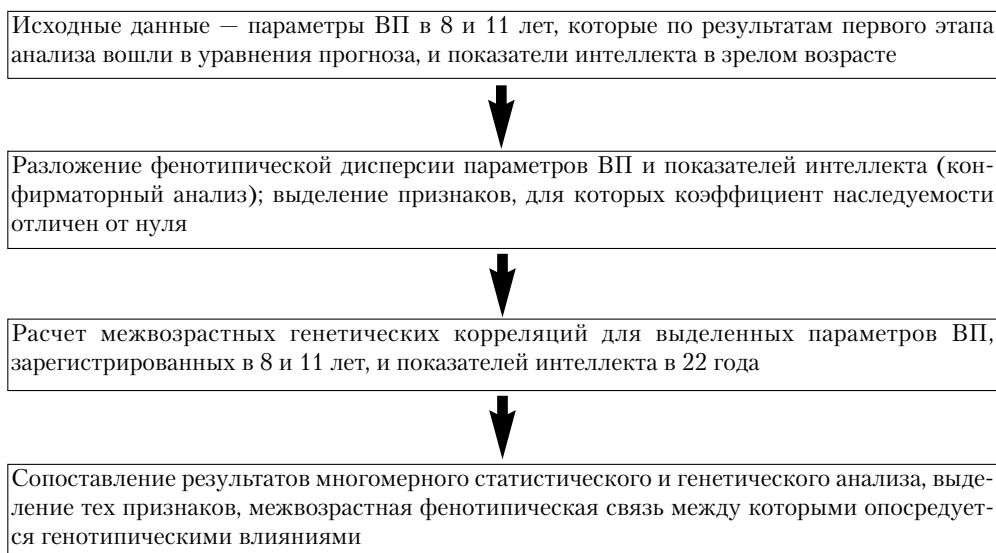
Рис. 3

Этапы анализа эмпирических данных, полученных при сравнении показателей интеллекта во взрослом возрасте и параметров зрительных вызванных потенциалов в младшем школьном и подростковом возрастах

I этап (многомерный статистический анализ)

II этап (генетико-статистический анализ)

полученных с помощью регрессионного анализа. Из диаграммы следует, что вариативность показателей зрелого интеллекта зависит от особенностей амплитудно-временных параметров ВП в подростковом возрасте (рис. 4).

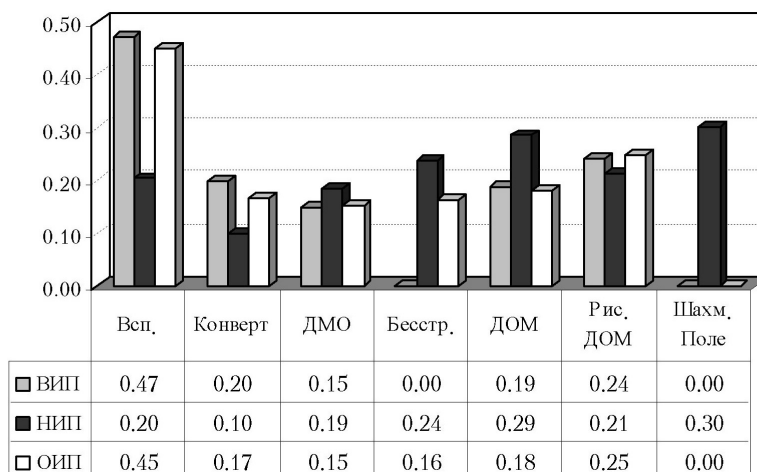
При этом заметно выступает влияние специфики стимула. Наиболее отчетливая связь между параметрами ВП и показателями вербального и общего интеллекта обнаруживается для ответов на элементарный стимул — вспышку. Коэффициенты детерминации составляют 0.47, 0.20 и 0.45 соответственно для параме-

тров ВИП, НИП и ОИП. Для невербального интеллекта более информативны ответы на графические стимулы (бесструктурный, дом и шахматное поле).

Прогностическая ценность различных параметров ВП приблизительно одинакова. Для показателей вербального и общего интеллекта латентности и амплитуды обеспечивают в среднем примерно равный вклад в их прогноз. При этом основной вклад вносят поздние эндогенные компоненты ВП, отражающие специфику когнитивного функционирования неспецифических мозговых

Рис. 4

Диаграмма множественных коэффициентов детерминации прогноза показателей интеллекта, измеренных в 22 года по амплитудно-временным параметрам ВП, зарегистрированным в 11 лет

Виды стимуляции: Всп. — вспышка света, Конверт — симметричная геометрическая фигура, ДМО — комбинация букв ДМО, Бесстр. — хаотический набор элементов, из которых складывалось изображение дома, ДОМ — слово ДОМ, Рис. ДОМ — рисунок дома, Шахм. поле — шахматное поле.

Интеллектуальные показатели: ВИП — вербальный, НИП — невербальный, ОИП — общий.

систем, вовлеченных в обработку информации (Reinvang, 1999). В то же время для прогноза невербального интеллекта характерно преобладание амплитудных параметров (в совокупности более 80% переменных в уравнениях прогноза представлены амплитудами $P160-N200$ и $N200-P250$).

Установленные связи могут быть детерминированы влияниями как генотипа, так и среды. Для оценки вклада генотипа были вычислены генетические корреляции. Анализ межвозрастных генетических корреляций показал, что наиболее значительны их величины для показателей вербального и общего интеллекта. Усредненные по всем стимулам значения составляют соответственно 0.91 и 0.79. Для невербального интеллекта этот показатель ниже: 0.58. Надо также подчеркнуть, что генетически опосредствованная взаимосвязь проявляется наиболее отчетливо для амплитуд эндогенных компонентов $P160-N200-P250$.

Топографическое распределение межвозрастных фенотипических и генетических корреляций показателей ВП и интеллекта имеет зонально-специфический характер. Наиболее высокие генетические корреляции (от 0.5 и выше) преобладают в передних отделах левого полушария в зонах $F3$ и $T5$. Характерно определенное совпадение топографического паттерна распределения высоких значений генетических корреляций и зон коры больших полушарий, ВП которых вносят наибольший вклад в прогноз интеллекта. Так, параметры ВП, зарегистрированные в левом полушарии и вертексе в возрасте 11 лет, обнаруживают наиболее значительную связь с вербальным интел-

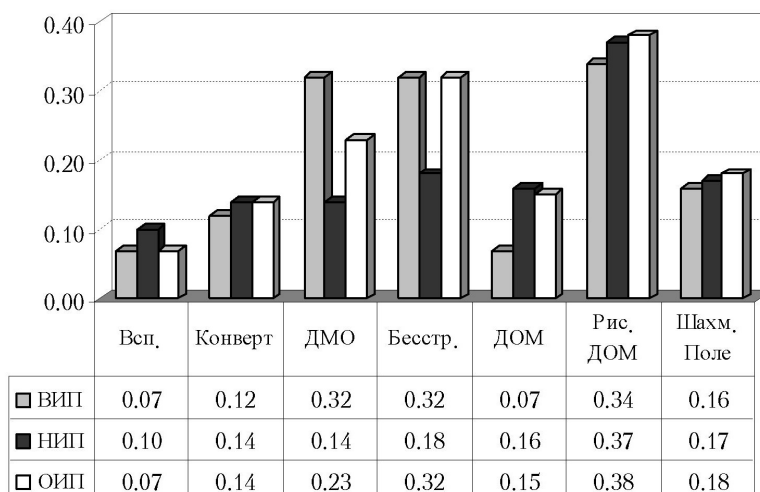
лектом, которая почти на 90% определяется генетическими влияниями. Для невербального интеллекта совпадение высоких генетических и фенотипических корреляций обнаруживается в зонах правого полушария $T6, F4$.

Для показателя общего интеллекта нет четкой картины совпадения генетических и фенотипических индикаторов степени связи между изучаемыми характеристиками. В целом эти данные свидетельствуют о том, что особенности функционирования мозговых систем, ответственных за переработку информации у подростков, оказывают пролонгированное влияние на формирование интегральных когнитивных характеристик вплоть до периода зрелости, и это влияние в определенной степени направляется факторами генотипа.

Межвозрастной прогноз интеллекта в 22 года по показателям вызванных потенциалов, зарегистрированных в младшем школьном возрасте. Как и в случае прогноза зрелого интеллекта по параметрам ВП в подростковом возрасте, аналогичные уравнения, основанные на параметрах ВП в 8-летнем возрасте, демонстрируют влияние специфики стимула на межвозрастную связь оценок интеллекта и параметров ВП (рис. 5). Наиболее эффективный прогноз возможен по параметрам ВП на рисунок дома. В отличие от подростковой группы наименее адекватный прогноз возможен по параметрам ВП на вспышку. Следует подчеркнуть, что эффективность прогноза в обеих возрастных группах приблизительно одинакова. Различия между группами определяются составом стимулов,

Рис. 5

Диаграмма множественных коэффициентов детерминации прогноза показателей интеллекта, измеренных в 22 года по амплитудно-временным параметрам вызванных потенциалов, зарегистрированных в 8 лет

ответы на которые дают основу для прогноза.

Амплитудно-временные параметры ВП, выступающие в роли предикторов интеллекта в младшей группе, также отличаются по составу от старшей группы. По относительному вкладу отдельных параметров ВП наибольшая нагрузка приходится на амплитуду $P160-N200$, вклад которой высок для межвозрастного прогноза всех показателей интеллекта, составляя от 38% (ОИП) до 50% (ВИП) от общего числа значимых связей. Для остальных параметров, включая латентности, соответствующий вклад колеблется в пределах от 0 до 30% (латентный период компонента $P250$).

Если эффективность прогноза в младшей и старшей группах в целом приблизительно одинакова, то генетические корреляции между параме-

трами ВП и показателями вербального и общего интеллекта у детей 8 лет меньше по абсолютной величине. Для показателей невербального интеллекта вклад генотипа в межвозрастные связи в двух группах различается мало.

Если сопоставить вклад генотипа и среды в формирование связи между параметрами ВП и когнитивными характеристиками, то наиболее выражено влияние генотипа для связей показателей интеллекта и латентного периода компонента $P160$. Генетические корреляции здесь превышают значение 0.5. Влияние генотипа заметно для амплитуды $P160-N200$ (среднее значение генетической корреляции для показателей интеллекта равно 0.55).

Анализ топографии генетических корреляций свидетельствует о том,

что наиболее выражен вклад генотипа в связи показателей интеллекта и параметров ВП в зонах *T5* и *Oz*. При этом наблюдается несовпадение профиля распределения зон коры, дающих наибольший вклад в прогноз интегральных характеристик интеллекта и средних генетических корреляций. Так, например, параметры ВП вертекса входят в уравнение прогноза общего и вербального показателей интеллекта. В то же время генетические корреляции, характеризующие связь тех же параметров ВП и показателей интеллекта, в среднем дают значение не более 0.35.

Таким образом, особенности функционирования мозговых систем (на этапе младшего школьного возраста), участвующих в приеме и обработке поступающей зрительной информации, находят свое отражение в индивидуальных характеристиках интеллектуальной сферы на более поздних этапах онтогенеза. Связи между показателями ВП и интегральными интеллектуальными характеристиками в зависимости от вида контекста достаточно выражены и находятся под влиянием генотипа.

Межвозрастная генетическая корреляция показывает, в какой степени генетическая составляющая дисперсии в одном возрасте связана (коррелирует) с генетической составляющей дисперсии того же или иного признака в другом возрасте независимо от того, какова наследуемость этих признаков в каждом из анализируемых возрастных периодов. Однако чем выше коэффициенты наследуемости сравниваемых признаков и больше величина генетической корреляции, тем больше оснований го-

ворить о генетическом опосредовании наблюдаемой между показателями фенотипической связи, причем даже в том случае, если коэффициент фенотипической корреляции имеет небольшую величину. Последнее может говорить о том, что генетические и средовые влияния действуют в противоположном направлении.

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что когнитивные характеристики в зрелом возрасте и показатели функционирования мозговых систем переработки визуальной информации обнаруживают отчетливую фенотипическую связь, которая выражается по-разному в зависимости от стимула, параметра, зоны регистрации ВП и испытывает влияние генотипа.

В целом проведенное исследование свидетельствует о том, что параметры вызванных потенциалов, которые представляют корковые механизмы переработки зрительной информации в младшем школьном и подростковом возрастах, могут быть использованы для прогноза показателей интеллекта на более поздних этапах онтогенеза. Эффективность построения такого прогноза обнаруживает зависимость от параметра вызванного потенциала, вида стимула, зоны регистрации и возраста испытуемых.

Электрофизиологические показатели когнитивного функционирования в подростковом возрасте в совокупности позволяют объяснить до 45% вариативности оценок вербального и общего интеллекта и около 30% невербального. Первые лучше прогнозируются по параметрам вызванных потенциалов на элементарный сенсорный стимул (вспышку).

Для невербального показателя более информативными являются параметры ответов на пространственно-структурированный стимул (шахматное поле). Наиболее значимые связи с интеллектом имеют амплитуды эндогенных компонентов *P160–N200–P250*, которые непосредственно связываются с когнитивными операциями формирования образа, сличения его с памятью и принятия решения. Топографически более тесные связи с интеллектом обнаружены в ассоциативных зонах коры левого полушария.

Электрофизиологические показатели когнитивного функционирования, зарегистрированные в младшем школьном возрасте, определяют менее 40% вариативности показателей зрелого интеллекта, которые лучше прогнозируются по ответам на семантический стимул — рисунок дома. Доминирующую роль в прогнозе всех показателей зрелого интеллекта играют амплитуды *P160–N200* и латентный период позднего компонента *P250* вызванных потенциалов затылочной и левой височной зон.

Наличие генетических корреляций между параметрами ВП и показателями интеллекта свидетельствует о существовании общих генетических факторов, включенных в формирование межвозрастных межуровневых фенотипических связей различных показателей когнитивных функций индивидуальности.

Заключение

Для изучения механизмов, опосредствующих влияния факторов генотипа на психометрический интеллект, принципиально важным явля-

ется понятие промежуточного фенотипа (эндофенотипа). Выявление нейрофизиологических показателей переработки информации, имеющих общую генетическую основу с особенностями интеллекта, дает основания для решения вопроса о каналах трансляции влияний генотипа на психологический уровень. Круг реальных и потенциальных эндофенотипов весьма широк. Наряду с биохимическими и морфофункциональными характеристиками в роли промежуточных фенотипов или эндофенотипов интеллекта рассматриваются электрофизиологические ответы коры больших полушарий на стимулы разного типа (вызванные потенциалы). Они отвечают всем критериям, позволяющим квалифицировать признак как эндофенотип. Это индивидуально-специфические, относительно стабильные реакции, параметры которых в той или иной степени обнаруживают наследуемость. Эти реакции и их отдельные параметры и свойства демонстрируют связь с психометрическим интеллектом, которая получает теоретическое обоснование в контексте ряда признанных гипотез (нейронной эффективности, миелиновой гипотезы).

Анализ фенотипических и генетических корреляций, существующих между электрофизиологическими коррелятами переработки информации (ВП) и интегральными когнитивными характеристиками, имеет принципиальное значение для понимания природы межуровневых связей в когнитивной сфере человека.

Генетические корреляции между показателями ВП и интеллекта варьируют в зависимости от вида стимула, зоны регистрации ВП и

специфики параметра. В целом генетические корреляции выше для ВП на семантические стимулы по сравнению с элементарными сенсорными, для ВП фронтальных зон и вертекса по сравнению с ВП затылочной зоны, для амплитуд по сравнению с латентностями. Таким образом, в роли промежуточных фенотипов интеллекта с наибольшим основанием могут выступать параметры ВП, отражающие активность фронтальных зон коры больших полушарий при обработке семантической информации.

В онтогенезе механизмов переработки информации существует преемственность процессов созревания и развития, которая отражает целостность индивидуальности и определяет взаимосвязь психологического, психофизиологического и генетического уровней в ее структуре. Об этом свидетельствует тот факт, что показатели зрелого интеллекта обнаруживают достоверные связи с электрофизиологическими показателями когнитивного функционирования

на более ранних этапах онтогенеза, и эти связи зависят от генотипа.

Параметры вызванных потенциалов, которые рассматриваются как корреляты функционирования мозговых систем, участвующих в приеме и обработке зрительной информации в младшем школьном и подростковом возрастах, с одной стороны, и как промежуточные фенотипы интеллекта, с другой, могут быть использованы для прогноза показателей интеллекта на более поздних этапах онтогенеза. Эффективность построения такого прогноза обнаруживает зависимость от параметра вызванного потенциала, вида стимула, зоны регистрации и возраста испытуемых.

Наличие генетических корреляций между параметрами ВП и показателями интеллекта свидетельствует о существовании общих генетических факторов, включенных в формирование межвозрастных межуровневых фенотипических связей различных показателей когнитивных функций индивидуальности.

Литература

- Айзенк Г.* Интеллект: новый взгляд // *Вопр. психол.* 1995. № 1. С. 111–131.
- Анохин А.П., Веденягин А.Б.* Генетические влияния на функционирование мозга человека // *Психогенетика. Хрестоматия* / Под ред. М.В. Алфимовой, И.В. Равич-Щербо. М.: Академия, 2006. С. 113–142.
- Ван Баал Г.К.М., ван Бейстервельдт К.Е.М., де Геус Е.Дж.К.* Генетическая перспектива развивающегося мозга: показатели функционирования мозга у близнецов в детском и юношеском возрасте // *Иностранная психология.* 2001. № 14. С. 35–48.
- Замахин А.Г.* Онтогенетические предпосылки интеллекта в структуре индивидуальности. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Купер К.* Индивидуальные различия. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Лючиано М., Смит Г.А., Райт М., Гейфен Дж., Гейфен Л.Б., Мартин Н.* Генетические влияния на связь времени реакции выбора и IQ: близнецовое исследование // *Иностранная психология.* 2001. № 14. С. 49–60.

- Малых С.Б. Психогенетика: теория, методология, эксперимент. М.: Эпидавр, 2004.
- Марютина Т.М., Замахин А.Г. Природа межвозрастных связей психологических и физиологических показателей когнитивной сферы человека // Культурно-исторический подход к творчеству. Материалы IV чтений памяти Л.С. Выготского. М.: РГГУ, 2004. С. 67–78.
- Марютина Т.М., Трубников В.И. Генетические корреляции психофизиологических характеристик человека. Сообщение I. Генетические корреляции вызванных потенциалов // Физиология человека. 1994. Т. 20. № 5. С. 19–26.
- Мешкова Т.А. Психогенетика. Учебное пособие. М.: МГППУ, 2004.
- Равич-Щербо И.В. Психология и психогенетика нужны друг другу // Иностранная психология. 2001. № 14. С. 1–5.
- Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М.: Аспект, 1999.
- Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Трубников В.И., Белова Е.С. Кириакиди Э.Ф. Психологические предикторы индивидуального развития // Вопр. психол. 1996. № 2. С. 42–54.
- Рийсдейк Ф.В., Бумсма Д.И. Генетическая связь между проводимостью в периферической нервной системе и интеллектом // Иностранная психология. 2001. № 14. С. 24–34.
- Физиология развития ребенка / Под ред. М.М. Безруких, Д.А. Фарбер. М.: Образование от А до Я, 2000.
- Хомская Е.Д. Мозг и активация. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Vaare W.F., Hulshoff P. H.E., Boomsma D.I., Posthuma D., de Geus E.J. Quantitative genetic modeling of variation in human brain morphology // Cerebral Cortex. 2001. № 11. Sep. 816–824.
- Baker L.A., Vernon P.A., Ho Hsiu-Zu. The genetic correlation between intelligence and speed of information processing // Behavior Genetics. 1991. 21. 4. 351–360.
- Barret P.T., Eysenck H.J. The relationship between evoked potential component amplitude, latency, contour length, variability, zero-crossing, and psychometric intelligence // Personality and Individual Differences. 1994. 16. 3–32.
- Callaway E. Brain electrical potentials and individual psychological differences. N. Y.: Grune and Stratton, 1976.
- Deary I.J., Caryl P.G. Neuroscience and human intelligence differences // Trends in Neuroscience. 1997. 20. 365–371.
- De Geus E.J.C., Wright M.J., Martin N.G., Boomsma D.I. Genetics of Brain Function and Cognition // Behavior Genetics. 2001. 31. 6. 489–495.
- Eysenck H.J. Revolution in the theory and measurement of intelligence // Evolution Psychologica / Psychological Assessment. 1985. 1. 1–2. 99.
- Geschwind D.H., Miller B.L., De Carli C., Carmelli D. Heritability of lobar brain volumes in twins supports genetic models of cerebral laterality and handedness // Proc. Nat / Acad Sci., USA, 2002. 99. 5. 3176–3181.
- Gottesman I.I., Gould F.R.C. The endophenotype concept in psychiatry: etymology and strategic intentions // American Journal of Psychiatry. 2003. 160. 4. 636–645.
- Katsanis J., Iacono W.G., McGue M.K., Carlson S.R. P300 event-related potentials heritability in monozygotic and dizygotic twins // Psychophysiology. 1997. 34. 47–58.
- Luciano M., Wright M., Smith G.A., Geffen G.M., Geffen L.B., Martin N.G. Genetic covariance among measures of information processing speed, working memory and IQ // Behavior Genetics. 2001. 31. 6. 581–592.

- Miller E.M. Intelligence and brain myelination: a hypothesis // *Personality and Individual Differences*. 1994. 17. 803–832.
- Pennington B.F., Filipek P.A., Lefly D., Chhabildas N., Kennedy D.N., Simon J.H., Filley C.M., Galaburda A., DeFries J.C. A twin MRI study of size variations in human brain // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2000. 12. 1. 223–232.
- Plomin R., DeFries J.C., McClearn G.E. *Behavioral Genetic. A primer*. Freeman a. Company. N. Y., 1990.
- Polich J., Martin S. P300, cognitive capability, and personality: a correlational study of university undergraduates // *Personality and Individual Differences*. 1992. 13. 533–543.
- Posthuma D., De Geus E.J.C., Neal M.C., Hulshoff Pol H.E., Baare W.E.C., Kahn R.S., Martin N.G., Boomsma D.I. Multivariate genetic analysis of brain structure in an extended twin design // *Behavior Genetics*. 2000. 30. 4. 311–319.
- Posthuma D., Neal M.C., Boomsma D.I., De Geus E.J.C. Are smarter brains running faster? Heritability of alpha peak frequency, IQ and their interrelations // *Behavior Genetics*. 2001. 31. 6. 567–579.
- Posthuma D., De Geus E.J.C., Boomsma D.I. Perceptual speed and IQ are associated through common genetic factors // *Behavior Genetics*. 2001. 31. 6. 593–602.
- Posthuma D., De Geus E.J.C., Baare W.F.C., Hulshoff Pol H.E. Kahn R.S., Boomsma D.I. The association between brain volume and intelligence is of genetic origin // *Nature Neuroscience*. 2002. 5. 83–84.
- Reinvang I. Cognitive event-related potentials in neuropsychological assessment // *Neuropsychology Review*. 1999. 9. 4. 231–247.
- Smith D.J.A., Posthuma D., Boomsma D.I., De Geus E.J.C. Heritability of background EEG across the power spectrum // *Psychophysiology*. 2005. 42. 691–697.
- Van Beijsterveldt C.E.M., Molenaar P.C.M., De Geus E.J.C., Boomsma D.I. Individual differences in P3 amplitude: a genetic study in adolescent twins // *Biological Psychology*. 1997. 47. 97–120.
- Van Beijsterveldt C.E.M., Molenaar P.C.M., De Geus E.J.C., Boomsma D.I. Genetic and environmental influences on EEG coherence // *Behavior Genetics*. 1998. 20. 5. 443–453.
- Van Beijsterveldt C.E.M., van Baal G.C.M. Twin and family studies of the human electroencephalogram: a review and a metaanalysis // *Biological psychology*. 2002. 62. 111–238.
- Vernon P.A. *Speed of information-processing and intelligence*. Ablex, 1987.
- White T., Andreasen N.C., Nopoulos P. Brain volumes and surface morphology in monozygotic twins // *Cerebral cortex*. 2002. May. 12. 486–493.
- Willerman L., Schultz R., Rutledge J.N., Bigler E.D. In vivo brain size and intelligence // *Intelligence*. 1991. 15. 223–228.
- Winter G., Goldman D. Genetics of human prefrontal function // *Brain Research Reviews*. 2003. 43. 134–163.
- Wright M.J., Hansell N.K., Geffen G.M., Geffen B.G., Smith G.A., Martin N.G. Genetic influence on the variance in P3 amplitude and latency // *Behavior Genetics*. 2001. 31. 6. 555–565.
- Wright I.C., Sham P., Murray R.M., Weinberger D.R., Bultimore E.T. Genetic contributions to regional variability in human brain structure: methods and preliminary results // *Neuroimage*. 2002. 17. 256–271.

Размышления о психологии

НЕ ПОРА ЛИ ЗАДУМАТЬСЯ О «ДЕСПОТИЗМЕ ЯЗЫКА» В ПСИХОЛОГИИ?

Е.А. КЛИМОВ

Климов Евгений Александрович — профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ, академик РАО. В 1986–2000 гг. декан факультета психологии МГУ. Автор более 150 научных работ, в т. ч. книг: «Школа... а дальше?» (1971), «Информационно-поисковая система “Профессии-графия”» (в соавт., 1972), «Введение в психологию труда» (1988), «История психологии труда в России» (в соавт., 1992), «Образ мира в разнотипных профессиях» (1995), «Психология профессионала» (1996), «Психология профессионального самоопределения» (1996), «Психология. Учебник для средней школы» (1997), «Основы психологии. Учебник для вузов» (1997).

Резюме

В профессиональном языке психологов распространены "штампы речи", которые могут вызывать разнообразные ассоциации и представления, ведущие к неадекватному пониманию предмета. Хотя такие штампы обычно понятны психологам, представителей других специальностей они могут вводить в заблуждение. Автор приводит ряд примеров подобной терминологии и призывает профессиональное сообщество рассмотреть вопрос о том, чтобы изъять ее из употребления, заменив на более содержательные утверждения.

«...Здесь уже для изложения мысли мне не хватает существующих языковых средств, и встает задача их разработки»

В.П. Серкин. «Хохот шамана»

Словосочетание «деспотизм языка» употребил еще в XIX в. Н.Я. Грот (1852–1899), разбирая некоторые

проблемы логики (Грот, 1882, с. 20; Сумарокова, 1995). Суть обозначенного явления сводится к тому, что

люди иногда не различают отношения между словами, с одной стороны, и отношения между идеями, отображающими ту или иную внеречевую реальность, — с другой. В личной жизни это, как говорится, можно не учитывать, а в науке — весьма важно учитывать.

В XX в. подобная идея (об обусловленности восприятия и мышления человека структурами привычного ему языка) выражена в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа (см., напр.: Краткий психологический словарь, 1998, с. 186; Психологический словарь, 1996, с. 173). В психосемантике обсуждается проблема «лингвокультурной относительности» (Петренко, 2005, с. 23–31). Современные языковеды говорят как о чем-то само собой разумеющемся (т. е. без ссылок), что «часто язык заставляет говорящего выражать идеи, даже если они несущественны для его высказывания» (Апресян и др., 2006, с. 35, 36). Правда, и в приведенной цитате можно усмотреть проявление «деспотизма языка» в формулировке «язык заставляет». Иначе говоря, языку приписываются свойства властного субъекта деятельности, и у людей, пользующихся языком, могут возникать представления о том, что язык *делает* нечто. Но он же не милиционер и никого не «заставляет» что-либо делать.

В житейском обиходе различение грамматики и логики, слов и мыслей не обязательно является важным. Например, говорим же мы: «ветер дует», «дождь идет» и т. п. Язык тут как бы приписывает ветру, дождю свойства субъектов действий, деятельности. Но в таких случаях люди

правильно понимают друг друга. А в поэзии описываемое явление, в частности, приписывание неодушевленным объектам побуждений, психических состояний — не просто норма, но и достоинство художественной речи (помните: «Зимы ждала, ждала природа. / Снег выпал только в январе...»). Без этого нет и поэзии. Множество подобных примеров легко припомнит каждый.

Но, повторяю, в науке, как и в бухгалтерском деле, требуется предельно точное отображение, обозначение в речи «истинного положения вещей». Считается, например, что «в математике нет символов для неясных мыслей» (Анри Пуанкаре). Это должно бы относиться и к психологии как науке, предметной областью которой являются процессы, в значительной своей части недоступные наблюдению.

Но, быть может, в учебниках, пособиях, справочниках по психологии все обстоит благополучно в обсуждаемом отношении? По-видимому, не всегда.

Когда я обратился к своим собственным публикациям прошлых лет, то заметил, что и сам «грешен» — подвержен «деспотизму языка». Но ведь эти публикации уже «разошлись по рукам», и не избавишься от них, как это сделал в свое время (впрочем, по другим причинам) Н.В. Гоголь, предав огню рукопись второго тома «Мертвых душ».

Далее в предлагаемом тексте будут рассмотрены некоторые распроданные в нашем профессиональном языке «штампы речи», которые неплохо бы изымать из употребления и заменять более содержательными утверждениями для прояснения

сути дела. Почему это важно? Ведь психологи, кажется, достаточно хорошо понимают публикации друг друга!

Дело в том, что психологию сейчас изучают будущие инженеры, медики, юристы, искусствоведы, философы и многие другие становящиеся профессионалы. И полезно подумать о том, какие представления, ассоциации могут у них возникать (в связи с их *особым опытом*) при столкновении с некоторыми словами и оборотами речи, укоренившимися в нашем профессиональном жаргоне.

Иногда пишут, толкуя о психике, что в ней нечто «лежит в основе» чего-то другого. Положим, так: «Абстракция лежит в основе процессов обобщения и образования понятий». Что такое здесь «основа», что значит «лежит»? Значение этих слов таково, что у читателя, скажем, у будущего инженера, еще не испорченного психологическим чтивом, может возникнуть представление о чем-то «лежащем», о чем-то статичном, что можно «потрогать», тогда как психика для психологов, конечно же, процессуальна. По крайней мере, если иметь в виду, например, «абстракцию» и «обобщение», то лучше бы толковать на языке связей, зависимостей соответствующих процессов. Важно ведь знать, что от чего, как, с какой вероятностью зависит.

Конечно, как говорится, «умный авось и так поймет». Но лучше бы употреблять в случаях отмеченного рода (или придумать) какие-то более подходящие слова и обороты речи, соответствующие «истинному положению вещей». Какие? Я и сам пока не всегда знаю. Нахожусь в состоянии озадаченности, как и

В.П. Серкин (см. эпиграф к данной статье).

Я буду здесь иметь в виду именно *хорошие* психологические публикации и, *не ссылаясь на них*, выделю для рассмотрения некоторые особенности нашей профессиональной речи, от которых, повторяю, не худо бы избавляться, заменяя их более содержательными сообщениями (ради пользы общего дела). Почему *не ссылаясь*? Потому что цель моя — не критиковать кого-то (напоминаю, сам «грешен» и даже не уверен, что хорошо исправлюсь), а именно пригласить коллег к обсуждению и совершенствованию нашей профессиональной речи. Прежде всего, нам важно замечать факты «деспотизма языка» и поразмыслить о поисках, разработке возможных более подходящих вариантов высказываний.

Вот, например, в психологии личности определенное место занимает термин «характер» (речь идет о подструктуре личности). Но вместе с тем в публикациях по психологии этот почтенный термин часто употребляется, скажем так, «не по делу», а именно в значении «особенности», «совокупность особенностей» чего угодно. Например, «характер аналитаторов», «характер работы (человека)», «характер боли», «преходящий характер харизмы», «характер походки (человека)» «кризисные ситуации производственного характера», «закономерный характер изменений психики», «знания глубокого и обобщенного характера», «данные имеют характер порядковых шкал», «...установки, имеющие характер рефлексологических реминисценций», «характер среды», «характер коррекционной деятельности». Ну, и так без

видимого конца. Пусть, положим, географы говорят о «характере ландшафта». Они понимают, о чем идет речь. Слова не будем считать предметом сословной, профессиональной собственности. Но в своей-то области наводить терминологическую чистоту, устранять «понятийную грязь» надо?

Примерно так же обстоит дело с термином «способности». Способности свойственны, строго говоря, человеку как субъекту деятельности. Но как прикажете воспринимать следующие выражения? «Способность клеток коры головного мозга выдерживать сильные или длительные воздействия», «способность зрительной системы», «способность аффектов аккумулироваться», «способности организмов к измерению времени», «способность доминанты стойко удерживать возбуждение...», «способность образов к быстрым преобразованиям», «клетка (нейрон-детектор), способная избирательно реагировать...», «способность анализаторов к сенсорному обучению» «фармакологический препарат, способный вызывать нарушение памяти». Термин «способности» размыт.

Часто встречается слово «механизм», которое может сбить с толку неподготовленного читателя психологических публикаций. Слово взято из механики, где оно имеет вполне определенное значение (совокупность подвижно соединенных физических тел, которая под воздействием определенных сил осуществляет заданные движения; тут многое можно измерить, «потрогать»). Ничего похожего в психике нет. А вот слово «механизм» (и подобные «заемные» слова) в психологии употребляется

нередко и, по-видимому, в тех случаях, когда не вполне ясно, о чем идет речь. Иначе говоря, термин ничуть не проясняет сути дела и даже тормозит мысль читателя. Есть, например, в нашем профессиональном языке «механизмы» психической деятельности, «механизмы» взаимодействия соматических и психических процессов, «механизмы» нарушений психических функций, «механизмы» психических процессов, «механизмы» развития и функционирования личности, «механизм» смены социальных ситуаций, «механизмы» творческих процессов, «механизмы» преодоления смысловых искажений, вносимых аффектом». И этот перечень можно было бы продолжать и продолжать. Боюсь, что слово «механизм» используется как некая отговорка (в значении: «Да, тут что-то есть»), т. е. как своего рода «информационная затычка, пробка», тогда как читателю не худо бы узнать о тех процессах и их взаимосвязях, которые пишушим психологам, возможно, известны и понятны. Так пусть будет известно, понятно и другим. Разве не важно заботиться о повышении психологической культуры широких слоев общества?

Скажем, психологи часто употребляют слово «сфера» (когнитивная сфера, эмоционально-мотивационная сфера личности, коммуникативная сфера, сферы деятельности, сфера возможного будущего и много-много всяких прочих «сфер»). Сами психологи к этой условности давно привыкли. Но ведь не все же те, кому приходится ныне изучать психологию, забыли геометрию, где обсуждаемому слову ставят в соответствие вполне определенную реальность:

множество точек, равно удаленных от точки, принимаемой за центр. Вот, положим, мыльные пузыри — это да, нечто похожее на сферы. Но в психике и в общественной среде человека никаких «сфер» нет. Это иносказание, не только не проясняющее то, о чем идет речь (это было бы еще полбеды), но и создающее иллюзию решенности вопроса. И тем самым тормозящее, мне думается, мысль неподготовленного читателя.

Часто встречается в психологических текстах слово «форма» и производные от него. Вспомним, что в философии, искусствоведении есть ясное и правомерное различие «формы» и «содержания» чего-либо. А в психологических (впрочем, и в педагогических) публикациях слово «форма» почему-то укоренилось также и в значении «разновидность». Например: «формы общения», «формы наглядности», «формы научения», «формы организации обучения», «формы психической деятельности», «формы исследований», «формы поведения» и множество других «форм». Но при этом авторы отнюдь не имеют в виду нечто отрешенное от содержания или противопоставляемое ему. Судя по контексту, они имеют в виду как раз содержание, суть обсуждаемых явлений. Зачем же замусоривать текст таинственным словом «форма», если речь идет просто о разновидностях вполне содержательных предметов мысли?

Нередко пишут о «формировании» особенностей психики. «Формирующий подход» при изучении психики считается в нашей науке важной добродетелью. Но ведь корневое значение упомянутых выше в

кавычках слов опять-таки указывает на «форму». А в виду имеются как раз содержательные особенности нашей предметной области. Иначе говоря, думают про одно, а пишут про другое. Зачем? И что прикажете думать тем, для кого значимым является различие между формой и содержанием? Скажем, для инженера-металлурга форма (литейная) — это специально изготовленная «пустота», в которую будет заливаться металл. Для искусствоведа «форма» тоже весьма значимое слово, отличаемое от содержания художественного произведения. Получается, что в психологии прижилась какая-то «гончарная метафора». Но когда гончар придает своему изделию форму, то он превосходно разбирается и в свойствах материала, который «формирует». И психологи тоже, говоря о «формировании» психики, имеют в виду обычно очень сложное *содержание* соответствующих процессов. Не просто «ляпают», а *возделывают* психику с учетом знания ее закономерностей. А почему же говорим о «формировании» ее? Непостижимо.

Пишут о «формировании» качеств личности, о «формировании» произвольного поведения, о «формировании» приемов отвлеченного мышления, отношения к себе, «всех сторон речи» и многого, многого другого.

Точно так же и словосочетание «деформации личности» (в частности, профессиональные) тоже приходится воспринимать как условное, поскольку речь идет обычно о содержательных изменениях личности под влиянием тех или иных причин.

Еще одно проявление «деспотизма языка» состоит в том, что, например, психическим процессам, а иногда

отраслям, направлениям психологии, не говоря уже о мозговых функциях, участках головного мозга, приписываются (грамматически) свойства субъектов деятельности. Например: «эмпирическое мышление строит классификации...», «мотив достижения объясняет внутри- и межиндивидуальные различия...» в том-то и том-то, «когнитивная психология разрабатывает и проверяет...», «современная психология рассматривает связь внешности и личности как проблему...», «фрейдизм считает...», «самовоспитание предполагает», «принцип позволяет», «отрасль психологии изучает...», «социобиология изучает», «сурдопсихология исследует», «направление исследований ставит своей целью...», динамический стереотип «делает нервную деятельность экономной», структуры мозга «создают условия для развития психики». Ну, и т. д. Все можно понять правильно. И все-таки «делают», «создают условия», «строят классификации», «объясняют», «разрабатывают», «проверяют», «считают», «предполагают», «ставят цели» люди, субъекты деятельности, а не те грамматические подлежащие, которые упомянуты чуть выше. Хорошо бы это иметь в виду на будущее.

Еще одно словосочетание, которое встречается нередко и опять-таки уводит мысль от «истинного положения вещей». Разного рода процессам, проявлениям психики, событиям в истории психологии приписывается свойство «играть роль». Например, «движения глаз играют активную роль...» (в зрительном восприятии пространства). Иногда что-то «играет решающую

роль» (например, «ориентировочная деятельность» — в «формировании и осуществлении движений»). Иногда нечто играет «особую роль» (например, дедукция — в «формировании» логического мышления школьника), иногда даже встречаем «чрезвычайную роль» (например, таковую сыграло понятие рефлекса в научном истолковании поведения организмов). Не знаю, что подумают знатоки театрального искусства об упомянутых выше ролях и их градациях. Когда речь идет о социальных ролях людей, то это еще понятно. Но лучше бы нам, психологам, переводить нашу внутрипрофессиональную фразеологию на язык описания того, что происходит в психике «на самом деле» (и, по возможности, без театральных метафор).

Часто встречаются иносказания по-житейски понятные, но все же находящиеся за пределами научного языка. «Эмоциональная окраска сновидений», «палитра практических приложений социальной психологии», «идеологическая, религиозная окраска фанатизма», «палитра объяснений характерологических различий», «чувства, окрашенные отрицательным эмоциональным тоном», «эмоциональная окраска ощущений», «оттенки чувств», «смысловые оттенки». Красиво, но едва ли точно.

Есть химические, физические, геологические метафоры — «кристаллизация идеологии», «широкий спектр объектов», «спектр психических актов», «личностный потенциал», «творческий потенциал движения», «...в недрах экспериментальной психологии», «...в недрах предметной деятельности», «слои

личности» (более или менее глубокие).

Эти и подобные слова и выражения все же «заемные», чужие. Например, термин «потенциал» имеет, что называется, «законную прописку» и понятное значение, прежде всего, в физике, технике, математике (потенциальная функция). Потенциал (от лат. *potentia* — сила) — величина, характеризующая физические поля (электрические, магнитные, гравитационные и др.). Это слово, правда, давно уже разворовано, растащено по многим областям знания (говорят об экономическом потенциале, военном, о любом запасе чего-то; возможно, при этом понимают, о чем идет речь). Но надо ли тащить его еще и в нашу науку?

Иносказания, пусть и образные, яркие, все же не всегда понятны. «Ядро личности», «ядро психической жизни», «внешние воздействия *преломляются* через внутренние условия». Встречается слово «момент» в каких-то загадочных и разных значениях. Например, «рассудок — один из моментов движения к истине», в основу трактовки такого-то понятия «положен момент значимой избирательности...», «слияние волевых и эмоциональных моментов...», «проявление творческих моментов в деятельности».

Встречается, по-видимому, невольное смещение субъектных и объектных явлений. Так, например, слово

«аспект» обозначает, прежде всего, точку зрения, т. е. то, что существует в субъекте, «в голове» людей. Но это слово нередко употребляется и для обозначения признаков объекта, чего-то существующего в предметной области. Например, «исследование аспектов сознания и самосознания», «творчество имеет психологический аспект», «аспекты взаимоотношений человека и среды», «морально-ценностные аспекты сознания», «аспекты экономического поведения», «содержательные аспекты эмоциональности», «динамически-энергетический аспект психики», «аспект адаптации», «скоростные и регуляторные аспекты деятельности», «деятельность и сознание — ...два аспекта...», «сохраненные аспекты личности больного», «обучение аспектам и способам поведения», «аспекты процессов и свойств психики (восприятие, запоминание, обучаемость, мышление)». Понять можно, но строгости нет.

Другие языковые «вольности»: «чувствительность к проблемам», «исследование показало», «исследования позволяют», «память — хранилище опыта», «намерение позволяет человеку произвольно действовать».

Из контекста, конечно, всегда понятно, о чем идет речь. Но все же получается какая-то «терминологическая грязь». В пределах одной науки едва ли уместно одни и те же слова употреблять как в строгом, так и в обыденном значении.

Литература

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.

Грот Н.Я. К вопросу о реформе логики: Опыт новой теории умственных процессов. Нежин, 1882.

Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.; СПб.: Питер, 2005.

Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

Сумарокова Л.Н. О «деспотизме языка» в логике (размышления над одной работой Н.Я. Грота) // XI Международная конференция: логика, методология, философия науки. Вып. VI. Секция 7. История логики и методологии науки. Москва—Обнинск: ИФРАН, ИЛКРЛ. 1995.

---

*Специальная тема выпуска:
Психология — с религией или без нее?*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Великий Р. Декарт писал, что хороший математик не может быть атеистом, а один из наиболее авторитетных наших ученых Нобелевский лауреат В.Л. Гинзбург полагает, что религиозное и научное мировоззрения несовместимы. Мнения полярные. Как полярны мнения в древней дискуссии о соотношении веры и разума: от Фомы Аквинского, считавшего, что разум может доказать религиозные истины (бытие Бога), до Серена Кьеркегора с его «Верую, потому что это абсурдно».

Отношение научного сообщества к религии менялось вместе с «духом науки», изменением научных методов и идеалов рациональности. В начале XIX века П. Лаплас мог позволить себе сказать, что не нуждается в гипотезе Бога. В XX веке физики оказались вдруг перед резко усложнившейся картиной мира и стали проявлять склонность к сочетанию научного подхода с готовностью принимать неабсолютность физической реальности, как, например, Н. Бор,

пытавшийся приложить принцип дополнительности к проблеме соотношения материи и сознания, или мистически ориентированный Э. Шредингер, да и А. Эйнштейн, поминавший Бога, который не играет в кости.

Сегодня проблема науки и религии обсуждается не только в связи с исследованием, но и в связи с образованием. Пожалуй, наиболее горячую полемику — как в нашей стране, так и за рубежом — вызывает преподавание теории происхождения животных и человека. Разрешением споров о том, следует ли излагать школьникам дарвиновскую теорию эволюции, или библейскую теорию сотворения, или же их вместе, с некоторых пор занимаются суды.

Для психологии вопрос о соотношении науки и религии стоит особенно остро. В объект нашей науки входят сознание, субъективные переживания, которые уже содержат в себе в определенном смысле вызов сциентизму. Как сознание связано с материей? Каким образом субъективные

ощущения человека, мысли (которые нельзя не только взвесить и измерить, но даже и зафиксировать извне, помимо самонаблюдения) приводят в действие мышцы, воплощаются в слова, двигают всем миром нашей культуры? Раньше психологи достаточно много рассуждали на эти темы, хотя и не сильно продвигались. Сегодня таких обсуждений стало меньше, исследователи предпочитают заниматься конкретными моделями, описывать закономерности тех или иных видов поведения. Между тем вопрос о том, как субъективная реальность вписывается в научную картину материального мира, по-прежнему остается неясным. Великие же мировые религии формулируют четкое отношение к проблеме души и сознания. Что же, психологии следует здесь позаимствовать религиозные позиции или отвергнуть их?

Другим важным моментом является практика. Психотерапевты нередко отмечают, что психология в своей практической деятельности фактически принимает на себя ряд функций, традиционно выполняемых священнослужителями: указать путь заплутавшему человеку, помочь росту личности, облегчить страдания. Может ли, должна ли психология заимствовать свои практические методы у религии? Или она может достичь тех же целей своими методами? Указать людям при этом другие, нерелигиозные смыслы? Все эти вопросы связаны с еще одним пластом проблемы отношений психологии и религии.

На страницах нашего журнала открывается дискуссия, посвященная проблеме роли и места религии в научной психологии. Мы пригласили открыть нашу дискуссию четырех ведущих авторов по этой проблеме, двое из которых (А.В. Лоргус и В.И. Слободчиков) — сторонники христианской психологии, а двое (М.Ю. Кондратьев и В.М. Розин) — считают, что психология должна быть отделена от религии.

В четвертом номере журнала всем авторам публикуемых здесь статей будет предоставлена возможность высказаться относительно позиций друг друга. Кроме того, к дискуссии приглашаются все читатели. Пожалуйста, присылайте до 15 сентября 2007 г. свои статьи объемом до 15 тыс. знаков с суждениями по проблеме психологии и религии, а также с комментариями к публикуемым ниже материалам. Правила оформления статей содержатся на сайте журнала по адресу: http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/.

Следует отметить, что для психологии, безусловно, актуальна проблема отношения со всеми великими религиями, однако в нашей стране обсуждается в основном проблематика христианской, православной психологии. Именно этим обстоятельством и обуславливается то, что «прорелигиозное» крыло нашей дискуссии на начальном этапе представлено христианскими авторами. Мы надеемся, что в дальнейшем к дискуссии присоединятся и представители других конфессий.

ПСИХОЛОГИЯ — С РЕЛИГИЕЙ ИЛИ БЕЗ НЕЕ?

А.В. ЛОРГУС

Лоргус Андрей Вадимович — священник, декан факультета психологии Российского православного университета Святого Апостола Иоанна Богослова, выпускник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (1982 г.).

Сфера профессиональных интересов — христианская антропология, христианская психология, христианская психологическая помощь.

Контакты: lorgus@comtv.ru

Резюме

В статье выражается тезис христианской психологии, согласно которому психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа, и дух, и одухотворенная телесность. Рассматривается проблема возвращения в психологию понятия души и принятия личности как несводимой к природе, свободной и непознаваемой аналитическими объективными методами онтологической основы человека.

Дискуссия, в которую мы вступаем, возвращает нас лет на 10–15 назад. Тогда, когда многие психологи со стыдом опознавали идеологическую предвзятость сделанного ими, казалось, что возвращение духовного и христианского измерения в науки о человеке, и в психологию в частности, нуждается в апологии и тщательном методологическом анализе. При этом многие психологи понимали, что требуется честный мировоззренческий и методологический анализ сложившейся в России психологии. Был ли он? Была ли осуществлена мировоззренческая и методологиче-

ская ревизия советской школы психологии? Полагаю, что нет.

Возвращение в психологию «духовности» развивалось, напротив, при сверхтщательной критической проверке. Сколько семинаров, сколько конференций прошло за эти годы: международных, университетских, церковно-общественных, частных. Уже и книг вышло немало. Да и какие мужи вписали свои имена в эту часть истории психологии: Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, прот. Б. Ничипоров, Ф.Е. Василюк и мн. др. Нам казалось, что дискуссия о необходимости христианской психологии

завершена и возвращаться к этому более не нужно. Нам казалось, что в 2000-е годы началась новая эпоха для христианской психологии, эпоха методологической работы, научных исследований, формирования школы, образовательных программ. Казалось, что защищать тезис о том, что психология без христианства выглядит куцей, больше не требуется. Но оказалось, что это лишь полуправда. Дискуссия по-прежнему актуальна. Вновь и вновь нужно обращаться к смыслам гуманитарного знания, к духовному измерению науки, к понятиям ответственности, любви, совести и веры.

Однако в каждой дискуссии остается возможность словесной или грамматической эквилибристики. Воспользуюсь этим методом и я.

Вполне допустимо перевернуть вопрос, вынесенный в заглавие: «Психология — против религии или нет?» Казалось бы, недопустимый ход. Однако, с моей точки зрения, и та и другая (Психология без... и Психология против... — одно и то же) формулировка вопроса основана на идеологическом подходе: «Наука против религии», или «Религия несовместима с наукой». Подобная постановка вопроса для науки, для психологии в частности, — вопрос внешний, мировоззренческий, но не собственно научный. Говорить с научных позиций о допустимости или совместимости научного и религиозного знания, обоснованности религиозного мировоззрения в научном сознании едва ли возможно, так как в каждом научном вопросе, в каждой научной проблеме соотношение научного и религиозного сознания может оказаться многозначным и порой неразрешимым.

***

Представляется, что поставленный вопрос можно рассматривать в трех планах: внешнем (идеологическом), внутреннем (методологическом) и специальном, (на уровне предметной специализации).

1. *Идеологический.* Идеологический вопрос о связи науки и религии свойствен только нашему отечеству. Такова наша общественная и научная история. Наиболее неприятное в наследии советского строя заключается не в том, что государство ради идеологической борьбы искалечило науку, а в том, что многие великие умы оказались в плену атеистических убеждений. Вопрос о совместимости психологии и религии (а шире — науки и религии) возникает именно как вопрос религии и атеизма. Его можно переформулировать иначе: должна ли наука быть атеистической? Или так: затемняет ли религия истину? Если же очистить этот вопрос от идеологической окраски, то его можно было бы отнести к философии. Философски вопрос о соотношении религиозного мировоззрения и научного не может быть решен до конца и однозначно. В психологии этот вопрос должен, на мой взгляд, быть рассмотрен под экзистенциальным углом зрения, а именно: можно ли представить себе живого конкретного человека без религиозности? Можно ли рассматривать человека, не имеющего религиозности совсем? Если это возможно, с точки зрения психологии, то какова практическая ценность такой науки? Статистика, социология, реальность жизни требуют неперемennого участия религиозности. И психология не может

отказаться от рассмотрения религиозности как феномена человеческой жизни.

2. *Методологический.* Может ли религиозное мировоззрение, а это, собственно говоря, богословие (аскетика и антропология), принести пользу психологии; совместимы ли богословские представления о человеке и научные; возможен ли альянс между богословием и психологией в конкретных теоретических и практических исследованиях? На большинство этих вопросов ответить можно, на некоторые нет. Есть такие точки развития современной науки, в которых пути богословия и современного естествознания, по-видимому, расходятся. Прежде всего, это проблема эволюционного антропогенеза. С христианской¹ точки зрения человек возникает из акта творения, а не постепенно, развиваясь из животного. Другой, не менее болезненный вопрос — о реальности духовного мира. Для христианства немислима психология, которая, если не включает в программу своего исследования дух человека, то хотя бы не отрицает его бытие. История психологии показывает, что не так много школ² психологии полностью отрицали дух как реальность бытия человека. Теории и практики личности в большинстве своем могут включать или включают

духовно-религиозные аспекты бытия. Некоторые подходы к изучению сознания, мышления, творчества, речи близко соседствуют и пересекаются с вопросами религиозного сознания и, что самое главное, не противоречат друг другу. Главный вопрос методологии психологии в обозначенном ракурсе заключается для нас в следующем: *является ли человек, а именно его психика, сознание, личность, механизмом (животным или информационным) или он самобытное духовно-телесное существо? Является ли человек природным организмом только или сочетает в себе природу с самобытностью и свободой?*

3. *Предмет психологии.* С самых ранних периодов своего развития психология ставила вопросы о психологии религиозности и психологии религии. Происхождение веры, феномен духовного озарения, мистика и религиозная потребность — все это исторически обоснованные предметные области психологии. История психологии религии переживала разные периоды, но эта область всегда была и, на мой взгляд, должна оставаться. Католическая пастырская психология, протестантская христианская психология, советская психология религии — все это предметные области психологии, накопившие

---

¹Мы рассматриваем именно христианскую религию, а не религию вообще, так как конфликт с религией возник у науки именно с христианством. В истории науки нет и не было конфликтов между наукой и исламом, между наукой и иудаизмом. Так сложилось исторически. Борясь с христианством, так называемое научное мировоззрение отвергало, конечно, и другие религии, но прежде всего христианство и особенно церковь как консолидированное религиозное общественное сознание.

²К ним можно отнести собственно фрейдизм (в отличие от всего психоанализа), советскую психологию, бихевиоризм, когнитивную психологию.

значительный научный капитал, ставший сегодня практически классикой психологии.

Таким образом, если искусственно, идеологически не разделять психологию и религию (христианство³), то психология может непротиворечиво развиваться в методологическом и экзистенциальном диалоге с религией.

Для христианской психологии взаимное общение и развитие психологии и религии не просто диалог, но и единство. Главным тезисом в христианской психологии становится следующее: *психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа и дух, и одухотворенная телесность.*

Есть области антропологического знания, которые для психологии являются фундирующими и, отказавшись от которых, психология не может не почувствовать себя дезертиром. Это не только «высоты духа», но и более приземленные категории опыта: экстатические переживания, сверхсознание, религиозный опыт и мн. др. Среди таких фундаментальных категорий, которые мы считаем необходимыми, базовой является категория «души».

Проблема возвращения «души» как психологического понятия заключается в том, что психология, давно отказавшаяся от этого термина, существует в иной системе коор-

динат, в которой понятие души не может быть описано. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы либо изменить систему координат, т. е. пойти на фундаментальную методологическую реконструкцию, либо вводить параллельную систему понятий, которая могла бы неконфликтно соприкасаться с научной. Основная проблема заключается в том, что научная психология упорно сопротивляется онтологизации. А христианская психология не может деонтологизировать человека: душа как тварная сущность есть одна из важнейших категорий психологии. В то же время русская дореволюционная психология не может быть, видимо, образцом новой школы, христианско-психологической.

Рассматривая душевную жизнь человека в традиционном (православном) аспекте, мы описываем иные, нежели в научной психологии, явления: сердце, совесть, духовные чувства, вера, молитва, обожение, таинства и др. Но так или иначе все эти явления есть ткань жизни души (но не субъекта) и не сводимы к психике человека. Эта ткань открывается исследователю только как внутренний опыт, собственный опыт. Есть лишь один способ объективировать его — введение в научную предметность личностного опыта как достоверного материала. При этом единственным гарантом его достоверности является личность, объективирующая и субъективирующая научную реальность, как анализ и синтез как исследующий, так и исследуемый одновременно.

---

³Именно христианство по своей природе психологично, в отличие от ислама и иудаизма, в которых потребность в психологии и не возникала.

Святоотеческий аскетический опыт показывает нам блестящие примеры такой психологии.

Но и сама психология нет-нет да и обернется к «душе». Так, Альфريد Ленгле пишет и о духовности, и о триединстве духа, и о душе (Ленгле, 2006, с. 149). Подобное есть и у Ролло Мея, А.А. Ухтомского, В.П. Зинченко (при всем его остроумии). Никак нельзя согласиться с рассуждениями двух докторов психологических наук (Петровский, Кондратьев, 2005) о том, что психология полностью отвергла категорию «души», что «наука и религия существуют в параллельных, непересекающихся плоскостях». Если бы это было так, невозможна была бы сама жизнь человека как духовного и интеллектуального существа, которому нельзя разделить надвое, на думающую и чувствующую и верующую части. Но суть, конечно, не в этом. Нам представляется, что главная оппозиция заключается в следующем: если «душа» может быть измерена, взвешена, исследована, то «психологи» возьмут ее в свои словари (там же, с. 155), если нет — христианская психология останется для них научной пустышкой. Иначе говоря, эти господа представляют себе науку только в рамках позитивистской методологии. Иной они не знают. И это не простое невежество, которое можно было понять в начале 1990-х, когда легальной литературы еще не было. Это позиция. Она заключается в том, что ученые советской формации не могут принять многозначность методологических подходов. И доказать здесь ничего нельзя. Увы.

Душа, с нашей точки зрения, является лишь отчасти психологичес-

ким предметом. В большей степени это предмет богословия и, главное, христианской антропологии. Здесь душа понимается либо как эссенциальная сущность, как «что», либо, в синергийной антропологии (С.С. Хоружий), как энергия, как «поток», как сила. С этих позиций открывается иная перспектива понимания истоков человеческой психики, сознания, активности и личности — перспектива действия души как энергии. В психологии душа может раскрываться не как предмет науки, но как онтологическая основа психических (а конкретнее — и психических, и допсихических, и сверхпсихических) явлений, процессов, состояний, структур, органов. Короче, душа есть то, на основе чего человек развивается, познает, осваивает мир, творит, желает, не желает, живет или умирает. Душа есть онтологическая основа личности, то есть то, ЧТО делает человека человеком в отличие от личности, которая, в христианской психологии, есть ТОТ, КТО есть человек. В психологии категория души может пониматься так же, как в физике категории объема и плоскости, взятые из математики. Это категории, без которых физике невозможно выразить многие законы, но которые сами не являются физическими дефинициями. Так же и душа — категория антропологическая, в психологии необходимейшая, но невыразимая языком психологии. То же можно сказать и о категории личности. Взятая из философии, она давно попала в психологический словарь, однако психологией не определяется.

Категория личности имеет свое определение для христианской психологии: *личность есть несводимая к*

природе, свободная, открытая, творческая, уникальная, целостная в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, непознаваемая аналитическими объективирующими методами онтологическая основа человека, определяющая образ бытия его индивидуализированной природы (Чурсанов, 2005). Такая дефиниция не является психологической, однако для формулирования, понимания и ассимиляции в христианской психологии категории личности применима именно такая «переходная» форма. И лишь в последующей конкретизации, при переходе к теориям «второго» уровня, могут возникнуть собственно психологические определения.

Не следует думать, что мы предлагаем ввести в психологическую лексику религиозные термины. В богословской антропологии чаще используются понятия *ипостаси* и *лица*, когда говорят о личности. Понятно, что личность в классической психологии может быть передана только своим языком. Однако «De facto» в классической психологии действует общее понятие, что в человеке есть «нечто» и что оно, это «нечто», должно действовать, познавать, воспринимать, желать, мыслить, т. е. функционировать, причем личностно. А. Ленгле, например, называет это «нечто» «бессознательной глубиной», или «внутренней глубиной», или «источником Я» (Ленгле, 2006, с. 102). Но именовать этот источник никто из психологов пока не взялся. И поскольку это «нечто» невозможно психологически уловить, а тем более трудно было до сих пор выразить, то можно этого «невидимку» связать со свойствами и качествами деятель-

ности и задачами, т. е. «забинтовать невидимку», чтобы его видеть. Видимость личности в собственно психологическом поле придает категории личности феноменология явления, описание ее механизмов, структур (например, Я, защиты, самооценка и самоотношение и проч.). Психология не может знать, откуда личность, кто есть личность. Психология может поставить вопрос: «что» являет личность в предметном поле психологии (классической). «Саму» личность психология как будто не ухватывает, но видит и понимает механизмы ее формирования и действия. Но существо личности психология пока не выразила, хотя и «чувствует». А между тем это междисциплинарная проблема, как представляется нам. И решаться она может так же, как решается на границах физики и математики, например, или физики и химии. Для психологии такой границей, на гранях которой могут быть оплодотворены междисциплинарные категории, может быть граница с философией и богословской антропологией.

Понятно, что сциентистская психология предпочла бы этому границу с биологией. Но в психо-биологическом или психо-физиологическом дискурсе категория личности не определима.

В классической психологии, где царствует «что», невозможно говорить о свободе выбора, ответственности, принятии решения, о любви. Только принятие личности не как субъекта, не как сознания, не как интеллекта, но как «я», как лица, может позволить говорить о подлинной психологии личности. И здесь христианский опыт понимания личности необходим.

***

Кому-то, возможно, нужно еще материалистическое возражение, что душа и духовное в психологии невозможно сохранить и исследовать, так как ни душу, ни веру нельзя измерить, взвесить, изучать (имеется в виду экспериментальное изучение). Возразить на это нечего. В психологии почти вся предметность духовно-виртуальная, и «затащить» исследователя, студента или ученого, в лабораторию «психофизического» измерения личности или экспериментального изучения мышления сейчас непросто⁴. Но вновь и вновь я встречаюсь со своими учителями, которые спрашивают меня: как же соотнести научную психологию с религией? Ведь наука — это

«точность измерения», а религия — это вера в невидимое и неизучаемое?

Странно, как будто в нашей истории не было дореволюционного прошлого, не было П.А. Флоренского и А.А. Ухтомского, не было Н.О. Лосского и Н.А. Бердяева, не было И.П. Павлова и А.Ф. Лосева. Как будто вся информация и вся литература, открывшаяся после падения «железного занавеса», все живые свидетели иной, несоветской, немарксистской и некоммунистической науки, уже побывавшие в наших университетах, остались незамеченными нашими учителями. В каких же разных мирах мы живем? Как умещаются в России эти столь разные миры? Что будет с нами? По каким путям пойдет развитие нашей культуры?

Литература

Петровский А.В., Кондратьев М.Ю. Христианская психология: за и против // Скепсис. 2005. № 3–4. С. 153-157.

Ленгле А. Психотерапия: научный метод или духовная практика? // А. Ленгле Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2006.

Чурсанов С.А. Доклад на 16 заседании Методологического семинара по христианской психологии. 10 ноября 2005 г. // http://www.fapsyrou.ru/z16_chursanov.php.

---

⁴Такие лаборатории еще есть. Бывая в них, нельзя отделаться от впечатления, что попадаешь в музей мифологии: на стенах карты человеческого мозга, сложные блок-схемы каких-то процессов, провода, мониторы... Одно желание всегда преследует автора: хочется спросить «А вам это зачем? Вы действительно верите, что у вас самих в душе все именно так и происходит? Ваша личность действительно как-то соотносится с электрическими потенциалами в глубинах корковых образований?»

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНО-ПРЕДМЕТНЫЕ ПЛОСКОСТИ

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

Кондратьев Михаил Юрьевич — декан факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ в области образования, автор более двухсот научных трудов в области социальной, возрастной, педагогической, пеницициарной психологии и психологии личности.
Контакты: social2003@mail.ru

Резюме

В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся со-держательной соотнесенности собственно научного и религиозного видения, а также интерпретации той реальности, которая нас окружает. В данном случае плоскости научного и религиозного рассмотрения проблемы являются параллельными, т. е. не пересекающимися. В статье, помимо ответа на вопрос, может ли быть наука религиозной, а религия научной, значительное место занимает оценка попыток проникновения религиозного подхода в область образования и научного знания. Подобный «межевой конфликт» рассматривается во многом как результат агрессивной позиции и активности так называемых «христианских психологов». В данном случае это сугубо личная позиция автора.

Вопрос о науке и религии, об их соотнесенности и в принципе о возможности их соотнесения — один из самых ключевых для науки уже хотя бы потому, что от ответа на него зависит, является ли наука наукой и будет ли она иметь право на подобный статус, если ответ на этот вопрос окажется неверным. В свое время, когда «дамоклов меч» висел над психологией и ей была уготована гибельная судьба, связанная с полной и оконча-

тельной «павловизацией», ходили слухи, что именно И.В. Сталин (в данном случае будь именно этим помянут) «спас» психологию, оценив принесенные поборниками воинствующей физиологии проектные документы, «отменяющие» психологию: «Нет, все-таки физиология — это физиология, а психология — это психология». Следует отметить, что дискуссии на тему умерщвления психологии в СССР

были одновременно прекращены, и она не повторила судьбу педологической науки. Я думаю, что сегодня в статусе вождя всех народов может быть, к счастью, лишь здравый смысл. Если попытаться им проникнуться, то, не будучи отягощен какими-либо иными, кроме подлинно научных, мотивами, нельзя не услышать голос здравого смысла: «Да, наука — это наука, а религия — это религия». И еще об одном. В силу того, что вопрос о соотносительности психологии и религии вполне заслуживает однозначного ответа, заметную часть настоящей статьи я хотел бы посвятить анализу вопроса о последствиях проникновения религии в образование.

Пару лет назад в журнале «Скепсис» (2005, № 3–4)¹ было опубликовано обсуждение этой проблемы под названием «Христианская психология: за и против», в котором участвовали Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, священник А. Лоргус, с одной стороны, и А.В. Петровский и я — с другой. С тех пор, понятно, моя позиция никоим образом не изменилась. В условиях, когда не просто ряд религиозных «сюжетов» пытаются втянуть в научный оборот и когда порой научные доказательства в рамках дискуссии одна из сторон пытается заменить собственно религиозными основаниями, следует четко разделить два аспекта вопроса: теологический и культурологический.

Не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что современный человек, претендующий на то, чтобы считаться человеком образованным и, прежде всего, гуманитарно «продви-

нутым», должен уметь ориентироваться в библейских сюжетах как Нового, так и Ветхого Завета. Как писал А.В. Петровский, «это стало фундаментом развития европейской культуры на протяжении почти двух тысячелетий. Причем эта культура была одновременно и светской, потому что на протяжении долгого времени границу между светским и религиозным провести было очень трудно» (с. 153). Если рассматривать вопрос о том, необходимо ли подобное знание, то нужно однозначно разделять знание и веру. И в этом смысле двух мнений быть не может: учить, формировать знание — это одна задача, а воспитывать и поддерживать веру — другая. Решение первой задачи должно быть полностью возложено на науку и школу, решение второй — на церковь. Проникновение и влияние «чужеродного» субъекта в любую из этих двух епархий губительно и недопустимо уже хотя бы потому, что активность непрофессионала в рамках каждого из этих самоценных проблемно-предметных полей неминуемо окажется очевидно разрушительной, а не созидательной.

Не вызывает сомнений тот факт, что когда речь идет о психологической науке с точки зрения возможной ее «религиозизации», то это связано во многом с непониманием рядом людей того, что словом «психология» обозначается, с одной стороны, наука, а с другой — психология конкретного человека. Если говорить о людях, исповедующих ту или иную религию, то, несомненно,

¹Далее ссылки на страницы данной публикации приводятся в тексте в скобках.

их психология своеобразна и специфична. Это нельзя не учитывать и в обыденной жизни, и в собственно научных исследованиях. Более того, недоучет подобной «переменной» в развернутом конкретном экспериментальном исследовании не просто может, а практически фатально приведет к «сдвигке» результатов, к некачественной интерпретации эмпирики, к ложным выводам и деструктивным рекомендациям. Что же касается психологии как науки, то эта отрасль, как и любая другая наука, в принципе не может перекрещиваться с религией. Они попросту существуют в параллельных плоскостях. Правда, я соглашусь, что существует единственная точка, но не соприкосновения, а точка общего профессионального интереса — это этика. Кстати, именно в связи с этой «непересекаемостью» ни религия не должна влиять на науку, ни наука на религию. Другими словами, столь же недопустимо, чтобы в наших условиях, когда государство отделено от церкви, наука пыталась опровергнуть религиозные догмы, а церковь претендовала бы на то, чтобы всерьез оспаривать результаты собственно научных исследований.

Когда сторонники «христианской психологии», или, как они себя иногда называют, «православно ориентированной» психологии, утверждают, что создание подобного, по их мнению, именно научного направления необходимо, они уже по традиции ссылаются на то, что светская психология «забыла» человека и что только путем внесения в эту светскую психологию «христианских оснований» можно вернуть науке глубинные гуманистические ценности. От-

вечая на этот пассаж, не могу не заметить, что забыла человека не психология, а некоторые психологи, для которых человек вдруг открылся. Открылся почему-то через осознание того, что без религии, без помощи священников и религиозных представлений они сами не смогут разобраться в человеке; но мне кажется, что они не могут разобраться не столько в абстрактном человеке, сколько в самих себе.

В самом деле, в советской психологии личность оказалась выхолощена. Произошла двойная редукция. Во-первых, личность отождествили с психикой, во-вторых, исследование психики отождествили с исследованием познавательных процессов. Таким образом, личность оценивалась только по тому, каким образом эти познавательные процессы протекают в том или ином возрасте. Это во многом было связано с отношениями психологии и педагогики и с вечным спором о том, что такое психология вообще и как она соотносится с педагогикой. Если говорить всерьез, то педагогика (теоретическая педагогика, не дидактические ее моменты) — это дисциплина, которая должна отвечать на вопрос: «Как должно быть?», т. е. создавать некие модели долженствования. Психология же отвечает на принципиально иной вопрос: «Как есть на самом деле?» Понятно, что в тоталитарном государстве педагогика была не просто «главнее» психологии, а была ее антагонистом, так как власти было страшно знать или просто не хотелось знать, «как на самом деле». Существенно важнее было знать, «как должно быть», потому что это было декларативно прописано, и при этом

иметь возможность утверждать: «А так и есть!» А все, что этому мешало и могло показать, что того, что должно быть, на самом деле нет, считалось вредоносным. Одним из результатов этого, кстати, стало постановление 1936 г., по которому «закрыли» педологию. Вот это господство императивной педагогики и привело, в частности, к тому, что изучение личности происходило однобоко. Но причем здесь «христианская психология»?

Поиск ответов в религиозной сфере на научно поставленные вопросы бессмыслен. Как уже было сказано выше, эти две сферы мироощущения и мировидения находятся в непересекающихся плоскостях. Именно в связи с этим есть понятие, которое я бы изъясил из многих психологических словарей и которое не имеет отношения к психологической науке, да и к науке вообще. Для меня странно выглядят те психологические словари, где присутствует понятие «душа». Но при этом для меня странно выглядел бы психологический словарь, в котором не было бы понятия «духовность». Для меня странно видеть словарь, где нет понятия «честь», где нет понятия «совесть», но если это привязано к какой-то религиозной схеме, то я не верю, что понятие «честь» для человека, исповедующего православие, католицизм, буддизм, — нечто иное в его собственных, субъективных переживаниях. А ведь именно этим занимается наука: тем, что можно измерить, тем, что может быть доказано, тем, к чему может быть приложена определенная методика.

Психология, как и любая наука, развивалась сначала как некое одноствольное растение, сначала и ве-

ток не было. Потом появились ветви — отрасли. На этих ветвях выросли еще какие-то веточки, более мелкие. Это были направления, школы, отраслевые разделы и т. д. Какое-то направление становится полноценной отраслью. Какая-то школа приобретает статус направления, раздела. Где на этой ветви, на этом растении найти место «христианской психологии», или, как некоторые называют, «христиански ориентированной» психологии? Ведь для того, чтобы утверждать, что это — самоценная научная отрасль, необходимо решить две проблемы. Во-первых, необходимо определить специфику предмета, во-вторых — специфику методов исследования; и если это есть в действительности, в научной реальности, то тогда можно говорить о самостоятельной отрасли в психологии. Теперь давайте посмотрим, какой предмет есть у христианской психологии? Это — душа. Какое отношение к науке это имеет, если нет методов ее измерения, нет особенностей, специфики предмета?

Затем хотелось бы понять, а где другие религиозно ориентированные психологии? Где мусульманская психология, иудаистская психология, буддистская психология и т. д.? Обратимся, например, к реальной практике вузовского образования: какие кафедры еще должны быть на психологическом факультете и по каким специальностям будут присуждаться ученые степени? Выходит, один станет кандидатом психологических наук по специальности «христианская психология», другой — по «иудаистской психологии», а третий — по «мусульманской»? Не дай Бог увидеть такой сон!

Не надо паразитировать на психологии, именно паразитировать, потому что если хотите растить свое дерево, то сажайте его рядом. Не надо претендовать на корни того дерева, которое было выращено исключительно для того, чтобы преодолеть ненаучные способы обоснования мысли. Наука строилась и стала наукой именно в связи с тем, что нужно было что-то доказать и только после научного доказательства это становилось научным фактом. Сложившиеся в систему научные факты, осмысленные и интерпретированные с научно доказательных позиций, выстраивались в теории; потом люди, мыслящие в соответствии с логикой этих теорий, объединялись в школы; родственные школы складывались в направления; в свою очередь, направления, объединенные общим предметом и общим научным инструментарием, становились отраслями. Все это было выстроено без помощи и даже не столько без помощи, сколько вопреки той логике, в соответствии с которой развивалось другое, религиозное знание, а точнее, вера, не имеющая к науке прямого отношения. Более того, принципиально противостоящие ей в логике доказательства, принимающего, в отличие от науки, схему догматического утверждения.

И вдруг теперь сторонники «христианской», или «христиански ориентированной», психологии говорят: «Да нет, теперь мы это выращенное дерево будем ориентировать вот так». И выворачивают всю корневую систему и наклоняют дерево в сторону «своей» религии. В это время прибегают другие и говорят: «А вот это — мусульмански ориентированная психология». И поворачивают

это же дерево в другую сторону. Своего-то дерева нет, но площади, где выращивать, полно — так растите свое! Выстройте фундамент, как положено в вашей, как вы ее называете, «науке». Другое дело, что ничего, кроме карликового деревца, вырасти на камне не может, сколько бы ни поливали. А вот заставлять работать на себя тех людей, которые были верны определенным, именно научным принципам и выстраивали это знание именно в научном плане, — это паразитирование. Не нужно под здание, которое выстроено не вами, закладывать чужеродный фундамент.

Нередко говорят, что атеизм — тоже религия, но это чистая софистика и передергивание. Любая мысль, которая мне пришла в голову и которую я считаю верной, может вызвать обвинения в том, что я в нее верю. Получается, что либо я должен говорить то, во что не верю — и тогда я лицемер, — либо, если я верю в то, что я говорю и делаю, — тогда я «верующий». Это — софистика, игра слов, замазывание принципиальной разницы между наукой и религией.

И еще на одном моменте, если говорить о психологии как науке и о психологах как ученых (неважно, теоретики они или практики) имеет смысл остановиться. Традиционное заявление приверженцев идеи о необходимости христиански переориентировать психологию состоит в том, что «христианский психолог» якобы будет иначе подходить к своим терапевтическим задачам, будет внимательнее, осторожнее относиться к клиенту. Возникает вопрос: «А что — остальные психологи могут быть невнимательными и жестокими?» Это вопрос не христианства

или атеизма, а попросту профессиональной пригодности. Но когда христианский психолог каким-то особым способом подходит к выполнению своих профессиональных обязанностей, то возникает оправданное сомнение.

Не кроется ли здесь авторитарная установка? На уровне обыденного сознания считается, что авторитарная личность — это тот человек, который с большим удовольствием «давит» на нижестоящих. Но на самом деле авторитарная личность как понятие собственно психологическое — это, прежде всего, личность, которая готова принять давление сверху, но только при наличии возможности самой «давить» вниз. На этом была построена вся иерархия фашизма, потому что не только на любви к «великому фюреру» строился «порядок» — вся жизнь в Третьем Рейхе строилась на маленьких фюрерах на каждом управленческом уровне. Авторитарная личность готова терпеть давление, но только до тех пор, пока существует хотя бы ничтожное пространство для давления вниз. К сожалению, тезис «Над нами кто-то есть» — вот та логика, которую исповедуют отцы-создатели современной «христианской психологии». И эта логика в обязательном порядке предполагает их полную уверенность в том, что у них есть право на кого-то влиять. Более того, они готовы принять не только Господа Бога как вседержителя их мыслей и возможностей, но и любого священника, потому что он для них все равно оказывается начальствующим над той нравственной позицией, которую они реализуют в своей профессиональной деятельности. Имен-

но это — по-настоящему самое страшное.

Оченьстораживает применительно к «христианской психологии», то что верующий психолог якобы иначе, чем неверующий, подходит и к своей научной деятельности. Известно, что такое так называемый субъективный сдвиг в исследовательской практике: человек выдвигает определенную гипотезу, затем, используя, скажем, метод наблюдения, он отмечает именно то, что он хотел бы видеть. Происходит сдвиг в пользу своей гипотезы. Понятно, что все гипотезы в рамках собственно «христианской психологии» или какой-либо другой конфессиональной психологии будут доказаны в обязательном порядке. Справедливость этих гипотез будет доказана именно и только потому, что тот человек, который их высказывает, в них верит.

А теперь об образовании и о тех попытках проникновения в эту сферу, которые предпринимают новоявленные «христианские психологи». Считаю, что это без преувеличения страшная опасность.

Сначала приведу высказывание моего научного наставника А.В. Петровского: «...Наука и религия находятся в разных плоскостях. И, естественно, воспитанные в христианской традиции должны таковыми оставаться и приумножать свое христианство в рамках религиозного образования, но ни в коей мере не светского. Для меня совершенно очевидно, что это не дает права вмешательства религии в науку, а мы в школе преподаем основы наук и ничто другое. Что касается идеи о воспитании в рамках христианской традиции, то все-таки мне уже 80 лет и что-то я не помню,

чтобы за эти последние 80 лет кто-то в массовом порядке воспитывался в духе христианской традиции.

Затем не надо забывать, что у нас не одна религия, что Россия — многоконфессиональная страна, и тут возникает целый ряд трудностей, которые могут привести к ненужной конфронтации. Ведь у нас в стране, наверное, не менее 20–25 миллионов мусульман. В какой традиции они воспитывались? Ведь если речь идет об образовании, то мы должны иметь в виду, что, сказав «а», мы должны сказать и «б». Значит, религиозное образование должно быть повсюду. Так что же это будет? В свое время, когда в гимназии начинался урок, дежурный командовал: «На молитву!» — но при этом иноверцев: магометан, иудеев, буддистов — выставляли из класса. Как же поступать сейчас? Я думаю, что надо усиливать духовное развитие людей всеми средствами, в том числе и с помощью религии. Она в этом отношении много может дать, но только в рамках своих возможностей и прав. Школа должна заниматься тем же самым: формировать духовность, но не в теологическом плане, а в плане высокой нравственности, высоких эстетических идеалов, отказа от бездуховности, которая действительно грозит решительно всем, которая выдвигает на первый план низменные чувства и интересы. Да, это надо делать и церкви, и школе. Я не вижу никакой необходимости конфронтации школы и церкви. Я считаю, что они должны решать одни и те же задачи, имея в виду нравственность людей, формирование, воспитание человека, достойного называться человеком, но каждая своими средствами и в

пределах своих возможностей и прав» (с. 154).

Я совершенно солидарен с А.В. Петровским. Не следует навязывать ни научного, ни религиозного знания тем, кому это не нужно: у науки и у религии разные сферы деятельности. Такое навязывание было бы странно, так же странно, если бы кто-то выступил с материалистической статьей в «Вопросах богословия». Но тогда почему в научной психологической литературе появляются статьи на религиозные темы? Почему их должны читать студенты, а уж тем более — почему они должны изучать религиозно ориентированную дисциплину, если они пришли не на богословский факультет?

Если же говорить об отношении к религии в обществе в целом... Мне не нравится Израиль так же, как мне не нравится Третий Рейх, по одной причине: потому что люди там оценивались и оцениваются по принадлежности или непринадлежности к конкретной национальности. Мне так же не нравится воинствующий атеизм, как и воинствующая религиозность, которая в последние годы захлестнула страну. Причем под воинствующим атеизмом я понимаю не право человека отстаивать свою атеистическую позицию, а неприятие тех людей, которые эту позицию не разделяют (к счастью, у нас в обществе таких людей очень мало). Воинствующая позиция, логика неприятия другого порождает в психологическом плане то, что я называю «качеством окончательного выбора», или «окончательной оценки», когда наличие одного параметра закрывает возможность рассмотреть остальные. Например, в случае антисемитизма:

если обсуждаемый человек — еврей, то с ним «все понятно», качество окончательной оценки завершено. Тогда люди делятся на «мы» и «они» без всякой дальнейшей дифференциации.

Сейчас крайне актуальной оказалась проблематика этнокультурного, вернее, как сегодня наконец-то начали правильно называть, поликультурного компонента в образовании. Совершенно очевидно, как активно, настойчиво и даже агрессивно, с нарушением всех божьих заповедей насаждается не этнокультурное и уж тем более не поликультурное, а этноконфессиональное образование. В нашей стране — хотим мы или не хотим — это всегда связано с проблемами национальной политики. Поэтому яростное проникновение церкви в образовательный процесс неизбежно ведет к национальной розни. Возьмите любую школу, не школу с еврейским, татарским или каким-нибудь иным компонентом, а обычную среднюю школу. Разве нет там все-таки — на том уровне, до которого наше общество вообще дозрело, — но все-таки поликультурного образования? Как только там появляется элемент этноконфессионального давления — люди разъединяются.

Да, верно: для того, чтобы объединиться, нужно сначала разъединиться. Но мы уже давно разъединены, не нужно усугублять процесс дифференциации. Именно поэтому крайне опасно появление самых различных совместных комиссий Минобра и Патриархии, появление в светских образовательных учреждениях таких предметов, как «Основы православной культуры», а тем более дисциплин, уже по своему названию откоро-

венно клерикальных. И главный здесь аргумент — не то, что наше светское государство должно тратить бюджетные средства на исключительно светское образование. Проблема и опасность заключаются в другом. Сколько бы у нас ни говорили о том, что эти занятия будут факультативными (кстати, в последнее время речь зашла уже о том, что факультативами не стоит ограничиваться), затронут они в любом случае всех. Когда дети сидят в одном классе и находятся рядом друг с другом — у них свои, подчас сложные, взаимоотношения и проблемы (любому социальному психологу очевидно, что в любой, тем более детской, ученической группе есть искорки, из которых разгораются большие, серьезные пожары). Когда вдруг окажется, что кто-то выбрал этот факультатив, кто-то не выбрал, то дети будут стараться понять, почему подобное решение принято. Крайне сомнительное приобретение только одно — некий мальчик или девочка, которые не пошли на факультатив, узнают много нового о своих предках в «седьмом колене», потому что желающие доказать, почему они туда не пошли, найдут и докопаются до «истоков», приложив больше усилий, чем все члены семьи ребенка. И тот, кто раньше хотел сказать слово «жид», но не имел на это оснований, узнав, что одноклассник не пошел на факультатив по христианской психологии или православной культуре, теперь эти основания получит.

Однажды в одном из интервью меня попросили прокомментировать следующую информацию: «В сети Интернет было сообщено, что какие-то итальянские ученые провели

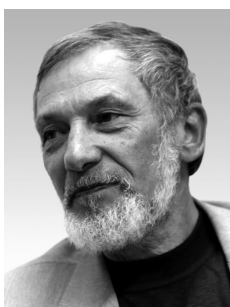
исследование по поводу влияния молитвы на беременность. По их данным, оказалось, что количество забеременевших женщин среди тех, о ком молились, существенно больше, чем среди тех, которые хотели зачать, но о которых не молились». Первый мой вопрос был следующим: «А там указано, были ли эти женщины верующими и знали ли они, что за них молятся?» Мне ответили: «Они все были верующими, но никто из них не знал, что паства молится за их успешное зачатие». Тогда я ответил: «В этом случае мне хотелось бы узнать некоторые другие переменные: возраст забеременевших и незабеременевших, наличие у них детей, количество проведенных аборт, состояние здоровья этих женщин, наличие простатита у мужей забеременевших и незабеременевших и т. д., и т. д., — т. е. весь набор переменных» (с. 157). Я привожу в данном случае этот пример, потому что совершенно уверен: введя одну переменную и не учитывая другие, я смогу доказать, что Карл Маркс был двоюродным братом, скажем, Леонида Ильича Брежнева, пусть и родившегося существенно позже. Но это именно то, чем, на мой взгляд, занимаются христианские и другие конфессиональ-

ные психологи. Ведь все, что они говорят, должно быть принято на веру. Представьте себе: идет в институте экзамен и батюшка его принимает, кто его будет лучше сдавать? Его лучше других будет сдавать тот, кто докажет батюшке, что он — истинно верующий. Ни к науке, ни к образованию все это никакого отношения не имеет, хотя, несомненно, имеет прямое отношение к религии.

И еще на одном моменте хотелось бы остановиться. К сожалению, настойчивость ряда психологов, пытающихся как в научном, так и в образовательном плане подчинить психологию религиозной доктрине, заставляет задуматься о том, не сталкиваемся ли мы в данном случае с неким бизнес-проектом, который направлен не столько на формирование подлинно научного знания и на воспитание и поддержание истинной веры, сколько на достижение вполне мирских целей — бюджетных средств, социального влияния и т. п.? Пусть степень откровенности ответа на этот вопрос останется на совести тех, кто на него должен ответить прежде всего самим себе. Но это, пожалуй, единственный случай, когда мне искренне хочется пожелать «провала» подобному коммерческому замыслу.

ПСИХОЛОГИЯ И ХРИСТИАНСТВО: АВТОНОМИЯ, ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЛИ КОММУНИКАЦИЯ?

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор 367 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).
Контакты: rozinvm@mail.ru

Резюме

Обсуждается позиция священника Андрея Лоргуса, который, с одной стороны, ведет критику традиционной психологии, с другой — призывает к обновлению психологии на путях христианского богословия и антропологии. Автор статьи приводит аргументы в пользу решения этих проблем в рациональном ключе и затем на примере жизни Эмануэля Сведенборга рассматривает проблему демаркации между наукой и религией. При этом он показывает, что в настоящее время религия имеет другой смысл (все больше становится особым типом социальности), а многие люди ухитряются жить одновременно в двух разных мирах — религиозном и обыденном. В статье разводятся и обсуждаются два разных контекста — обслуживание в психологии и религии сложившихся способов жизни человека и создание условий, способствующих становлению нового человека. Делается вывод о том, что психология и христианство должны повернуться друг другу и начать нелегкий диалог.

Дух нашего времени действительно требует, чтобы психология повернулась к христианству. Точнее, конечно, не дух, а конкретные, довольно известные психологи и отцы церкви. Даже меня эти веяния коснулись. Года три тому назад, делая доклад в Институте микроэкономики, я на обсуждении услышал от одного

православного священника: «Все это прекрасно, Вадим Маркович, мы вас хорошо знаем, но не пора ли ваши представления соотнести с христианскими догматами?» Уж не помню, что я ему ответил. Но что значит — повернуться к христианству? Интересное и, нужно признать, содержательное решение этой проблемы дает

в своем докладе «Христианская психология в пространстве гуманитарной парадигмы» священник Андрей Лоргус (Лоргус, 2007).

«Совместимы ли наука и религия, психология и христианство? — спрашивает А.В. Лоргус. — Может, как раз на пересечении классической психологии с древнехристианским опытом и богословским гнозисом возможно наиболее полно понять, объяснить, описать и научить человека?» Отвечая, Андрей Лоргус, с одной стороны, ведет критику традиционной психологии, с другой — призывает к обновлению психологии именно на путях христианского богословия и антропологии. Его критика в адрес традиционной психологии заключается в том, что последняя разъяла человека на отдельные элементы, не смогла построить целостную картину, бессильна ответить на актуальные запросы и проблемы, с которыми человек обращается к психологу. «Почему, изучая мышление, память, сознание, восприятие, — спрашивает А.В. Лоргус, — исследователь теряет целостное видение человека? Почему, зная закономерности всех психических функций, нельзя построить человека, даже описать нельзя? Я хорошо помню, как и многие из моих коллег, сидящих здесь, что после окончания МГУ мне было как-то неловко перед людьми, проблемы которых я не мог решить».

Обновление психологии, по мнению А.В. Лоргуса, должно состоять в *расширении ее предмета, гуманизации и энергичности*. При этом расширение предмета понимается как анализ не только психики, но и того, что «ей предшествует и что существует

вне ее — допсихического и внепсихического»; гуманизация — это «индивидуализация и персонализация человеческого опыта»; энергичность понимается А.В. Лоргусом как «альтернатива субстанциальности психического, сознание, например, есть только форма бытия душевного действия». Обсуждая возможность христианской психологии, Андрей Лоргус идет до конца, утверждая двойное бытие человека — в этом обычном мире и в том духовном.

«Мистическое в особых душевных формах, — считает Андрей, — представит нам в психике в виде особых переживаний, особых форм сознания, особых форм знания. Но что передает? Опыт “иного”. Это “иное” не антропологическое, не вещественное, не биологическое, не социальное. “Иное” мы можем понимать как область реального сверхъестественного. Но если это не человеческое, то какое дело психологии до области, границы которой простираются за пределы науки? Зачем нужна эта реальность в психическом, в личностном? **Христианская психология исходит из того, что человек есть житель обоих миров — естественного и сверхъестественного.** Человеку так же свойственно быть причастником мира горнего, как и дольнего, социального, как и мистического. Без мистики, так же, как и без духовного, человек — лишь homo sapiens. Психическое, понимаемое как связь мистического, антропного и социального, постигает человека неизмеримо глубже — как демиурга, как сына Божьего, как сотрудника Творца, как равноангельного деятеля, а не только как индивида исторического процесса». При этом А.В. Лоргус, кстати, вполне

в духе психологической традиции, соглашается, что душа человека — не предмет психологии, а предмет богословия. «Душевное,— говорит он,— отчасти проявляется в психическом, с ним связано, соприкасается и пересекается, сотрудничает. Но это не одно и то же. Душа и психика лежат в разных онтологических уровнях». Психическое А.В. Лоргус понимает «как осуществление, как деятельность или действие; энергию — как функцию, как творчество. А душа есть духовная антропологическая данность, духовная природа человека, имеющая присущие только ей свойства. Именно эти свойства делают человека человеком».

Такова в кратком изложении концепция Андрея Лоргуса. Я ее привел относительно подробно, поскольку в той или иной мере многие сторонники союза психологии с христианством обсуждают, чем психика отличается от души, можно ли психику изучать и каким образом, и приводят сходные с лоргусовскими аргументы и противопоставления. Обратим сначала внимание на достоинства подобного захода. Во-первых, он заставляет психологов заново обсуждать особенности своего предмета, что, на мой взгляд, всегда полезно. Во-вторых, заставляет поставить вопрос о том, что является при изучении психики целым — та или иная теоретическая гипотеза, требования психологической практики, этические или религиозные ценности? В-третьих, вынуждает психологов покинуть уютную башню из слоновой кости и начать общаться, например, с верующими или эзотериками.

В то же время зачем идти в мистику и снова возвращаться к переосмы-

сленному еще Аристотелем понятию души, когда все указанные А.В. Лоргусом проблемы можно решать на рациональном пути. Да, действительно, св. Августин в «Исповеди» настаивал на том, что человек исходно, с самого рождения, живет с Богом, который его направляет и поддерживает, но и предоставляет ему свободу воли. Кстати, в той же работе Августин спокойно обсуждает понятия памяти, мышления, воображения, которые сегодня проходят по ведомству психологии. Однако Августин решал особую задачу — описания и осмысления опыта человека, приходящего к христианству. Но если решать другие задачи, например, те, которые ставили Аристотель или Кант, а позднее и первые психологи — нормирование рационального мышления, осмысление новых индивидуальных практик, не предполагающих обращения к вере, то с понятием души приходится решительно расстаться.

Теперь о расширении предмета за счет рассмотрения допсихического и внепсихического, о гуманизации как индивидуализации и персонализации человеческого опыта. Об этом вот уже больше ста лет пишут феноменологи и экзистенциалисты, об этом же говорил В. Дильтей, а у нас — Л.С. Выготский, сегодня — Андрей Пузырей. И все это в рамках вполне рационального дискурса. Даже об энергичности, на мой взгляд, уже давно писали, например, тот же В. Дильтей и Мартин Хайдеггер. Если психологи к ним слабо прислушиваются, то не потому, что эти мыслители не разделяют христианских убеждений. Более серьезный, конечно, аргумент состоит в том, что человек принадлежит двум мирам — естественному и сверхъестественному.

Ну, во-первых, не все ученые с этим соглашаются, большинство как раз не согласны. Во-вторых, даже если это так, то все равно остаются серьезные проблемы. Нетрудно заметить, что объяснить, как связана душа и психика, А.В. Лоргус не может, что вообще-то понятно. Если уж душа — сверхъестественный феномен, а психика, как пишет сам А.В. Лоргус,— теоретическое построение, конструкт, то связать их никогда не удастся. Трудно согласиться и с утверждением Андрея Лоргуса о том, что «быть живой душой не значит быть психическим, душу человек имеет от Бога, а психическим он может стать или не стать. Душа есть данность иной, не антропологической реальности. Природа души лежит вне антропологической реальности, тем более вне реальности психической. Но именно в душевной жизни человека начинается психическое». Эти соображения напоминают мой трехлетний спор с Юлием Шрейдером, который отказывал мне в духовности, поскольку я человек неверующий. Я же пытался ему сказать, что духовность предполагает не веру, а особый способ жизни и жизненный путь. И, напротив, есть много верующих, живущих совершенно бездуховной жизнью.

Имеет место, правда, еще один случай — подлинно верующий человек. Поскольку он верит, то для него, конечно, человек живет в двух мирах — горнем и дольном, но для остальных, которых большинство, сверхъестественного мира нет. Здесь подобно тому, как в эзотеризме: существует лишь та реальность, в которой человек живет. Например, Рудольф Штейнер пишет следующее. «Может

возникнуть возражение: как можно знать, что в то время, когда мы думаем, что получаем духовное восприятие, мы имеем дело с реальностями, а не простым воображением (видениями, галлюцинациями и т. д.)?.. Кто путем правильного обучения достиг описанной ступени, тот может отличить свое *собственное* представление от духовной действительности, подобно тому, как человек со здоровым рассудком может отличить представление о куске раскаленного железа от действительного присутствия куска железа, который он трогает рукой. Различие дается именно здоровым переживанием и ничем иным. Так и в духовном мире пробным камнем служит сама жизнь. Как в чувственном мире воображаемый кусок железа, каким бы раскаленным его себе ни представлять, не обжигает пальцев, так и прошедший школу духовный ученик знает, переживает ли он духовный факт только в своем воображении или же на его пробужденные органы духовного восприятия воздействуют *действительные* факты и существа» (Штейнер, 1916).

Не так прямолинейно проблему существования эзотерической реальности в романе «Дон Хуан» решает Карлос Кастанеда. На вопрос своего ученика, летал ли он как птица или это ему только казалось в необычном состоянии, вызванном приемом «травы дьявола», маг дон Хуан отвечал, что, конечно, летал. Тогда ученик, думая, что его полет — это физическая реальность, задает вопрос, на который, как он думает, дон Хуан уже не ответит. Он говорит:

«Давай я скажу это по-другому, дон Хуан. Если я привяжу себя к скале тяжелой цепью, то стану летать

точно так же, потому что мое тело не участвует в моем полете?

Дон Хуан взглянул на меня недоверчиво.

— Если ты привяжешь себя к скале, — сказал он, — то я боюсь, что тебе придется летать, держа скалу с ее тяжелой цепью» (Кастанеда, 1992).

Похоже, что для дона Хуана, как и для многих эзотериков, нет деления на объективную реальность и субъективные представления, точнее, последние для него совпадают с объективной реальностью. В этом случае понятно, почему эзотерики часто пишут, что познание подлинного мира неотделимо от познания и преобразования себя.

На первый взгляд, Р. Штейнер отвечает очень наивно, ведь духовному ученику может только казаться, что он не спит, не галлюцинирует, а воспринимает реальный духовный мир. Но, может быть, дорогой читатель, вы тоже сейчас спите, и вам снится сон, в котором Вадим Розин размышляет на тему связи психологии с христианством? Как вы можете удостовериться, что не спите? Если мы во сне, то уверены, что воспринимаем реальные события. Правда, потом мы или проснемся, или будем продолжать находиться во сне, или в настоящем мире. Но, может быть, мы еще просто не проснулись? Кроме того, как быть в случае таких вещей, как вера в Бога или в эзотерическую реальность? Это же не кусок железа, может быть, у нас просто нет соответствующего религиозного или эзотерического опыта.

Думаю, обсуждать интересующую нас тему невозможно без уяснения особенностей модернизировать. В нашей стране это ситуация обращения в

православие и другие конфессии многих прежде неверующих людей, в том числе ученых и инженеров. На Западе возник новый религиозный ренессанс. В связи с этим снова встала проблема, которую в истории культуры решали несколько раз, а именно: *проведение демаркации между наукой и религией* для одних людей (верующих и атеистов), а также проблема *синтеза науки и религии для других* (тех, кто одинаково принимает веру в Бога, и в рациональную реальность). Поясню свою мысль на одном историческом примере — жизни Эмануэля Сведенборга.

Начиная с 1709 г., когда Сведенборг защитил свою академическую диссертацию, вплоть до 1745 г. он трудится, не покладая рук, беря одну научную высоту за другой. В пятьдесят пять лет Э. Сведенборг уже опубликовал примерно двадцать пять томов исследований по минералогии, анатомии и геометрии. И вдруг он сложил с себя обязанности государственной службы. Он решил целиком посвятить себя духовной миссии — рассказать всем в предчувствии конца света о том, как правильно понимать Священное писание, каким образом устроены небеса и ад и каков путь человека после смерти. Он уверен, что Священное писание даже клир и церковные люди понимают неверно и он призван Богом помочь верующим спастись в эти последние времена (Сведенборг, 1993).

Особо стоит отметить такой факт: мир небес, духов и ад, описанный им в книге «О небесах, о мире духов и об аде», подчиняется у Э. Сведенборга закономерностям, напоминающим природные; только в данном случае

это не первая природа, а духовная. Так любящие просветлены (излучают свет), а ненавидящие людей и Бога, напротив, темны; угодные Господу проживают во внутренних небесах, а более отдаленные от него — на внешних; ангелы, близкие по духу, «как бы сами собой влекутся к подобным себе», а пребывающие во зле и эгоизме не могут преодолеть сопротивления и попасть на небеса; «лицо каждого делается образом или выражением его внутренних чувств», так что нет разлада между реальными чувствами и мыслями и их публичным выражением во вне; «зло, постоянно дышащее из ада», достигает мира духов и даже небес, но «Господь постоянно охраняет небеса, отвращая их жителей от зла от себя, и содержа их во благе, исходящем от него самого» (Сведенборг, 1993).

Сходство загробного сведенборгианского мира с природой усиливается при анализе того, что можно назвать дискурсом его мышления. С одной стороны, этот дискурс напоминает естественнонаучное построение: он содержит своеобразную математику, которая конкретизируется при соотнесении с эмпирическим материалом, в результате появляются (строятся) «духовные квазифизические понятия» (по форме напоминающие физические). С другой стороны, дискурс Э. Сведенборга похож на социальные теоретические построения, здесь используются «духовные квазисоциальные понятия». С третьей стороны, эзотерический дискурс Э. Сведенборга включает в себя понятия, заимствованные из психологии, но переосмысленные, т. е. «духовные квазипсихологические понятия».

«Эзотерическая математика» Э. Сведенборга включает следующие понятия и объекты: представление о «соответствии» и «подобии», «части и целом», «единице», «симметрии», «внешнем и внутреннем», «совершенстве» «как сочетании различных, стройно составленных и согласованных частей, расположенных в совокупном (совместном) или последовательном порядке», «сферах» — духовные квазифизические понятия: «свет», «тепло», «сила», «движение», «сопротивление», «равновесие», «время», «пространство», «притяжение», «отталкивание», «подъем», «падение», «присоединение», «слияние».

Среди квазисоциальных понятий наиболее часто встречающиеся у Э. Сведенборга два: «управление» («Господь управляет небесами и адом») и «служение» («Любить Господа и ближнего — значит вообще отправлять службу»), а среди квазипсихологических — понятия «любви» и «состояния» (Розин, 2007).

Чтобы понять, как они сложились, и их место в учении Э. Сведенборга, стоит обратить внимание на то, что, начиная с юности, на многих его вполне светских научных, инженерных и философских рукописях внизу многих страниц идет следующее наставление себе:

«1. Часто читать Слово Божье и размышлять о нем.

2. Покорять себя во всем воле Божьего промысла.

3. Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.

4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы и стараться сделать себя во

всех отношениях полезным членом общества» (Сведенборг, 1993).

Э. Сведенборг, подобно Павлу Флоренскому, был, так сказать, слугой двух господ. Я имею в виду принятие Э. Сведенборгом одновременно двух мировоззрений — научного и религиозного. Он не мог отказаться ни от первого, ни от второго, точнее, оба мироощущения в одинаковой мере определяли его жизнь и поступки. Да и как могло быть иначе: основное занятие Э. Сведенборга в течение почти полувека — наука, основной образ жизни и воззрение — христианство.

Здесь, однако, читатель может возразить, сказав нечто подобное: ну и что с того, мало ли ученых верят в Бога и ходят в церковь? Их вера и научное мировоззрение могут быть никак не связаны; один из ученых выразился так: «Моя вера и наука находятся в разных комнатах». Действительно, есть люди (и таких, вероятно, большинство), которые живут в «двух комнатах». Находясь в одной комнате, они забывают о другой, и наоборот.

Судя по всему, Э. Сведенборг не был такой личностью, ведь не трудно предположить, что понимание мира и способ жизни зависит от характера личности. Для него мир науки и Господь находились не в двух разных комнатах, а в одной, в едином мире и жизни. Философ и психолог сказали бы, что его сознание было целостным. Таким же было сознание и св. Августина, Р. Декарта, И. Канта, Р. Штейнера, П. Флоренского. Я не случайно в этом списке упомянул Рене Декарта. Он не только во многом определил отношение новоевропейского ученого к Творцу всего, но

и задал ряд особенностей научного новоевропейского мировоззрения. Похоже, что и Э. Сведенборг не избежал влияния Картезия. Подобно Р. Декарту, Э. Сведенборг не только считал, что человек по своему совершенству приближается к Господу, поэтому-то ангелы — это совершенные люди, но что можно познать и природу, и Господа, и небеса. При этом, познавая, мыслитель воспроизводит Господа и как бы творит мир, опираясь только на себя.

Именно как картезианец и ученый Э. Сведенборг не мог не признать наличия в Священном писании множества противоречий. Как Господь может существовать в трех лицах? Это явное противоречие. Почему Господь допустил существование зла и Люцифера, если есть любовь и благо? Что значит воскресение человека и смерть, если исчезновение происходит в ничто, то вряд ли Господь после смерти каждый раз заново творит каждого человека? Как понять, что человек создан по образу и подобию Бога? Что собой представляют рай и ад, ангелы и демоны? Почему язычники не спасутся, когда многие из них живут праведнее христиан и вообще ничего не знают о Господе? — и т. д. и т. п. Простой верующий такими вопросами не задается, но ведь Э. Сведенборг был не только христианином, но и ученым, а также картезианцем.

В результате принципиальных сомнений и размышлений, но не отказа от веры, Э. Сведенборг начинает переосмысление религиозной реальности. Другое дело, что он мог до поры до времени закрывать глаза на собственную работу мышления; не то, чтобы не замечать ее, такое трудно

не увидеть, а как бы отодвигая ее на задний план, чем мы на самом деле часто занимаемся. В каком же направлении шло это переосмысление? Мы хорошо знаем это. Э. Сведенборг начал пересматривать противоречивые и не связанные между собой религиозные сюжеты, заменяя их собственными конструкциями в духе рационального картезианского мышления; при этом он создает квазинаучные понятия и выходит на представление о действительности, напоминающее не только сакральный мир, но и духовную природу. Э. Сведенборг был уверен, что всего лишь уясняет истинное положение дел, ведет своеобразное познание духовной действительности, определяемой пока еще как каноническая. Понятно, что эта работа была достаточно длительной и непростой, растянувшейся на много лет, предполагавшей «челночное движение», т. е. возвращение и пересмотр исходных основоположений и конструкций. Но нужно учесть (это я, в частности, по себе знаю), что у человека, живущего мышлением, работа мысли совершается постоянно и частично автоматически, иногда даже параллельно с другими занятиями.

Как следствие, наряду с двумя основными реальностями — научным и религиозным миром, — в сознание Э. Сведенборга постепенно входит третья реальность. Это реальность, которую он сам создает в результате переосмысления второго мира, с одной стороны, похожая на этот мир, с другой — кардинально от него отличная.

Э. Сведенборг, конечно, не мог не заметить, что новая реальность во многих пунктах противоречит каноническому христианскому учению.

Но существовала еще одна серьезная проблема. Э. Сведенборг понимал свою работу как познание духовной действительности в духе новейшего для его времени естествознания. А оно требовало фактов и эксперимента. Последних, однако, не было. Ситуация для Э. Сведенборга была достаточно драматичной. Новая духовная реальность практически уже встала на место канонической, она воспринималась как истинное положение дел, но входила в противоречие как с религиозными догматами церкви, так и с собственными научными методологическими установками самого Э. Сведенборга, по которым эта реальность нуждалась в подтверждении опытом.

Именно в этой ситуации на помощь приходит психика, начавшая продуцировать спонтанные снаподобные сюжеты, с одной стороны, восполняющие недостающие элементы научного мышления и действительности, с другой — «рисующие» такую картину, в которой Э. Сведенборг получал санкцию свыше на новый способ познания и мышления. Конкретно речь идет о том, что Сведенборг утверждает, что общался с ангелами и сам путешествовал по небесам. «Теперь, — пишет Э. Сведенборг, — обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, то есть что они такие же люди, это я видел до тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видел, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано

было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясно-го постижения» (Сведенборг, 1993).

Выход в сознание сноподобных реалий предполагает осмысление и работу мышления, создание интерпретаций, формулирование новых подходов и даже переосмысление своего положения в мире, это показывает исследование творчества К. Юнга, П. Флоренского и др. (Розин, 2006). Все это мы и находим в жизни Э. Сведенборга. Во-первых, он намечает новые принципы научного познания: трактует природу как подчиненную духовному миру, формулирует отношение соответствия и связанную с ним процедуру выявления соответствий, рассматривает высказывания ангелов и собственный духовный опыт в качестве фактов и научного опыта. Во-вторых, утверждает, что церковь неадекватно излагает Священное писание, а ему, Э. Сведенборгу, Господь открыл тайны и подлинный смысл Слова. В-третьих, Э. Сведенборг объявляет себя посланником Господа, мессией, призванным раскрыть христианам истинный смысл Слова и знание действительности, поскольку наступают последние времена. «Такое непосредственное откровение совершается ныне потому, что оно то самое, которое разумеется под пришествием Господа» (Сведенборг, 1993). Эти три новации можно считать сведенборгианским поворотом, открывшим дорогу многим идущим позднее от науки или философии эзотерикам.

В этическом же отношении учение Э. Сведенборга вполне положительное. Недаром Вл. Соловьев писал, что «нравственное учение Сведенборга (по отзыву, между прочим,

московского митрополита Филарета) было теологически безупречно» (Соловьев, 1995). Что же касается существования реальности, в которую каждый из нас верит, то, как я стараюсь показать, этот вопрос сложный и решается сегодня не так, как еще несколько десятков лет назад. Главное не само содержание мира, о котором некто говорит или пишет, а то, как мы понимаем эти построения, как их используем, как реально живем. Можно хорошо жить и делать добрые дела, веря в ангелов и духовный мир, и жить ужасно, исповедуя самую правильную и современную картину мира.

В ту эпоху было необходимо осмыслить христианское учение в духе естествознания. И Э. Сведенборг выполняет это задание времени, переосмыслив христианство по-новому и лично. Думаю, никак иначе, чем пропустив христианство через свою личность, это было сделать невозможно. Но еще раньше похожую задачу решает св. Августин, продумывая христианское учение в духе античной рациональности. А после Э. Сведенборга П. Флоренский решает задачу осмысления христианства в духе науки начала XX столетия. Сегодня, судя по всему, снова стоит задача синтеза христианства и науки. Но не нужно заблуждаться: рассмотренная здесь ситуация и ее решение актуальны только для некоторых людей, главным образом представляющих собой целостную личность, типа Августина, Э. Сведенборга или П. Флоренского. Основная же масса действует, реализуя другой жизненный сценарий — «двух комнат»: в одной из них человек верующий (христианин или еврей, или

мусульманин), а в другой — рационалист, например, психолог. Возникает естественный вопрос: как это возможно? Здесь есть два разных обстоятельства, одно скорее психологического характера, другое социокультурное (что собой представляет современная вера и религия, каковы их функции).

Жить в двух «комнатах» сегодня не более затруднительно, чем жить в двух разных реальностях. Современный человек научился раздваиваться. Большую роль здесь сыграли, во-первых, искусство, в реальности которого мы можем входить и долго там жить; во-вторых, социальные практики (досуг, сферы жизни с разными условиями), позволяющие реально жить разными событиями. Более того, нередко в одной реальности человек действует противоположно тому, как он живет в другой. Например, в публичном пространстве он законопослушный гражданин или скучный обыватель, а в своих фантазиях или в жизни, скрываемой от общества, — преступник и дерзкая личность. Соответственно, как часто современный ученый или политик — в своей области рационалист до мозга костей, а в церкви — почти мистик.

Не менее существенно, что в настоящее время вера и религия имеют другой смысл, чем прежде, скажем, в Средние века. По социологическим наблюдениям, не больше 2–5% верующих реально посещают все службы и, главное, живут событиями религиозной жизни, а остальные 70%, хотя и называют себя верующими, далеки от Бога. Можно предположить, что именно эти 2–5% продолжают сегодня подлинную религиозную традицию. А остальные — они

что, лицемерят? Думаю, нет, хотя у отдельных прихожан и этого исключить нельзя. В целом же люди, идентифицирующие себя как верующие, приходят в церковь или верят потому, что находят в религии то, чего им не хватает в обычной социальной жизни: например, общения и поддержки (к общине принадлежат те люди, которых я уважаю и ценю, на авторитет которых можно опереться), реальность, отчасти противоположную повседневной (здесь живут духовным, возвышенным), некоторые гарантии (а вдруг на самом деле там что-то есть, тогда лучше я лишний раз схожу в церковь и перекрещусь, с меня не убудет). Другими словами, в настоящее время вера все больше превращается в один из типов социальности; проблемы спасения или жизнь сакральными событиями воспринимаются большей частью верующих не более как ритуал и виртуальный сценарий. Понятно, что и психологи могут спокойно практиковать теорию деятельности или психоанализ, т. е. дисциплины сугубо естественнонаучные, и одновременно посещать церковь, погружаясь в мистику, переживая возникающие при этом пограничные состояния.

Обсуждая отношение психологии к религии, нельзя не коснуться и такого вопроса: на решение каких задач ориентированы обе эти сферы. Традиционная психология решает две основные задачи: получение научных знаний о человеке и разворачивание практик (психологическая помощь, консультирование, реабилитация и пр.) на основе этих знаний и особых психотехник. При этом человек в психологии описывается в схемах

(моделях), которые по отношению к эмпирическим наблюдениям и другим знаниям о человеке *частичны, но оперативны*. «Теория,— пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер,— это система взаимосвязанных идей, построений и принципов, имеющая своей целью объяснение определенных наблюдений над реальностью. Теория по своей сути всегда умозрительна и поэтому, строго говоря, не может быть «правильной» или «неправильной»... Теория личности является *объяснительной* в том смысле, что она представляет поведение как определенным образом организованное, благодаря чему оно становится понятным. Другими словами, теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (очевидно, психоанализа З.Фрейда. — В.Р.) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (Хьелл, Зиглер, 1997).

Наличие в современной культуре определенной свободы и разных способов социализации (что в истории было не всегда) обуславливает создание множества психологических знаний о человеке (множества психологических школ и практик), по-разному объясняющих психику и дающих разные рекомендации в практической области. Тем не менее можно утверждать, что в основном эти знания призваны обслуживать сложившуюся социальную практику и типы человека. Например, психо-

анализ ориентирован на описание человека как конфликтного существа; по З. Фрейду, человек находится в конфликте с культурой, которая запрещает ему естественные сексуальные влечения, сознание конфликтует с бессознательным, а психоаналитик — со своим клиентом, отсюда феномен сопротивления, а по К. Роджерсу, психоанализ ориентирован на описание человека как существа эмпатического. При этом и та и другая ориентации (на конфликт и сотрудничество и эмпатию) являются в современной культуре важнейшими реальными тенденциями. В этом смысле «человек по Фрейду» и «человек по Роджерсу» — это два полярных культурных антропологических типа современной цивилизации.

Думаю, я вряд ли сильно ошибусь, утверждая, что и христианство, даже католичество, удачно адаптирующееся к требованиям современности, ориентировано на обслуживание сложившейся социальной практики и типов человека, но обслуживания иного, ориентированного на религиозную традицию. Выступая с критикой светского образа жизни и современных ценностей, христианские проповедники стараются не ранить чувства своих прихожан, не слишком забегать вперед. Поэтому, в частности, так часто церковь фактически находится в согласии с современной психологией, хотя на словах она нередко заявляет свое несогласие.

Совсем другая картина складывается в случае ориентации психологии на нового возможного человека, преодолевающего свою социальную (техногенную) ориентацию и обусловленность и свободного (в плане

идеала) от пороков современной цивилизации. При этом нужно учесть, что мы живем в настоящую эпоху перемен (перехода). С одной стороны, традиционная сложившаяся в прошлых веках техногенная реальность охвачена кризисом, с другой — она, реагируя на изменяющиеся условия жизни, вновь и вновь воссоздает себя и даже экспандирует на новые области жизни. В результате не только воспроизводятся старые формы социальной жизни, но и складываются новые. И опять налицо противоположные тенденции: процессы глобализации и дифференциации; возникновение новых социальных индивидуумов, новых форм социальности (сетевые сообщества, корпорации, мегакультуры и пр.) и кристаллизация общих социальных условий; обособление, автономия вплоть до коллапса (постмодернизм) и появление сетей взаимозависимостей; «твердая современность» и «жидкая». В этих трансформациях претерпевает метаморфозы и феномен человека. Происходит его дивергенция, складываются разные типы массовой личности, которые поляризуются, проходя путь от традиционной целостной константной личности через гибкую личность, периодически заново устанавливающуюся, до личности непрерывной меняющейся, исчезающей и возникающей в новом качестве (облике).

Как можно помыслить образ человека в условиях перехода? Этот человек будет жить в другом мире — новом или обновляющемся. Какой этот мир будет конкретно — неизвестно, но он родится не без наших с вами усилий (лично каждого из нас и всех нас вместе). Кроме того, этот

мир, хотя и будет другим миром, предпосылками его выступит современность и наша история. Все это означает, что *новый человек* (не какой-то там ницшеанский сверхчеловек, а каждый из нас, если захочет пойти по этому пути) должен быть человеком *конструктивным* и *креативным*, ведь ему придется конституировать новую реальность и жизнь. И одновременно он должен быть *человеком культуры и истории*, поскольку новая жизнь рождается не на пустом месте, в ней воспроизводится все то, что с исторической точки зрения оказалось инвариантным (разделение труда, познание и техника, личность и пр.), что будет работать в новых условиях, что можно переосмыслить и спасти для следующих поколений. Другими словами, все основные исторические и культурные реалии должны быть переосмыслены, в них новый человек должен установиться заново.

Обновление жизни, вероятно, начинается не с другого человека или мира вне нас, а, прежде всего, с нас самих. Поэтому новый человек — это человек не просто конституирующий себя, т. е. не только личность, а человек, вставший на путь «духовной навигации». Частным случаем ее является идея философского, религиозного или эзотерического спасения. Духовная навигация — *это наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь, наконец, противостояние нежизненности, культивирование духовности.*

В рамках подобной практики человек является *личностью*, но не совсем обычной. Можно вспомнить и М. Хайдеггера, утверждавшего в статье «Вопрос о технике», что для того, чтобы человек снова стал свободным в отношении техники, он должен кардинально перемениться: «...опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства» (Хайдеггер, 1993). Общая позиция здесь такая: человек действует не функционально, следуя своей социальной роли, а реализует свое видение действительности, которое он нащупывает, выстраивая свою жизнь, постигая мир. Он, как говорит А.А. Пузырей вслед за М. Хайдеггером и М. Мамардашвили, «устанавливается в месте, которое устанавливается ходом этого установления», при этом человек «рождается заново» «вторым рождением».

Встав на путь духовной навигации, человек направляет все свои жизненные силы на изменение себя и обретение нового мира, в результате чего рано или поздно может кардинально измениться. Родится ли он заново вторым рождением, зависит от того, насколько глубоко эти изменения затронут его личность. Как показывают мои исследования, ядро личности задают представления, позиционирующие человека в обществе, задающие основные детерминанты его поведения и жизненного пути. Если движение по пути духовной навигации приводит к конституированию нового ядра, то рождается новая личность.

Но человек, как известно, не только личность, но и член социума, *социальный индивид*, и в этом качестве он нуждается в поддержке общества,

в трансцендентальных смыслах и деиндивидуальных источниках энергии. Все это новый человек, конечно, может найти готовым, идентифицировав себя с какими-то социальными образованиями (это один из вариантов возможной новой жизни), но более правильный путь — конституирование собственной социальной среды, создание собственных жизненных ресурсов. Например, без других новый человек не в состоянии выстроить нужное для него сетевое сообщество, но он может выступить инициатором и активно участвовать в его формировании. Без других и общества в целом новый человек не может себя реализовать, но каким образом он входит в общество, как он организует общественную среду, какие отношения устанавливает с другими людьми, какие источники здесь находит и конституирует — все это зависит от него самого. Иначе говоря, как в современной корпорации новый человек должен стать менеджером самого себя, создать собственный мир и траекторию жизни, способствовать становлению новых форм общительности, но — и это принципиально — с опорой на общие условия, на других и общество. При этом, поскольку новый человек заинтересован в качестве и характере этих общих условий, он должен активно включаться в жизнь общества, в политическую жизнь, уметь влиять на других людей, достигать компромисса или консенсуса и т. д. и т. п.

Базовыми способностями нового человека в этом случае будут являться следующие. Способности воображения, без них трудно помыслить новые реальности и проживать их события. Способности рефлексии,

позволяющие «останавливать» и артикулировать сложившиеся формы жизни, а также перестраивать их. Целый спектр способностей, дающих возможность, с одной стороны, учиться и переучиваться, с другой — заниматься самообразованием. Креативные способности (познавательные, проектные, организационные и др.), необходимые для практического воплощения новых идей и представлений. Спектр коммуникационных способностей — понимание, общение, разрешение конфликтов, достижение компромиссов, осуществление совместной деятельности, размежевание и др. Наконец, способности к духовной навигации, включая самоопределение, осознание своей обусловленности и ценностей, преодоление себя, идентификация и разотождествление с определенными субъектами, выстраивание собственного скрипта, сопровождение его, разрешение экзистенциальных проблем и др.

В историческом плане указанная концепция идет от экзистенциалистов, конкретно от Серена Киркегора. Она состоит в том, что человек, попадая в трагическую, экзистенциальную ситуацию, вынужден осуществить подлинный выбор, который, по сути, есть не выбор из существующих возможностей, а космический акт нового рождения личности. Вот как П.П. Гайденко излагает соответствующие взгляды С. Киркегора, сравнивая их с учением И. Канта.

«Совсем не то мы видим у Киркегора. Ведь его выбор, в результате которого личность обретает, *рождает* самое себя именно как личность,— это, по существу, и есть выбор умопостигаемого характера. Выбор есть

создание этого характера... по Канту же, всякий акт воли есть только проявление этого, уже данного до самого акта, характера... Если индивид не считается с нравственным законом, если он предпочитает удовлетворять свои склонности в ущерб нравственному долгу, тем хуже для него, заявляет Кант. Нравственный миропорядок от этого не перестанет существовать и иметь всеобщее значение — в том числе и для самого индивида; для него он будет отрицательным путем обнаруживать свою необходимость в виде укоров совести. Не то у Киркегора. С его точки зрения, акт выбора индивида имеет *космическое значение* в том смысле, что вместе с ним происходит, появляется в мире нечто такое, чего до сих пор не было и чего не могло бы появиться вовеки, не создай этого данный — только этот — индивид...

Это главный момент, отличающий Киркегора от Канта. Из него вытекают и все дальнейшие различия. Прежде всего Киркегор вводит в свою этику *понятие раскаяния*... "Влечение к свободе,— читаем у Киркегора, — заставляет его (человека. — П.Г.) выбрать самого себя и бороться за обладание выбранным, как за спасение своей души,— и в то же время он не может отказаться ни от чего, даже самого горького и тяжелого, лежащего на нем как на отпрыске того же грешного человечества; выражением же этой борьбы за это обладание является раскаяние. Раскаиваясь, человек мысленно перебирает все свое прошлое, затем прошлое своей семьи, рода, человечества и, наконец, доходит до первоисточника, до самого Бога, и тут-то и обретает и самого себя"» (Гайденко, 1997, с. 152–153).

Развитие человека, таким образом, — это, прежде всего, развитие его личности (кстати, об этом говорил и Л.С. Выготский). Но не просто актуализация и усложнение уже существующей личности, а рождение новой личности. Рождение, понимаемое как экзистенциальный выбор, как создание себя. Но опять же духовное рождение не столько из «ничего», как пишут некоторые современные мыслители, а с помощью других, с опорой на реальность современной жизни, которую необходимо выслушивать, с опорой на высшие силы (их можно понимать по-разному), раскаиваясь в содеянном и прежней жизни, изо всех сил прорываясь к жизни подлинной.

Понятно, что если личность уже сложилась, то можно говорить о ее развитии в старом смысле слова, т. е. как усложнении, дифференциации и преобразовании определенного целого. Однако в «точках становления» личности (впервые или в очередной раз) понятие развития меняется. Психологии еще только предстоит разработать это новое понимание развития.

Возвращаясь к нашей теме, спросим себя: а может ли христианство подключиться к решению указанной задачи — созданию условий для ста-

новления возможного нового человека? Если да, то тогда кооперация психологии и христианства — актуальная задача, а если нет? Или другой вопрос: отвечает ли христианство на вызовы современности, и в чем они, с точки зрения христианства, состоят. Если только в том, чтобы человек пришел к Богу, то этот ответ вряд ли сегодня может удовлетворить общество. Здесь главное: как в настоящее время нужно понимать Творца и спасение. Проще всего, конечно, верующему тут же объяснить мне, неверующему, что это такое с точки зрения христианского канона. Однако я не спешил бы с ответом, ведь речь идет не просто о подтверждении христианской традиции, а о *возрождении* ее, что, на мой взгляд, предполагает творчество и обновление, а иногда и преображение.

Но если не кооперация (все же задачи и пути у христианства и психологии разные), то, вероятно, обязательно коммуникация и общие дела. Даже данное обсуждение работает на коммуникацию христианства и психологии, и я уверен, что это полезно. Для меня, во всяком случае, это так. Дух нашего времени настоятельно требует, чтобы психология и христианство повернулись друг к другу и начали нелегкий диалог.

Литература

Кастанеда К. Комплекс из 5 книг. М., 1992.

Лоргус А. Христианская психология в пространстве гуманитарной парадигмы // http://www.fapsyou.ru/a_lorgus_3.php, 2007.

Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эмануэля Сведенборга. М., 2007.

Розин В.М. Мышление и творчество. М., 2006.

Соловьев Вл. Сведенборг // Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 2.

Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. Киев, 1993.

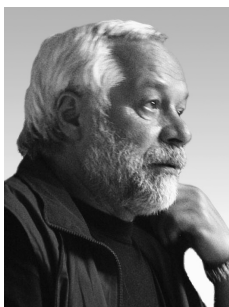
Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Харьков, 1997.

Штейнер Р. Очерк тайноведения. М., 1916.

ХРИСТИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В.И. СЛОБОДЧИКОВ

Слободчиков Виктор Иванович — директор Института развития дошкольного образования РАО, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор. Член Совета по присуждению премий Президента и Правительства РФ в области образования, член Координационного совета Министерства образования и Московской Патриархии, награжден медалью К.Д. Ушинского. Автор более 100 научных работ, среди которых учебные пособия «Психология человека» (1995), «Психология развития человека» (2000), «Очерки психологии образования» (2003, переиздана в 2005).

Контакты: dir-irdora@yandex.ru

Резюме

В статье рассмотрены предпосылки и условия становления христиански ориентированной психологии — как особого направления в психологической антропологии. Эти условия соотношены с этапами развития психологических знаний — классический (естественнонаучный), неклассический (культурно-деятельностный), пост-неклассический (антропологический).

Надо сказать, что когда мы скороговоркой произносим слово «психология», то о какой психологии мы говорим? О «психологии психики» или «психологии человека»? Если о первой, то сегодня в рамках естественно-научной парадигмы не надо ее тесно сопрягать с религией, более конкретно — с христианской антропологией. Ни категориально, ни феноменально они не сопрягаются. Как не бывает «христианской физики» или «христианской химии». А чтобы не возникало иллюзий о возможности такого сопряжения, следует наложить запрет на экстраполяцию эмпирических фактов из психофизики, психофизиологии, психосоциологии

на всю человеческую реальность. По принципу «Вот так и в жизни, вот так и у человека». У человека может быть по-всякому и даже не так, как в жизни.

Еще одно предварительное замечание. Нам, психологам, надо честно признаться, что большинство категорий современной психологии не являются ее собственными категориями. Как правило, они заимствованы из других систем знаний: из богословия, философии, естественных наук и даже из житейского опыта, где они вполне уместны и по своему происхождению, и по своему функциональному назначению. Уместен ли их механический перенос в психологию?

Хорошо ли это? Почему своих слов не хватает?

Ответ на эти вопросы — это специальная, концептуальная работа по выяснению природы, статуса, назначения психологического знания, которая в теоретической психологии так и не реализована до сих пор.

В данной теме возможны два вектора размышлений: гносеологический и онтологический. Вначале о гносеологической линии анализа, которая также имеет две составляющие: а) это христианская психология в системе наук о человеке и его месте в бытии; и б) возможное место христианской психологии в системе психологического знания. В своем сообщении я остановлюсь на второй линии размышлений. Такое рассмотрение, возможно, позволит более содержательно перейти к онтологическому плану христианской психологии, а вместе с тем обсудить ее возможности и действительность.

Но сначала довольно схематично — об исторических этапах становления научно-рационального психологического знания. Здесь же замечу, что никакой последующий этап не отменяет предшествующего. Они сосуществуют на исторической сцене вне зависимости от времени своего появления. Так, достаточно успешно продолжает жить «советская» психология на пост-советском пространстве.

Сразу хочу заметить, что я не рассматриваю в качестве первого этапа становления психологического знания тот период, когда психология находилась в теле философской антропологии, так как последняя — это скорее искаженная версия христианской антропологии, о чем всегда

стыдливо умалчивалось. Говоря словами о. Ал. Шмемана, философская антропология — это «усилия впотьмах».

Этапы становления психологического знания

Первый этап — это **классический, естественнонаучный** период. Здесь **объектом** познания была положена психика как свойство высокоорганизованной живой материи, в частности, мозга. **Предметом** стали психические явления в живой природе: процессы, состояния, структуры, механизмы, психические реакции, более широко — поведение. Смысл познания можно было бы обозначить как поиск ответа на вопрос: что такое психическое явление с точки зрения **стороннего** наблюдателя.

Следующий этап — **неклассическая психология**. Прародителем этого этапа развития психологического знания, несомненно, является З. Фрейд. Сутью случившегося **парадигмального сдвига** в системе знания стала попытка вырваться за пределы *феноменологии психического*, которая в это время интенсивно накапливалась в классической психологии. И, соответственно, попытка входа в феноменологию **человеческой реальности**.

Существенно, что это именно «**попытка**», но не само вхождение, и второе — в феноменологию, но не в саму реальность. Здесь главный вопрос: как и в каких феноменах я дан себе с точки зрения теперь уже **заинтересованного наблюдателя**?

На первом этапе этого парадигмального сдвига — взрыв категориальных новаций, но — и это принципиально важно: **объяснительные**

схемы и логика мысли оставались прежними — **причинно-следственными**. Точно такими же, как и в предшествующий классический период развития научной психологии.

Важно в данном случае, что именно на этой точке прорыва стали интенсивно оформляться две ветви мировой психологии: так называемой «западной», гуманистической, и «советской» — культурно-исторической. У первой объектом пристального внимания стала «**человеческая ситуация**» (блестящий выразитель такой позиции — Э. Фромм), у второй (советской) — «**человеческая деятельность**» (не менее блестящий ее выразитель — А.Н. Леонтьев).

В чем же подлинное существо этого уже сложившегося этапа психологического познания?

Сегодня очевидно, что психология середины и конца XX в. осуществила не только **вхождение**, но и буквально **погружение** в полноту человеческой реальности. И это погружение потребовало втягивания всего многообразия гуманитарного знания (философского, богословского, политэкономического и т. д.), чтобы хоть как-то сориентироваться в структурах и значениях той самой **человеческой ситуации и человеческой деятельности**.

Что произошло? Произошло кардинальное **преобразование феноменальности психического в реальность психологического**. Материей, в которой осуществилось это преобразование, стал культурно-исторический континуум в своей **знаково-символической ипостаси**.

Знаково-символический инструмент оказался мощным средством ориентации, а главное — струк-

турации самого пространства психологической реальности. Но — я хотел бы специально это подчеркнуть — ориентации в пространстве именно моделей, знаков, символов, знаний о человеке, но не в пространстве **самого человека**. Вот на этой коллизии гуманистически ориентированной психологии начинает зарождаться, складываться, прорисовываться **новый портрет** психологии в интерьере современности.

Этот новый этап пока можно поименовать как этап **постнеклассической психологии**. В рабочем (нестрогом) смысле можно говорить о гуманитарной (негуманистической), **антропной** психологии. Постнеклассическая психология — это не только **прорыв** за пелену психической феноменальности, не столько **погружение и ориентация** в человеческих ситуациях, сколько **конвергенция**, интеграция, исцеление, **реабилитация самой «человеческой реальности»**, и уж затем только «человеческой ситуации» и «человеческой деятельности».

Здесь главный смысл познания связан с поиском ответа на вопрос: кто я есть с точки зрения **внутреннего** наблюдателя.

Собственно говоря, в пространстве постнеклассической психологии впервые появляется возможность обсуждать языком психологии вовсе не психологические реалии: такие, как *субъектность, личность, ипостась, сознание, рефлексия, совесть, индивидуальный дух* и др. Иными словами, это тот набор категорий, который сложился в философской и христианской антропологии. Но чтобы обсуждать эти реалии по существу, необходимо еще раз и принципиально

различить и не склеивать **«психологию психики»** и **«психологию человека»**. Это разные системы знаний и по типу, и по способу их получения.

Приведу один пример. Так получилось, что богословие, и особенно святоотеческое, не знало понятия человеческой личности. По словам В.Н. Лосского, в святоотеческом богословии нет того, что можно было бы назвать особым, отдельным учением о личности человеческой, тогда как учение о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно четко. И тем не менее именно в тайне Пресвятой Троицы пытались раскрыть православные богословы и тайну человеческой личности.

Не вдаваясь в подробное изложение всех рассуждений на эту тему, отмечу, что были выработаны две базовые категории: **«усия»** — сущность человека, фиксирующая глубину непознаваемой трансценденции его природы, его самости; и **«ипостась»** — несводимость человека к его природе, **особый способ существования его в мире, его адресованность к Другим**.

О. Павел Флоренский говорил о том, что человек не только усия, но и ипостась, не только темное хотение, но и светлый образ, не только родовая подоснова человека, но и просвечивающий его лик, явно выступающий у святых, просвечивающий на иконе. Усия — самость — утверждает в человеке как его индивидуальное начало, через нее род собирается в одну точку; напротив, ипостась — разумная, личная идея человека, его духовный облик, его лик. Говоря о несводимости личностного к природному, самостному, мы говорим не о другой, **не еще** об одной «природе,

сущности». А ком-то, кто отличен от своей природы, о ком-то, кто, держа в себе свою природу, эту природу превосходит; кто этим превосходством дает существование ей как природе собственно человеческой; и в то же время не существует сам по себе, вне своей природы, которую он «воипостазирует» и над которой непрерывно восходит.

То, что является для нас самым дорогим в человеке, то, что делает его **«им самим»**, — неопределимо, потому что в его природе нет ничего такого, что относилось бы собственно к личности, всегда единственной, несравнимой и **«беспрецедентной»**. Человек, определяемый только своей природой, действующий в силу своих природных свойств, в силу своего характера — **наименее личностен**. Утверждая себя как индивида, как собственника своей природы, сводя свое «Я» к своей природе и противопоставляя ее другим природам, человек тем самым осуществляет **смещение личности и природы** (ипостаси и усии). Это свойственное падшему человечеству смещение и обозначается по-русски **самость**, которая, кстати, не совпадает с содержанием таких слов, как «эгоизм», «эгоцентризм», «индивидуализм» и др. Последнее — это уже индивидуальная, ценностная установка самосознания в своем дистанцировании, отчуждении человека от других.

Введя две эти категории — сущности (природы) человека и способа его существования в человечестве, сообщая каждой из них свое отдельное значение, святые отцы могли впредь беспрепятственно **укоренять личность в бытии и персонализировать саму онтологию человека**.

Итак, **личность** не есть качество, не есть особая структура свойств или черт; это прежде всего и главным образом — **целостный, всеохватный способ бытия сразу всего человека**, в своей предельной адресованности Другому и в своей предельной открытости Богу. Подобная целостность, а главное — тотальность личностного бытия — не есть, конечно, плод естественного созревания. Здесь всякий раз прилагается усилие и осуществляется преодоление собственной самости и восхождение к собственной ипостасности; не всякий индивид во всякое время является личностью, осуществляет личностный способ бытия.

Личностью надо «выделаться» (Ф.М. Достоевский). В нашей византийско-православной, европейско-русской культуре предельно необходимой предпосылкой личностного способа бытия человека в Мире является **субъектность**, — необходимой, но... **недостаточной**. Необходимо еще и Другой, необходимо **со-бытийствование с Абсолютным Другим**, чтобы эта возможность стала действительностью. В противном случае и сам человек, и мы, сожителствующие с ним, постоянно будем сталкиваться с пошлым разнообразием частных форм персональности (налично-обыденных форм «личности»), которые без Божией помощи никогда не соберутся в подлинно **личное бытие**.

Онтология христианской психологии

Именно в этой точке — точке самосознания психологии и различения систем знания — возникает вопрос о

возможности христианской психологии. Важно, что в таком различении христианская психология **не есть** и не может быть еще одной — в ряду других — отраслью психологического знания. К горизонту традиционной, секулярной, рациональной психологии **она ортогональна**.

Пространством христианской психологии является не многообразие психических феноменов, а человеческая реальность в своей целокупности, которая может обсуждаться и может быть понята, по словам о. Александра Шмемана, только в триединой интуиции о бытии человека: его **творения**, его **падения** и его **спасения**. Причем необходимо говорить о всех этих трех событиях как о реально продолжающихся в индивидуальной жизни каждого из нас.

Очевидно, что качественная определенность человеческой реальности во всех трех обозначенных выше онтологических событиях принципиально разная. Более того, вообще отдельный вопрос: а в каком из этих онтологических событий, в какой момент уместно впервые говорить о «психическом», о психологии?

Господь создал человека по Образу Своему и Подобию, и ничто «психическое», как мы его знаем, не определяло существа этого Образа. Господь не создавал индивидуумов, субъектов, личностей, индивидуальностей. **Он создал человека**. И когда человек вышел из рук Творца, образ Божий в нем был чист, а Богоподобие полно во всех онтологических модусах бытия человека. В событийной общности Бога и Адама, в открытом Богообщении еще не было ни субъектности (самости), ни объектности (чуждости), ни ситуации как

внешних обстоятельств жизни, ни деятельности как преодоления трудностей бытия.

Все это впервые начинается с момента **падения**, причем падения столь сокрушительного — масштабного и глубокого, что собственными (можно было бы сказать — «психологическими») силами не мог ветхий Адам вос-становиться в своей первозданности. Кто-то из Святых Отцов заметил: внутреннее существо грехопадения первых людей в том, что, «не успев стать людьми, они захотели стать богами».

Именно с этого момента началась драматургия общения Бога с человеком как орудием Своего Промысла, но уже в эмпирической реальности, впервые обретшей свои пространственно-временные параметры. Оказалось, что прежде, чем обожиться, надо вочеловечиться.

Можно полагать, что Ной, ветхозаветные Патриархи, Пророки — это, по сути, еще не «*психологические персонажи*»; они орудия, люди Божии — цельные в своей призванности, вере и верности. Однако в массе своей люди, все более отпадая от Небесного Отечества, но все еще сохраняя интуицию реальности Вышнего, не имели собственных сил восстановиться в своем исходном достоинстве и потому прилеплялись к идолу, считая его своим первоисточником, прародителем, тотемом, оказываясь тем самым в оккупации, в его полной психолого-духовной власти.

Недавнее знакомство мое с жителями одной из восточных стран поразило меня как бы отсутствием у них третьего — духовного измерения. Точнее, его тотального замещения системой регулятивных принципов

и в совместной деятельности, и в совместном общем жительстве. Причем одни принципы из времен допотопных, другие — из после потопных, третьи — из «здесь и теперь». Все они священны, уже превращены в идолы, им поклоняются как наивысшей инстанции. Очень возможно, что и в ветхозаветные времена, ко времени явления Иисуса Христа, такими же идолами стали и **регулятивы — законы** иудейского народа.

Уже 2000 лет мы живем в **спасительные времена** с самого момента прихода Спасителя. Призвав лично и каждого из нас ко спасению, Господь сказал: **Я есть Путь, Истина и Жизнь**. И ты, человек, волен встать на этот Путь, возлюбить Истину и обрести Жизнь вечную. С этого момента открылась *субъективность* каждого как реальность *самости*, как тот адресат, к которому возможно обратиться лично. И с этого же момента открылась возможность становления, преобразования и восхождения каждого. Открылась **Вертикаль** бытия, или **духовная реальность**, человека как преддверие Царства Небесного. Антиномия субъективности обнаруживает себя в том, что она есть средство такого восхождения с Божией помощью, и то, что она — субъективность (самость) должна быть преодолена (преобразена) в этом восхождении. «И теперь уже живу не я, но живет во мне Христос» (Послание к Галатам св. ап. Павла).

Но сегодня мы живем также и в **апостасийные времена** с самого момента **раздробления** человеческой тотальности, цельной тримерии духа-души-тела, которая с началом эпохи Возрождения в своем расщеплении ипостасей человеческой

реальности разошлась по разным системам рациональных представлений в биологии, в психологии, в философии.

Следует особо подчеркнуть, что полноту и цельность человеческой реальности пытается удержать и во многом удерживает главным образом христианская антропология. Однако современный человек, зная о Вертикали, о духовном плане бытия, о Христе, **не верит** всему этому и продолжает оставаться в горизонте психологии — в плоскости психологических закономерностей и механизмов поведения. И, становясь теперь уже **неоязычником**, предпочитает размышлять о мистическом, потустороннем, эзотерическом как о духовном.

Возможности христианской психологии

Вернусь к началу. Постнеклассическая психология сегодня — это развилка: либо христианская благодатная психология, либо бесовская психология падшести и проклятья. «Отойдите от Меня, проклятые». Миссию благодатной психологии можно почувствовать в простом различении призванных и званных. Призванность — единична, это Божия тайна, она за пределами рационального познания. Тогда как званы все, Благая Весть ко всем обращена. Но как ее услышать, как встать на Путь, как не растерять по пути Истину, как войти в Жизнь вечную в интервале собственной индивидуальной жизни? Это и есть **главный вопрос** христианской психологии.

Однако христианская психология — и это принципиально важно —

это не наука о спасении, это знание об условиях возрастания человека в меру Благой вести о спасении. На множество других вопросов с большим успехом ответит и отвечает традиционная психология.

И здесь центральной проблемой, как это ни странно, окажется категория «развитие». К сожалению, в известных мне богословских трудах нет понятия «**развитие**», есть понятие «**происхождение**». Но происходит то, чего никогда не было (это всегда тайна); а развивается то, что есть (это всегда проблема). На мой взгляд, нет в этих трудах и понятия «**становление**», но есть понятие «**ставшего**», которое можно фиксировать, описывать его структуру, свойства и т. д. Именно поэтому много описаний структур психосоматики и психопневматики, но почти никогда нет ответа на вопросы: как же они возможны, как они становятся в онтогенезе? А требуется и необходимо четко ответить, чтобы обрести внятное понимание. **Развитие чего? Развитие — как? И главный вопрос: развитие — откуда, куда и зачем?**

Как правило, мы с радостью отвечаем на первый вопрос — «**Развитие чего?**»: развитие высших психических функций, развитие мышления, развитие личности или ее памяти и т. п. Не менее интенсивно ведутся поиски ответа на вопрос — «**Развитие как?**»: условия, способы, механизмы и т. п. Но вот про третий вопрос «**Развитие: откуда, куда и зачем?**», того, что уже произошло и стало, на этот вопрос, мне кажется, еще никто всерьез не отвечал.

Перефразируя слова Михаила Яковлевича Гефтера, я бы сказал так:

человек начинает, становится, развивается не с нуля, человек начинает с начала! И вот только теперь можно впервые и внятно начинать наш разговор о христианской психологии: что мы помыслим, что мы положим в самое начало, когда мы признаем, что все начинается не с нуля, а с начала.

Для меня таким началом (**Откуда?**) является предельная идеализация человеческой реальности (не ситуации, до нее еще надо дожить, а именно реальности) — **это со-бытийная общность людей**. «Там, где двое или трое собрались во имя Мое, там Я среди вас». А вот развитие такой общности (**Через что, как и куда?**) — это не завершаемый в этом мире процесс **субъективации соб-**

ственной жизнедеятельности, это всегда выход за пределы всякой личной ситуации «здесь и теперь», прорыв сквозь пелену обыденной очевидности к точке фиксации — **Я есмь!** — перед всеми и перед Всем, пред Богом.

Соответственно, базовой категорией структуриации общего хода развития — **Зачем?** — является **ступень восхождения** к полноте собственной реальности в ее духовно-душевно-телесных измерениях. Как это возможно? Это уже вопрос конструирования исходных, базовых категорий и адекватная их операционализация. На мой взгляд, это и есть предметно-проблемное поле исследований и размышлений христианской психологии.

Короткие сообщения

ВЛИЯНИЕ СОБЛЮДЕНИЯ/НАРУШЕНИЯ НОРМ СПРАВЕДЛИВОСТИ НА САМООЦЕНКУ ЧЕЛОВЕКА

О.А. ГУЛЕВИЧ

Справедливость — один из критериев, по которым люди оценивают события, происходящие вокруг них, а также один из параметров самооценки. Выделяют четыре аспекта обыденных представлений о справедливости: дистрибутивную, процедурную, информационную и межличностную справедливость (Colquitt, 2001a; Colquitt et al., 2001b).

Под дистрибутивной справедливостью понимается справедливость распределения вознаграждения/наказания участникам какого-либо события. Под процедурной справедливостью понимается справедливость той процедуры, которая используется при вынесении решения. Межличностная справедливость связана с оценкой того, насколько вежливо обошлись с участником события и как его информировали о принятом решении. Информационная справедливость включает восприятие того, что участников заранее проинформировали о процедуре и критериях принятия решения. Каждый аспект

справедливости представлен в обыденном сознании с помощью определенных норм-правил, по которым люди оценивают справедливость происходящего.

Интенсивные исследования, идущие на протяжении последних десятилетий, показали, что соблюдение/нарушение норм справедливости в деловой и политической сферах оказывает влияние на самооценку человека. Во-первых, соблюдение процедурной справедливости повышает самооценку сотрудника (Gilliland, 1994). Нарушение руководителем процедурной справедливости приводит к понижению самооценки сотрудников, особенно тех, у кого она и до этого была низкой (De Cremer, 2003). Во-вторых, соблюдение процедурной справедливости приводит к повышению самооценки человека в политической сфере, его удовлетворенности происходящим (Besley, McComas, 2005). Однако влияние соблюдения норм справедливости на самооценку зависит от

того, насколько человеку нравится полученный результат. Когда исход события не нравится человеку, а процедура оценивается им как несправедливая, его самооценка выше, чем при условии справедливой процедуры (De Cremer, 2003). Аналогичным образом исход события и справедливость процедуры влияют и на эмоции человека, связанные с его отношением к себе. Например, сотрудники, которые не удовлетворены своим увольнением, испытывают большее чувство вины и смущение, если в ходе процедуры увольнения соблюдались нормы процедурной и межличностной справедливости, чем если они нарушались. Это происходит, поскольку в первом случае человек обвиняет себя, а во втором — администрацию. Когда человек удовлетворен своим увольнением, такие эмоции не возникают вне зависимости от справедливости процедуры (Barclay, 2005).

Однако результаты, полученные к настоящему времени, имеют три ограничения. Во-первых, в исследованиях обычно рассматриваются события, в которых виновником несправедливости выступают окружающие люди. Возникает вопрос: как изменится самооценка человека, когда виновником несправедливости будет он сам? Во-вторых, непонятно, нарушение каких именно норм справедливости оказывает наибольшее влияние на самооценку, а каких — наименьшее. В-третьих, неясно, насколько влияние соблюдения/нарушения норм справедливости на самооценку человека зависит от контекста события (затрагивающего межличностные или деловые отношения). Важность контекста была продемонстри-

рована в наших предыдущих исследованиях (Голынчик, Гулевич, 2003; Гулевич, Голынчик, 2004).

Таким образом, **целями** данного исследования являются:

1. Анализ влияния соблюдения/нарушения человеком справедливости на его самооценку.
2. Выявление зависимости этого влияния от контекста события.
3. Анализ связи соблюдения/нарушения разных норм справедливости с самооценкой.

Гипотезы исследования:

1. Напоминание людям о совершенных ими справедливых и несправедливых поступках оказывает влияние на их самооценку. Для конкретизации этого предположения были выдвинуты две альтернативные гипотезы.

1а. Люди, вспоминая случаи совершенной ими несправедливости, демонстрируют более низкую самооценку, чем те, кто вспоминает справедливые события. В основе данной гипотезы лежит предположение, что, оценивая себя, человек рассматривает всю доступную информацию о себе. Увеличение доступности негативной информации приводит к понижению самооценки.

1б. Люди, вспоминая случаи совершенной ими несправедливости, демонстрируют более высокую самооценку, чем те, кто вспоминает справедливые события. Эта гипотеза связана с наличием в оценках и эмоциях людей самозащитных тенденций.

2. Соблюдение/нарушение разных норм справедливости по-разному влияет на самооценку.

3. Степень влияния соблюдения/нарушения норм справедливости зависит от контекста события.

Методика

Основным методом исследования являлось анкетирование. Анкета состояла из двух частей. Перед началом исследования респондентам говорилось, что они будут заполнять две анкеты, имеющие отношение к разным исследованиям.

Во вступлении к *первой части* говорилось, что данное исследование посвящено изучению обыденных представлений о справедливости. В этой части респонденты должны были вспомнить и описать два события, когда они поступили справедливо/несправедливо. Например, «Вспомните ситуацию, когда Вы поступили несправедливо по отношению к своему знакомому или другу, не связанному с Вами деловыми или учебными отношениями. Опишите ее. Когда и где это произошло? Что Вы сделали? Почему Вы так поступили? Какие мысли приходили Вам в голову во время совершения поступка? Какие чувства Вы испытывали? Чем все закончилось?» За каждым частным вопросом следовало 2–3 пустые строки, куда респонденты могли вписать ответ. Данные респондентами описания впоследствии не анализировались. Они нужны были самим респондентам, поскольку в дальнейшем они должны были оценить участников события: чтобы выполнить это задание, им нужно было вспомнить, что именно произошло.

После этого респонденты должны были ответить на ряд вопросов, касающихся этого события:

«Оцените справедливость этой ситуации по 10-балльной шкале, где 10 — абсолютно справедливо, а 1 — абсолютно несправедливо: ____ (Ваша оценка).

Оцените, насколько Вы согласны с каждым из утверждений, описывающих эту ситуацию. Каждый раз Вы сможете выбрать один из семи вариантов ответа: Совершенно согласен — 7; Согласен — 6; Скорее согласен, чем не согласен — 5; Не знаю — 4; Скорее не согласен, чем согласен — 3; Не согласен — 2; Совершенно не согласен — 1. Поставьте напротив каждого утверждения цифру, соответствующую выбранному Вами варианту ответа.

Знакомый/друг не мог оказать влияние на мое поведение (*влияние на результат, процедурная справедливость*).

Я не учел результат, которого знакомый/друг добился самостоятельно (*беспристрастность, процедурная справедливость*).

У знакомого/друга не было возможности оспорить мои действия (*возможность апелляции, процедурная справедливость*).

Я не выслушал точку зрения знакомого/друга (*влияние на процесс, процедурная справедливость*).

Я не учел усилия, приложенные знакомым/другом (*распределение по усилиям, дистрибутивная справедливость*).

Решая, как поступить, я использовал неточную и неполную информацию о знакомом/друге (*точность и полнота информации, процедурная справедливость*).

Я не был честен и откровенен со знакомым/другом (*честность, межличностная справедливость*).

Я не учел потребности знакомого/друга (*распределение по потребностям, дистрибутивная справедливость*).

Решая, как поступить, я основывался на иных критериях, чем обычно (*однообразии процедуры, процедурная справедливость*).

Я был невежлив со знакомым/другом, не проявил к нему уважения (*уважение, межличностная справедливость*).

Я не учел способности знакомого/друга (*распределение по способностям, дистрибутивная справедливость*).

На мой поступок оказали влияние мои предубеждения относительно знакомого/друга (*нейтрализация предубеждений, процедурная справедливость*).

Я не учел личные качества знакомого/друга (*распределение в зависимости от личностных особенностей, дистрибутивная справедливость*).

Я заранее не объяснил знакомому/другу, как поступаю в подобных ситуациях (*информированность, информационная справедливость*)».

Перечисленные утверждения соответствовали 14 нормам справедливости, отмеченным курсивом. В оригинальном тексте анкеты этих пояснений не было.

Было создано два варианта этой части анкеты. В первом варианте респонденты должны были вспомнить два события, когда они поступили несправедливо: сначала с человеком, с которыми они не были связаны деловыми или учебными отношениями, а затем с однокурсником или коллегой по работе. После описания первого события они отвечали на указанные вопросы, затем описывали второе и снова отвечали на эти вопросы. В этом варианте респонденты соглашались или не соглашались с утверждениями о нарушении 14 норм справедливости. Во втором варианте респонденты вспоминали два аналогичных события, когда они поступали справедливо, и определяли степень своего согласия с утверждениями о соблюдении каждой из 14 норм.

Во вступлении ко второй части анкеты говорилось, что в данном исследовании изучается самооценка респондентов. Респонденты получали вторую часть анкеты после того, как заполняли первую. Она состояла из личностного дифференциала: 21 биполярной шкалы, по которым респондент должен был оценить себя. Эти шкалы образуются тремя основными измерениями самооценки: *оценка* (обаятельный — непривлекательный, безответственный — добросовестный, добрый — эгоистичный, черствый — отзывчивый, справедливый — несправедливый, враждебный — дружелюбный, честный — неискренний), *сила* (слабый — сильный, упрямый — уступчивый, *зависимый — независимый*, решительный — нерешительный, расслабленный — напряженный, уверенный — неуверенный, несамостоятельный — самостоятельный), *активность* (разговорчивый — молчаливый, замкнутый — открытый, деятельный — пассивный, вялый — энергичный, суетливый — спокойный, нелюдимый — общительный, раздражительный — невозмутимый). Вторая часть анкеты была идентична для всех респондентов.

В целом исследование, проводящееся с помощью второй анкеты, носило экспериментальный характер. Независимой переменной в данном случае была справедливость события, которое вспоминали и оценивали респонденты, зависимой — оценка соблюдения отдельных норм, а также самооценка респондентов. Общая оценка справедливости события была введена для контроля за независимой переменной: с ее помощью определялось, действительно ли в одном

экспериментальном условии респонденты вспоминали более справедливые события, чем в другом.

Заполнение двух частей анкеты занимало в среднем 20–25 минут. В ходе проведения исследования разные варианты анкеты чередовались: первый респондент получал первый вариант анкеты, второй — второй и т. д.

Выборка. В исследовании приняла участие студенты-психологи и менеджеры дневного и регионального отделений Российского государственного гуманитарного университета. Анкету заполнили 77 человек. Среди них 9 мужчин и 68 женщин. Средний возраст респондентов 22.4 года.

Методы математического анализа результатов. При анализе результатов использовался непараметрический U-критерий Манна–Уитни и линейный регрессионный анализ.

Результаты

Эффективность экспериментальной инструкции. Сравнение общих оценок справедливости событий, описанных в разных вариантах анкеты, продемонстрировало существование значимых различий ($U = 626$, $p < 0.001$): люди, описывающие несправедливые события, оценивали их как менее справедливые, чем те, кто описывал справедливые. Это дает возможность провести дальнейшее сравнение.

Самооценка людей, вспоминающих справедливые и несправедливые события. Анализ, проведенный с помощью U-критерия, показал, что между этими группами людей существуют различия по фактору *Оценка* ($U = 1474$, $p < 0.001$). Направление этих различий соответствует гипотезе 1б:

люди, вспоминая о случаях, когда они действовали несправедливо, впоследствии демонстрировали более высокую самооценку, чем те, кто вспоминал случаи справедливости. Особенно ярко эти различия проявились по шкалам «добрый — эгоистичный» ($U = 1386$, $p < 0.001$) и «черствый — отзывчивый» ($U = 1620$, $p < 0.05$), где они достигли статистической значимости.

К подобным результатам привел и линейный регрессионный анализ, в котором в качестве независимой переменной выступала общая оценка справедливости события, а зависимой — три параметра самооценки ($\beta = -0.276$, $t = -3,277$, $p < 0.001$ для фактора *Оценка* и $p > 0.05$ для факторов *Сила* и *Активность*).

Связь соблюдения/нарушения отдельных норм справедливости с самооценкой. Для проверки второй гипотезы был проведен линейный регрессионный анализ, при котором в качестве независимых переменных выступали нормы справедливости, а зависимых — три параметра самооценки. Этот анализ проводился отдельно для случаев соблюдения и нарушения норм справедливости. Он показал, что отдельные нормы справедливости оказывают влияние на самооценку по параметрам *Оценка* и *Активность*:

– в случае справедливых событий, чем больше соблюдается норма апелляции, тем выше самооценка по параметру *Оценка* ($\beta = 0.302$, $t = 2.034$, $p < 0.05$), и чем меньше соблюдается норма информированности, тем выше самооценка по параметру *Сила* ($\beta = 0.371$, $t = -2.659$, $p < 0.01$);

– в случае несправедливых событий, чем больше нарушается норма однообразия, тем выше самооценка

по параметру *Оценка* ($\beta = 0.373$, $t = 2.496$, $p < 0.05$), и чем больше нарушается норма распределения по личностным особенностям, тем выше самооценка по параметру *Сила* ($\beta = 0.371$, $t = 2.104$, $p < 0.05$).

Роль контекста. Для выявления роли контекста анализ с помощью U-критерия и rs был проведен отдельно для событий, связанных с межличностными и деловыми отношениями.

Анализ описаний, связанных с межличностным контекстом, продемонстрировал существование различий в самооценке по фактору *Оценка* в зависимости от того, справедливое или несправедливое событие вспоминали респонденты ($U = 361$, $p < 0.05$). Напоминание о совершенной несправедливости приводило к более высокой самооценке респондентов по фактору *Оценка*. К аналогичным результатам привел и линейный регрессионный анализ ($\beta = -0.318$, $t = -2.681$, $p < 0.01$ для фактора *Оценка*) в межличностном контексте.

Анализ описаний, связанных с деловым/учебным контекстом, привел к иным результатам. Как и в предыдущем случае, люди, вспоминавшие несправедливые события, демонстрировали более высокую самооценку по фактору *Оценка*, чем те, кто описывал справедливые ($U = 376$, $p < 0.05$). Однако регрессионный анализ показал, что общая оценка справедливости не предсказывает с достаточной точностью ни один из параметров самооценки.

Выводы

В данном исследовании был поставлен вопрос о том, какое влияние на самооценку человека оказывает

напоминание ему о совершенном им справедливом или несправедливом поступке. Его результаты подтвердили гипотезы 1б, 2 и 3.

Во-первых, напоминание человеку о совершенной им несправедливости приводит к повышению его самооценки по фактору *Оценка*. По-видимому, в данном случае имеет место самозащитная атрибуция, при которой человек дистанцируется от совершенной несправедливости, подчеркивая, что такое поведение не свойственно ему. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что во время опроса были случаи отказа респондентов от припоминания несправедливых событий: они говорили, что не могут вспомнить случая, когда поступили с кем-либо несправедливо. Однако таких случаев не наблюдалось относительно справедливых событий. Это предположение согласуется с результатами описанных выше исследований, согласно которым негативный результат приводит к повышению самооценки и уменьшению направленных на себя негативных эмоций человека, если процедура вынесения решения кажется несправедливой (Barclay et al., 2005; Schroth, Shah, 2000).

Во-вторых, разные нормы справедливости по-разному связаны с самооценкой. Самооценка по параметру *Силы* выше, когда человек заранее не проинформировал партнера о том, какими критериями он будет руководствоваться в своих решениях, и не обратил внимания на его личностные особенности. Вместе с тем к повышению самооценки по параметру *Оценка* ведет соблюдение нормы апелляции и нарушение нормы однообразия. Интересно, что в

данном случае проявился феномен асимметричности, зафиксированный в наших предыдущих исследованиях. Он заключается в том, что типы событий, которые люди описывают как справедливые, не идентичны типам несправедливых; «несправедливость» не всегда означает нарушение тех норм, с помощью которых оценивается «справедливость» события; важность разных норм зависит от степени справедливости описываемого события (Голынчик, Гулевич, 2003; Гулевич, Голынчик, 2005; Гулевич, Голынчик, 2004). В данном

случае этот феномен проявился в том, что нарушения нормы справедливости были связаны с иными направлениями самооценки, чем соблюдения.

В-третьих, нарушение справедливости в межличностных отношениях оказывает большее влияние на самооценку, чем в деловых и учебных. Возможно, это связано с большей важностью соблюдения норм справедливости в межличностных отношениях и, как следствие, с более активными самозащитными тенденциями.

Литература

- Голынчик Е.О., Гулевич О.А. Обыденные представления о справедливости // *Вопр. психол.* 2003. № 5. С. 80–92.
- Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Обыденные представления о справедливости правовых решений // *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2005. Т. 2, № 2. С. 119–125.
- Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Условия выбора норм дистрибутивной справедливости // *Психол. журн.* 2004. № 3. С. 53–60.
- Barclay L.J., Skarlicki D.P., Pugh S.D. Exploring the role of emotions in injustice perceptions and retaliation // *Journal of Applied Psychology.* 2005. 90. 629–643.
- Besley J.C., McComas K.A. Framing justice: using the concept of procedural justice to advance political communication research // *Communication Theory.* 2005. 414–436.
- Colquitt J.A. On the dimensionality of organizational justice: a construct validation of a measure // *Journal of Applied Psychology.* 2001a. 86. 386–400.
- Colquitt J.A., Conlon D.E., Wesson M.J., Porter C.O.L.H., Ng K.Y. Justice at the Millennium: a meta-analytic review of 25 years of organizational justice research // *Journal of Applied Psychology.* 2001b. 86. 425–445.
- De Cremer D. Why inconsistent leadership is regarded as procedurally unfair: the importance of social self-esteem concerns // *European Journal of Social Psychology.* 2003. 33. 535–550.
- Gilliland S.W. Effects of procedural and distributive justice on reactions to a selection system // *Journal of Applied Psychology.* 1994. 79. 691–701.
- Schroth H.A., Shah P.P. Procedures: do we really want to know them? An examination of the effects of procedural justice on self-esteem // *Journal of Applied Psychology.* 2000. 85. 462–471.

Гулевич Ольга Александровна, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет

Контакты: goulevitch@mail.ru

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В ОПТИМИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Е.А. УГЛАНОВА

Зарубежные социальные науки располагают весьма значительным числом исследований, посвященных взаимосвязи субъективного качества¹ жизни как с объективными показателями экономического благополучия (национальным благосостоянием, доходом, собственностью и сбережениями), так и с субъективными (удовлетворенностью доходом, уровнем жизни и т. д.). Потребность в разграничении объективного и субъективного экономического благополучия появилась в результате обнаружения и накопления фактов несовпадения реального экономического благосостояния с его оценками — этот феномен был назван «парадоксом удовлетворенности» (Olson, Schober, 1993).

Исследования влияния экономического роста на субъективное качество жизни, осуществленные на выборах экономически развитых

стран (Campbell, 1976; Diener et al., 1993; Diener, 1995), свидетельствуют о наличии нелинейной взаимосвязи между этими показателями: чем выше благосостояние нации, тем меньшее влияние оказывает экономический фактор на субъективное благополучие. Кроме того, зафиксирована отрицательная корреляция между средним по стране показателем счастья и диапазоном доходов населения (индексом Джини).

Непосредственная корреляция между **доходом** и компонентами СКЖ невелика: $r = 0.15-0.25$ (Campbell, 1976; Inglehart, 1986; Furnham, Argyle, 1998), при этом субъективная адекватность дохода (мнение о том, в какой степени доход способен обеспечить комфортную жизнь) объясняет больше различий в оценках удовлетворенности жизнью, чем объективная адекватность, соответствующая средней заработной плате (Ackerman,

---

Исследование проведено при поддержке РГНФ, грант № 04-06-00473а.

¹В рамках данной работы понятия «субъективное качество жизни» (СКЖ) и «субъективное благополучие» рассматриваются как синонимы. В качестве **индикаторов** СКЖ используются удовлетворенность жизнью (когнитивный индикатор) и счастье (аффективный индикатор).

Paolucci, 1983). Ранние исследования, имевшие место в 1950–1960-е годы, внушали мысль о существовании линейной зависимости субъективного благополучия от дохода, однако более поздние опросы показали, что влияние денежного фактора гораздо сильнее при низком уровне дохода и оно ослабевает по мере повышения последнего (Diener et al., 1993). Многочисленные исследования взаимосвязи дохода с отдельными жизненными сферами — здоровьем, досугом, семейной жизнью, кругом социальных контактов, работой (Campbell, 1976; Okun et al., 1984; Willits, Crider, 1988; Blaxter, 1995; Feist et al., 1995; Furnham, Argyle, 1998) — показывают, что объективный экономический статус оказывает опосредованное влияние на субъективное благополучие через изменения в стиле жизни, связанные с достижением большей социальной мобильности, получением доступа к более широкому спектру услуг, иными словами, через увеличение степени свободы.

С другой стороны, на сегодняшний день зафиксированы взаимосвязи субъективного благополучия с рядом психологических характеристик, таких, как: тревожность, самооценка, интернальность, нейротизм, копинг-стиль, ролевой конфликт, наличие жизненных целей, структура жизненных ценностей (Джидарьян, 1995, 2001; Diener, 1984; Costa, McCrae, 1980; Argyle, 1990).

Современная психология качества жизни рассматривает несколько психологических стратегий оптимизации субъективного благополучия. Д. Сиржи (Sirgy, 2002) выделяет следующие: компенсация, переоценка на

основе личного прошлого опыта, переоценка на основе самоконцепции, переоценка на основе социального сравнения, эффекты «перелива» (top-down spillover и bottom-up spillover). Все эти стратегии так или иначе связаны с манипуляциями психологическим «содержанием» — представлениями, установками, ценностями и т. д. Возникает закономерный вопрос: какую роль в процессе такой манипуляции играют психологические диспозиции или черты личности?

Целью данного исследования является анализ феномена субъективного экономического благополучия и роли психологических переменных в процессе его оптимизации.

Исследование ставит перед собой следующие **задачи**: а) определить наиболее информативные экономические признаки субъективного порядка, оказывающие влияние на удовлетворенность жизнью и счастье; б) выделить некоторые психологические признаки, играющие роль в оптимизации субъективного экономического благополучия.

Методика

На **первом** этапе исследования предстояло определить компоненты субъективного экономического благополучия (СЭБ).

Теоретический анализ (Strümpel, 1974, Campbell, 1976) позволил предположить, что к компонентам СЭБ относятся:

- 1) удовлетворенность доходом;
- 2) удовлетворенность уровнем жизни, которая определялась как оценка той степени, в которой доход семьи способен обеспечить ее членам «комфортную жизнь»;

3) ожидание улучшения или ухудшения финансовой ситуации в будущем («финансовый оптимизм»);

4) недавние изменения в финансовом положении.

Методы измерения субъективного благополучия включали:

1) шкалу «восторга — депрессии» А. Вессмана (A. Wessman) и Д. Рикса (D. Ricks), Elation — Depression Scale, предполагающую оценку своего доминирующего состояния в день опроса по 10-балльной шкале;

2) 11-балльную шкалу оценки удовлетворенности жизнью в целом.

Методы статистической обработки данных включали: корреляционный анализ и регрессионный анализ.

Выборка на данном этапе составила 340 человек (в возрасте 17–75 лет), из них 57% — женщины.

На **втором** этапе исследования подвергалась проверке гипотеза о том, что ряд личностных характеристик играет роль в процессе оптимизации субъективного экономического благополучия. В число исследуемых характеристик вошли: самооценка, локус контроля и копинг-стиль. Именно эти личностные свойства были включены в исследование, так как их взаимосвязь с индикаторами общего благополучия — удовлетворенностью жизнью и счастьем — была неоднократно подтверждена (см. выше).

Методы, использованные на втором этапе:

1) шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (Diener, 1985), Satisfaction with Life Scale, которая предполагает оценку степени согласия с пятью утверждениями;

2) шкала «восторга — депрессии» А. Вессмана и Д. Рикса;

3) методика С.А. Будасси для исследования самооценки, основанная на процедуре ранжирования качеств личности;

4) опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» для оценки поведенческих стратегий преодолевающего поведения;

5) для определения уровня интернальности и экстернальности испытуемым предлагалось оценить 12 гипотетических причин финансовой неуспешности по 7-балльной шкале с точки зрения значимости каждой причины. Часть пунктов описывали внешние обстоятельства (например, неудачливость), часть — внутренние диспозиции (лень, отсутствие амбиций). Показатели по экстернальности и интернальности подсчитывались отдельно;

6) анкета, состоящая из блока вопросов, направленных на определение параметров СЭБ (удовлетворенность доходом, представление о грядущих изменениях и т. д.) и социально-демографического блока.

Выборка состояла из 94 человек, возраст испытуемых — от 17 до 30 лет, средний возраст — 24 года. Исследование проводилось в 2004 г. в г. Санкт-Петербурге. Все испытуемые прошли тестирование по совокупности перечисленных методик. Для **обработки данных** использовался корреляционный анализ.

Описание и обсуждение результатов

С целью определения prognostического потенциала выделенных компонентов СЭБ в оценке удовлетворенности жизнью и счастья использовалась процедура

регрессионного анализа (метод пошагового отбора)².

Были построены две регрессионные модели, в каждую из которых были включены 4 независимые переменные³. Результаты представлены в табл. 1 и 2.

В итоговую модель включены три из четырех независимых переменных. Объединенные переменные удовлетворенность уровнем жизни, финансовый оптимизм и удовлетворенность доходом объясняют 23.3% процента общей дисперсии. Наиболее сильным предиктором удовле-

творенности жизнью из числа компонентов СЭБ является удовлетворенность уровнем жизни — этот показатель объясняет 14.3% различий.

В итоговую регрессионную модель для зависимой переменной счастье вошли всего две переменные — финансовый оптимизм и удовлетворенность уровнем жизни, которые объясняют лишь 13.6% общей дисперсии (при этом финансовый оптимизм объясняет 10.6%).

Важность образа будущей финансовой ситуации может быть объяснена (Inglehart, 1986) в терминах так

Табл. 1

Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная — удовлетворенность жизнью

Модель	Переменные	R ²	P
1	Удовлетворенность уровнем жизни	0.143	0.000
2	Модель № 1 + финансовый оптимизм	0.196	0.000
3	Модель № 2 + удовлетворенность доходом	0.233	0.016

Табл. 2

Результаты регрессионного анализа, зависимая переменная — счастье

Модель	Переменные	R ²	P
1	Финансовый оптимизм	0.106	0.001
2	Модель № 1 + удовлетворенность уровнем жизни	0.136	0.082

²Выбор данного метода обусловлен тем, что предикторы коррелируют между собой, соответственно доля влияния независимой переменной на критерий изменяется при включении в анализ других переменных.

³Анализ мультиколлинеарности (заклучавшийся в вычислении коэффициентов ранговой корреляции Спирмена) позволил включить все переменные в регрессионный анализ, поскольку ни один из коэффициентов не превысил значения 0.5, которое рекомендовано в качестве «порога».

называемой модели «притязания — соответствия» («aspiration — adjustment model»). В рамках данной модели субъективное благополучие является функцией расхождения между уровнем притязаний и оценкой актуальной ситуации (Michalos, 1980). Как отмечает Р. Инглхарт, корреляция между субъективным благополучием и стабильными характеристиками (например, полом) существенно слабее, чем взаимосвязь между относительно нестабильными характеристиками (такими, как доход) и субъективным качеством жизни. Поскольку российская экономическая ситуация, начиная с 1990-х годов, характеризуется большей или меньшей нестабильностью, финансовые ожидания оказывают большое влияние на субъективное благополучие, прежде всего на его аффективный компонент (счастье).

Итак, с помощью регрессионного анализа были определены два индикатора восприятия финансовой ситуации, обладающие наибольшим прогностическим потенциалом в оценке субъективного благополучия — финансовый оптимизм и удовлетворенность уровнем жизни. На втором этапе исследования анализу будут подвергнуты именно они.

С целью определения линейных взаимосвязей между субъективным качеством жизни, а также компонентами СЭБ и психологическими переменными, был использован метод

корреляционного анализа, который позволил установить ряд зависимостей между показателями субъективного качества жизни и стратегиями преодолевающего поведения. Существуют значимые корреляции между показателями общей удовлетворенности жизнью и следующими копинг-стратегиями: асертивное поведение ($R = 0.27, p < 0.01$)⁴, импульсивные действия ($R = 0.23, p < 0.05$), избегание ($R = -0.21, p < 0.05$). Показатели счастья коррелируют с такими стратегиями, как асертивное поведение ($r = 0.35, p < 0.01$), поиск социальной поддержки ($r = 0.20, p < 0.05$), осторожные действия ($r = -0.31, p < 0.01$), манипулятивные действия ($r = 0.23, p < 0.05$), импульсивные действия ($r = 0.24, p < 0.05$). Из всех рассматриваемых нами личностных характеристик наиболее тесно взаимосвязанной с ощущением счастья оказалась самооценка ($r = 0.55, p < 0.01$). Примечательно, что значимой корреляции между самооценкой и удовлетворенностью жизнью не было обнаружено. Взаимосвязь самооценки с субъективным благополучием подтверждена целым рядом исследований (Kozma, Stones, 1978). Есть также доказательства тому, что самооценка взаимосвязана с некоторыми аспектами экономического поведения: отношением к деньгам (Goldberg, Lewis, 1978; Matthews, 1991), потребительским поведением (Goldberg, Lewis,

---

⁴Здесь представлены коэффициенты парной корреляции Спирмена для переменных счастье, финансовый оптимизм и удовлетворенность уровнем жизни, которые оценивались с помощью порядковых шкал. Для переменной удовлетворенность жизнью вычислялся коэффициент корреляции Пирсона, так как она измерялась с помощью шкалы, которую можно рассматривать как метрическую.

1978; Hanley, Wilhelm, 1992), уровнем экономико-психологической адаптации (Дейнека, 1999). Локус контроля и субъективное качество жизни также взаимосвязаны между собой: интернальность коррелирует как с удовлетворенностью жизнью ($r = 0.37, p < 0.01$), так и показателями счастья ($r = 0.30, p < 0.01$). Сильная интеркорреляция существует между показателями удовлетворенности жизнью и счастьем ($r = 0.53, p < 0.01$), что, впрочем, также продемонстрировано рядом исследований.

Примечательно, что линейные взаимосвязи между рассматриваемыми личностными свойствами и компонентами СЭБ весьма немногочисленны. Можно говорить лишь о том, что приверженность копинг-стратегии поиск социальных контактов, которая предполагает кооперацию с другими людьми для решения каких-либо задач, способствует формированию более позитивного образа будущей финансовой ситуации ($r = 0.25, p < 0.05$). Удовлетворенность уровнем жизни не коррелирует ни с одной из включенных в исследование характеристик.

Итак, в нашем исследовании подтверждены взаимосвязи *счастья и удовлетворенности жизнью* с рядом психологических свойств, в то же время психологических коррелят *субъективного экономического благополучия* практически не обнаружено. Безусловно, нами были проанализированы лишь самые «цитируемые» в исследованиях по психологии качества жизни психологические свойства, тем не менее полученный результат небезынтересен. Восприятие человеком какого-либо явления зависит: а) от ситуации, б) от личности

наблюдателя. Очевидно, что в оценке каждого отдельного явления личностные и ситуативные факторы имеют различный удельный вес. Если мы вынесем за скобки тот факт, что в исследование были включены лишь некоторые личностные свойства, логично предположить, что в оптимизации СЭБ ведущую роль играют ситуативные факторы (к ним может, например, относиться недавнее изменение дохода). Такое предположение, впрочем, носит лишь гипотетический характер.

Результаты корреляционного анализа демонстрируют важный факт, неоднократно подчеркиваемый в психологической литературе и являющийся предметом активного исследования (Inglehart, 1986, Sirgy, 2002). За повышением уровня удовлетворенности жизнью и счастья, несмотря на интеркорреляцию между ними, стоят различные психологические переменные — причины, ведущие к повышению удовлетворенности жизнью, могут не играть той же роли в процессе усиления счастья.

Нас интересовало также поведение парных связей (счастье — финансовый оптимизм и удовлетворенность жизнью — удовлетворенность уровнем жизни) в присутствии третьей переменной, роль которой в нашем случае играют психологические характеристики. С этой целью был использован метод подсчета частных корреляций первого порядка.

Рассмотрим пару финансовый оптимизм — счастье. В большинстве случаев различий между нулевой корреляцией и частной практически не наблюдается. Это верно для таких

характеристик, как экстернальность, интернальность, копинг-стратегии «импульсивные действия», поиск социальной поддержки, осторожные действия, манипулятивные действия, самооценка. Данные диспозиции не оказывают влияния на силу взаимосвязи между уровнем счастья и финансовым оптимизмом ($R = 0.25$). В одном случае частная корреляция лишь незначительно слабее, чем нулевая: в случае с копинг-стратегией «ассертивное поведение» ($0.19 < 0.25$). Результаты означают, что такие признаки, как высокая самооценка, интернальность, просоциальное поведение не компенсируют негативное восприятие своей будущей финансовой ситуации, равно как и низкая самооценка и асоциальное поведение не нивелируют позитивный образ будущей ситуации.

Продедаем теперь аналогичные процедуры для выявления особенностей поведения парных связей между удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью уровнем жизни. Мы наблюдаем картину, схожую с той, что была получена при анализе парной взаимосвязи «счастье — финансовый оптимизм». В большинстве случаев нулевая (0.36) и частные корреляции практически не различаются. Существенно увеличивается значение коэффициента корреляции, когда в качестве контрольной переменной выступает самооценка ($r = 0.62$, $p < 0.01$). Дизайн нашего эмпирического исследования, а также использованные статистические методы обработки информации не позволяют делать какие-либо выводы о причинно-следственных связях между рассматриваемыми тремя пере-

менными. Мы не можем заявить, какая именно из трех рассматриваемых переменных является независимой, какая — промежуточной, а какая — зависимой. Отношения между удовлетворенностью уровнем жизни и общей удовлетворенностью жизнью могут характеризоваться и как эффект bottom-up spillover (т. е. изменения в удовлетворенности уровнем жизни повлекут за собой изменения в общей удовлетворенности жизнью), и как эффект top-down spillover (т. е. общая удовлетворенность жизнью предопределяет удовлетворенность отдельной сферой — уровнем жизни). Логично предположить, что удовлетворенность уровнем жизни и общая удовлетворенность жизнью связаны реципрокными отношениями, тем более что взаимовлияние наблюдается, например, в случае с удовлетворенностью работой и общей удовлетворенностью жизнью (Sirgy, 2002). Д. Сирджи предлагает рассматривать личностные характеристики как медиатор в процессе распространения мнения о своей жизни в целом на оценку отдельных сфер. Он пишет, что «перенос позитивной оценки своей жизни в целом на отдельные сферы характерен для экстравертов, людей, обладающих высокой самооценкой и синдромом Полианны. Напротив, перенос негативной оценки своей жизни на отдельные сферы более вероятен в тех случаях, когда человека характеризуют такие черты, как интроверсия, низкая самооценка, пессимизм» (Sirgy, 2002, p. 74). Данный принцип нашел подтверждение по отношению к процессу оптимизации СЭБ. Результаты, полученные в нашем исследовании, позволяют

предположить, что самооценка может оказывать двоякое воздействие на связь удовлетворенности уровнем жизни с общей удовлетворенностью: с одной стороны, участвовать в процессе top-down spillover, как описано Д. Сиржи, с другой стороны — оказывать компенсаторное воздействие: так, низкий уровень удовлетворенности уровнем жизни может компенсироваться высокой самооценкой, за счет чего общая удовлетворенность жизнью не будет снижаться.

Данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно охватывает исключительно городское население России, чье экономическое поведение и экономические установки могут существенно отличаться от таковых сельских жителей. Во-вторых, люди с высшим образованием и люди моложе 30 лет представлены в большей степени, чем другие группы.

Тем не менее в исследовании были реализованы следующие задачи:

1. Определены компоненты субъективного экономического благополучия, обладающие наибольшим прогностическим потенциалом для определения уровня удовлетворенности жизнью и счастья. Таковыми являются удовлетворенность уровнем жизни (предиктор удовле-

творенности жизнью) и финансовый оптимизм (предиктор счастья).

2. Исследованы взаимосвязи некоторых личностных свойств (самооценка, локус контроля и копинг-стратегии) с субъективным экономическим благополучием, удовлетворенностью жизнью и счастьем. Значимых корреляций между рассмотренными свойствами и компонентами субъективного экономического благополучия зафиксировано не было, за исключением приверженности к просоциальным стратегиям совладания со стрессовыми ситуациями, которая способна усилить «финансовый оптимизм».

3. Установлено, что практически ни одна из рассматриваемых нами психологических переменных не оказывает влияния на силу взаимосвязи компонентов субъективного благополучия с их основными предикторами. Исключение составляет самооценка, которая способна оказать компенсаторное воздействие на отношения между общей удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью уровнем жизни.

4. Проиллюстрирован тот факт, что повышение уровня удовлетворенности жизнью и счастья, несмотря на интеркорреляцию между ними, достигается с помощью различных психологических стратегий.

Литература

Джидарьян И.А., Антонова Е.В. Проблема общей удовлетворенности жизнью: теоретическое и эмпирическое исследование // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 76–94.

Abbey A., Andrews F.M. Modeling the Psychological Determinants of Life Quality // F.M. Andrews (ed.) Research on the Quality of Life. Ann Arbor: Survey Research Center, 1986. P. 85–118.

Ackerman N., Paolucci B. Objective and subjective income adequacy: their relationship to perceived life quality measures // *Social Indicators Research*. 1983. 12. 1. 25–49.

Diener E. et al. The satisfaction with life scale // *Journal of Personal Assessment*. 1985. 49. 1. 71–76.

Furhnam A., Argyle M. The psychology of money. Routledge, London–New York, 1998.

Inglehart R., Rabier J.-R. Aspirations Adapt to Situations – But why are the Belgians so Much Happier than the French? // *Research on the Quality of Life*. Ann Arbor: Survey Research Center, 1986. 1–56.

D'Iribarne P. The Relationships between Subjective and Objective Wellbeing // *Subjective elements of wellbeing*. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1974. 204.

Michalos A.C. Satisfaction and happiness // *Social Indicators Research*. 1980. 8. 4. 385–422.

Sirgy M.J. The Psychology of Quality of Life. Kluwer Academic Publishers, 2002.

Strumpel B. Economic wellbeing as an object of social measurement // *Subjective elements of wellbeing*. Paris: Organization for economic cooperation and development, 1974. 75–122.

Углонова Екатерина Алексеевна, кафедра гуманитарных наук Санкт-Петербургского филиала ГУ ВШЭ, кандидат психологических наук

Контакты: uglanovaea@mail.ru

Обзоры и рецензии

В.Ф.Петренко. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.

Не так давно вышло второе издание широко известной отечественным психологам книги В.Ф. Петренко «Основы психосемантики». Несмотря на то, что основная часть этой книги написана два десятилетия назад, идеи, которые обосновывает автор, чрезвычайно актуальны в свете тех изменений, которые претерпевает метатеория и методология психологии в последние десятилетия. До сих пор при анализе этой монографии чаще всего оставалось незамеченным то, что в ней был, по сути, обоснован и развит оригинальный отечественный вариант конструктивизма, который сам по себе имеет множество приверженцев в психологии и других гуманитарных науках за рубежом (Улановский, 2006а, 2006б). Именно поэтому представляется крайне интересным проанализировать развиваемый в этой и в других работах В.Ф. Петренко психосемантический подход в контексте анализа современной конструктивистской ориентации в психологии.

Конструктивизм и отечественная психология

Хотя отечественная психология на протяжении довольно долгого времени связывала себя с теорией отражения, за рубежом некоторые идеи отечественных психологов устойчиво относят к конструктивистским. Рассмотрим их, проведя некоторые аналогии с представлениями других конструктивистских подходов.

Прежде всего, следует сказать о взглядах Л.С. Выготского, которого не без основания считают одним из родоначальников конструктивизма в психологии, вместе с Ж. Пиаже, Дж. Келли и др. (Gergen, 1997). Целый ряд идей Л.С. Выготского был серьезно воспринят и активно используется в самых различных направлениях конструктивистской ориентации (конструктивизме, социальном конструкционизме, нарративной, дискурсивной, культуральной психологии, теории диалогического «я»).

Это и представление о том, что интрапсихическое производно от интерпсихического, что все высшие психические функции человека суть социальные отношения, отношения между людьми, перенесенные внутрь (ср. с представлением К. Гегена и Р. Харре о психологических процессах как формах координации, взаимодействия между двумя и более людьми — Gergen, 1997, Harre, 1989). Это и идея символической, знаковой опосредованности (восприятия, запоминания, мышления и т. д.), идея употребления знака как решающего фактора в развитии сознания человека, идея зависимости осознания субъектом мира от сложности организации языковых значений, которыми он оперирует (ср. с признанием роли знака и значения в конституировании сознания и социальной реальности в символическом интеракционизме Дж. Мида, феноменологии повседневного опыта А. Шюца, теории личностных конструктов Дж. Келли (Mead, 1934; Шюц, 2004; Келли, 2000)). Кроме того, можно упомянуть используемую Л.С. Выготским метафору психики как органа отбора, решета, «процеживающего» мир и изменяющего его так, чтобы можно было действовать, субъективно искажающего действительность в пользу организма (Выготский, 1982б; ср. например, с идеями Э. фон Глазер-Фильда, настаивающего на том, что когнитивная адаптация означает не приведение организма к адекватному восприятию внешнего мира, а скорее совершенствование равновесия организма — von Glaserfeld, 1995).

Можно указать и на некоторые идеи А.Н. Леонтьева, которые в определенном смысле также могут

быть проинтерпретированы как конструктивистские (хотя относить его к конструктивистам было бы все же сильным преувеличением). Это и постоянно подчеркиваемая А.Н. Леонтьевым идея активности, пристрастности субъекта и способа его «отражения» мира, а также центральное представление теории деятельности о том, что деятельностное существование оказывает решающее влияние на способ «отражения» мира субъектом. В работах А.Н. Леонтьева, его коллег и учеников П.И. Зинченко, А.А. Смирнова, А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.К. Тихомирова была экспериментально показана зависимость восприятия, памяти, мышления, эмоций от действия и деятельности субъекта, зависимость психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности (ср., к примеру, с идеей У. Матураны и Ф. Варелы о том, что мы не можем отделить историю наших действий (социальную и биологическую) от того, каким мир нам представляется, и что то, что мы принимаем как некое простое восприятие предметов вовне, несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры — Матурана, Варела, 2001). Кроме того, А.Н. Леонтьев развил идею Выготского о значениях как исторически сложившихся формах фиксации общественного опыта, через призму которых человек воспринимает мир и которые преломляют мир в сознании человека (Леонтьев, 1981). А.Н. Леонтьев отмечал, что через овладение значениями человек усваивает некоторую систему идей, некоторое идеологическое содержание, которое эти значения выражают (там же) (ср. с идеями

теории дискурс-анализа о дискурсе как системе фиксированных значений, опосредующих описание явлений и являющихся носителями некоторой идеологии — Филлипс, Йоргенсен, 2004). Наконец, нельзя не вспомнить представления позднего А.Н. Леонтьева об образе мира, о построении в сознании индивида образа многомерного мира, в котором мы живем и действуем (Леонтьев, 1979).

Можно упомянуть также идеи других отечественных психологов — А.Р. Лурии, В.П. Зинченко, Г.М. Андреевой, С.Д. Смирнова, А.Г. Асмолова, В.В. Знакова и др., которые также в определенном смысле можно трактовать как конструктивистские¹. Однако в данной статье мы останавливаемся лишь на взглядах В.Ф. Петренко, который предложил собственный оригинальный конструктивистский подход, соединивший в себе традиции отечественной науки с традициями западной методологии.

Психосемантика и идеи конструктивизма

В основу конструктивистских идей В.Ф. Петренко легли положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. К их работам восходит общая трактовка В.Ф. Петренко значения как структуры, опосредующей разнообразные формы сознательной деятельности.

Другим источником идей В.Ф. Петренко стали взгляды Дж. Келли, автора теории личностных конструктов, или личностного конструктивизма (как его подход еще иногда называют). В.Ф. Петренко взял за основание центральную идею Дж. Келли — представление о том, что мы организуем свой опыт, интерпретируем и предвосхищаем события в мире посредством шкал значений, иерархически взаимосвязанных между собой.

Собственно говоря, проблема значения является центральной в психосемантическом подходе. В свое время само понятие «психосемантика» было введено В.Ф. Петренко и А.Г. Шмелевым именно для того, чтобы очертить специфическую область исследований индивидуально-специфичных значений (категорий, конструктов), которые используются различными людьми и сообществами для осмысления воспринимаемого мира, других людей и самих себя. Вслед за А.Н. Леонтьевым В.Ф. Петренко пишет о том, что человеческое восприятие, память, мышление, воображение вооружены и одновременно ограничены системой значений, которая присуща определенной общности или культуре (Петренко, 2005; Леонтьев, 1975).

Вместе с тем В.Ф. Петренко идет явно дальше А.Н. Леонтьева, который все же не считал различие языка и значений у представителей различных социальных классов и сообществ

---

¹Можно также указать на взгляды некоторых современных отечественных философов, которые в ряде положений близки к конструктивизму, например, представления о неклассическом и постнеклассическом типах рациональности В.С. Степина (Степин, 2000), идеи неклассической эпистемологии В.А. Лекторского (Лекторский, 2001), социальной эпистемологии И.Т. Касавина (Касавин, 2001).

решающим их различием. Несмотря на признание принципиальной роли значений, определяющим в данном случае для А.Н. Леонтьева оставались различия в деятельности людей и формах их общественных отношений. Языку же и значениям в теории деятельности отводилась все же вторичная роль: они, согласно А.Н. Леонтьеву, лишь отражают существующие межпредметные и общественные отношения (Леонтьев, 1981, с. 335).

В.Ф. Петренко же на разнообразном культурологическом, лингвистическом и психологическом материале показывает, что различные системы значений, используемые в различные исторические периоды различными культурами, сообществами, социальными группами, формируют, по сути, различные картины мира у их носителей. С этой точки зрения, языки различных культур и сообществ — это, по сути, различные точки отсчета, с которых люди смотрят на мир, судят о нем и действуют. Отметим, что подобный взгляд — единое место целого ряда направлений конструктивистской ориентации (социального конструкционизма, дискурсивной психологии, нарративной психологии, феминистских теорий познания и т. д.). В.Ф. Петренко обосновывает этот взгляд, опираясь на идеи Дж. Брунера о формах категоризации и имплицитных моделях личности, идеи Г. Гачева о национальных образах мира, работы А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры, представления Ю.Н. Караулова о языковой личности, идеи Ю.С. Степанова о трехмерном пространстве языка, работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний, исследования Б.М. Величковского о

ментальных пространствах, а кроме того, на множество идей и теорий, развитых в рамках лингвистической семантики, логики, семиотики Ч. Филмора, А. Вежбицкой, Я. Хинтика, Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака и др.

Примечательно, что В.Ф. Петренко наряду с этим опирается на идеи теории лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, в течение долгого времени резко критикуемой и отвергаемой в отечественной философии, лингвистике и психолингвистике. Как известно, Э. Сэпир и Б. Уорф обосновывали представление, согласно которому «мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе в значительной мере потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному выбору интерпретации» (цит. по: Слобин, Грин, 1976, с. 198). В этом заключалась идея лингвистической относительности — зависимости мировидения от специфики языка. В.Ф. Петренко пишет о том, что, наряду с этой относительностью, можно также говорить о *психологической относительности категоризации и мировосприятия* (Петренко, 2002; Петренко, 2005). В.Ф. Петренко отмечает, что наличие культурологической относительности образов мира и вариативность форм категоризации обусловлены системой значений, вбирающих в себя специфику жизнедеятельности и культуры. В этой связи вполне правомочными оказываются вопросы о том, могли ли некоторые образы и сравнения, в которых описывают мир представители одних культур, прийти в голову представителям других культур, почему некоторая реальность выступает в форме метафоры,

на которой строится описание другой реальности (Петренко, 2005).

В общем смысле можно сказать, что психосемантический подход преодолел ту недооценку *конструктивной, перформативной, конституирующей функции языка и культурных средств*, которая была еще характерна, на наш взгляд, для исходной теории деятельности А.Н. Леонтьева². В то же время, уделяя основное внимание анализу роли значений и категорий, В.Ф. Петренко отошел и от не менее важного анализа роли деятельности и ее компонент в построении людьми образов мира — проблематики, которая как раз была хорошо разработана в теории деятельности. В этом сосредоточении на значениях (категориальных структурах, понятиях, конструктах) конструктивизм В.Ф. Петренко схож с конструктивизмом Дж. Келли (Келли, 2000). Этим оба подхода отличаются, например, от конструктивизма Ж. Пиаже, указывающего на роль сенсомоторных структур, а также от конструктивизма Ф. Варелы и У. Матураны, которые указывают даже на нейрофизиологические механизмы, участвующие в построении образа мира (Пиаже, 2004; Матурана, Варела, 2001).

В эпистемологическом смысле крайний интерес представляет критика В.Ф. Петренко *понятия отражения*, являющегося центральным в советской теории познания и методологии психологии. Как справедливо подмечено, несмотря на декларативное отвержение сегодня теории отражения многими отечественными психологами, их работы по-прежнему

изобилуют теоретическими построениями, доказывающими свое соответствие «объективной действительности», «психологической реальности» и т. п. (Петренко, 2006). Такие психологические понятия, как образ, ощущение, восприятие, мышление, психика, сознание, по-прежнему определяются в словарях и учебниках психологии через базовую категорию отражения. В.Ф. Петренко убедительно показывает, что метафора отражения, содержащая момент вторичности и реактивности психической активности, сыграв позитивную роль, постепенно исчерпала свой эвристический потенциал в психологии и стала во многом тормозом ее развития (Петренко, 2002; Петренко, 2006). Интересно, что уже в ранних исследованиях семантики чувственного образа, выполненных В.Ф. Петренко под руководством А.Н. Леонтьева в 1970-е годы, он предпринял довольно смелую попытку отойти от навязываемой трактовки образа как формы отражения, предложив его трактовку как своеобразного перцептивного высказывания о мире (Петренко, 1976). На наш взгляд, уже эта трактовка содержит идею активности субъекта в построении образа вещей, идею не-отражаемости, конструктивности психики и познания. В более поздних работах В.Ф. Петренко делает акцент на том, что познание представляет собой скорее *моделирование*, включающее в образ мира аксиологические, ценностные компоненты (Петренко, 1997; Петренко, 2006). Добавим, что критика теории отражения роднит

---

²О конструктивной, перформативной функции языка см. подробнее: Улановский, 2004.

подход В.Ф. Петренко с другими направлениями конструктивизма, которые неизменно отвергают такие эпистемологические позиции, как репрезентационизм (разновидностью которого является теория отражения), эмпиризм, объективизм и реализм.

Как и представители других конструктивистских подходов, В.Ф. Петренко отрицает также возможность апелляции к «чистым», объективным фактам, к тому, что есть (или было) «на самом деле», «в действительности». Не существует эмпирического факта вне некоей теории (Петренко, 2002). Как известно, схожая мысль была высказана еще Л.С. Выготским: «Кто рассматривает факты, неизбежно рассматривает их в свете той или иной теории» (Выготский, 1982б). Проводя аналогии, отметим также, что в социальном конструкционизме эта мысль высказывается в еще более категоричном виде: то, что мы называем «фактами», как пишет В. Барр, есть лишь *версии событий*, которые в определенное время и по разным причинам получили широкое распространение (Барр, 2004). Данная трактовка во многом является развитием известной ницшеанской формулы, принятой в постмодернизме (Деррида, Лиотар, Лакан, Фуко, Бодрийар и др.) в качестве центрального тезиса: «Нет фактов, есть лишь интерпретации».

Единую позицию с другими конструктивистскими подходами занимает подход В.Ф. Петренко и в отношении к *проблеме истины*. Сторонники конструктивистской парадигмы отвергают позицию фундаментализма, в соответствии с которой мы можем обладать конечными, фундамен-

тальными основаниями для наших познавательных утверждений о социальном и психологическом мире (набором неких универсальных, объективных «истин»). Психосемантический подход основывается на идее *плюрализма истины*, множественности различных культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект, и, как следствие, на идее множественности путей развития индивида, общества, страны, человечества (Петренко, 2005). В этой же связи В.Ф. Петренко заявляет о правомочности и необходимости существования множества психологических теорий (Петренко, 2002). Добавим, что эти идеи наиболее близки к основополагающему философскому представлению Дж. Келли о *конструктивном альтернативизме*, в соответствии с которым существуют бесчисленные возможности концептуализации событий в мире и поведения людей (Келли, 2000).

Конструктивистские взгляды В.Ф. Петренко распространяются не только на обычную познавательную активность человека, но также и на деятельность ученых и сферу науки. Как указывает автор, каждая область знаний строит свой предмет науки, определяемый в первую очередь спецификой *языка и метода* этой науки (Петренко, 2006).

Язык науки, согласно В.Ф. Петренко, не только служит для описания сущего, но и, создавая понятийный аппарат, вносит свои связи и расчленения, которые через «круговую каузальность» сознания и поведения человека определяют само бытие (Петренко, 2002). Тем самым В.Ф. Петренко подчеркивает не

только познавательно-описательную направленность науки, но и ее созидательно-конструктивистскую функцию. То же самое можно сказать и о языках философии и литературы. В.Ф. Петренко указывает на чувствительность исторического процесса к используемым его представителями конструктам и формам категоризации, вносящим специфические способы осмысления событий, а вместе с этим специфические ценности и способы действия. На примере идей К. Маркса и З. Фрейда В.Ф. Петренко показывает, что вводимые ими идеи и конструкты могли не только описывать, но и во многом определять ход дальнейших событий, образ действий их современников и т. д. В этом смысле все мы в разной степени культуральной социализации — порождения литературы (там же). Эта идея имеет сходство с идеями, развиваемыми в психологии и других гуманитарных науках в рамках нарративного подхода. Отметим также, что в подходе В.Ф. Петренко намечен переход от идеи опосредования системой значений (конструктов) к представлению о том, что система значений сама может быть организована в некие повествовательные структуры, некие тексты (Петренко, 2005). Эта идея является одной из ключевых в нарративной психологии, изучающей разного рода повествовательные структуры, или нарративы, используемые людьми для самоидентификации и интерпретации событий внешнего мира, других людей и себя («я-нарративы») (Брунер, 2005; Bruner, 1986; Сарбин, 2004; Polkinghorne, 1988).

Наконец, В.Ф. Петренко указывает также на то, что наши *научные ме-*

тоды и операциональные процедуры в явной мере выстраивают и задают исследуемые с их же помощью предметные области и объекты познания (Петренко, 2006). В этом смысле можно сказать, что психосемантика как содержательная область исследований, область исследования индивидуальных значений задается соответствующими психосемантическими методами, методами построения семантических пространств. Для этого, в свою очередь, применяются математические процедуры факторного и кластерного анализа, многомерной статистики, детерминационного анализа, структурного моделирования. В рамках описанной парадигмы В.Ф. Петренко с коллегами был проведен ряд масштабных исследований семантических пространств различных политических партий, картин мира различных этнических, социальных, профессиональных сообществ, религиозных конфессий, особенностей восприятия произведений искусства (живописи, художественных фильмов), специфики измененных состояний сознания (см.: Петренко, 2005; Петренко, 1997). Все эти исследования содержательно раскрывают различия менталитета представителей различных культур, этносов, религий, политических партий и профессиональных сообществ, подкрепляя тем самым конструктивистский тезис о множественности образов мира и некорректности притязаний на единственно-верный способ его восприятия и осмысления.

Как видно из нашего анализа, психосемантический подход имеет множество пересечений с направлениями, традиционно относимыми на Западе к конструктивистским: это и

представление о плюрализме и культурно-исторической контекстуальности истины, и представление о неотражательной, социально-конструктивной природе знания, и представление о зависимости познания от языковых структур, и ряд других положений. В то же время подход В.Ф. Петренко обладает заметным своеобразием, в силу чего мы считаем приемлемым рассматривать его как отдельный, самобытный кон-

структивистски-ориентированный подход. В заключение добавим, что осмысление идей конструктивизма, призывающего гуманитарные науки к пересмотру собственных эпистемологических позиций, методологии и этики исследований человека, представляется нам крайне важным сегодня. В этой связи переиздание книги «Основы психосемантики» В.Ф. Петренко представляется важным шагом в этом направлении.

Литература

- Барр В.* Социальный конструкционизм и психология // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 29–44.
- Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. № 1 (2). С. 9–30.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982а.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1982б. Т. 2.
- Касавин И.Т.* Социальная теория познания: Учеб. пособие. М.: УРАО, 2001.
- Келли Дж.* Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
- Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1981.
- Петренко В.Ф.* К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Петренко В.Ф.* Лекции по психосемантике. Самара: Открытое общество, 1997.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф.* Методологические аспекты исторической психологии (поиск парадигмы) // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 38–56.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М.: Изд-во МГУ, 1997.

- Пиаже Ж.* Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004.
- Сарбин Т.Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6–28.
- Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М.: Прогресс, 1976.
- Стетин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
- Улановский А.М.* Теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 88–98.
- Улановский А.М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопр. психол. 2006. № 3. С. 27–37.
- Улановский А.М.* Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2006. № 4. С. 129–141.
- Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2004.
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Bruner J.S.* Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.
- Burr V.* Social Constructionism. London: Psychology Press, 2003.
- Gergen K.J.* Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997.
- Harre R.* Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. 1989. 19. 5. P. 439–453.
- Mead J.* Mind, self and society. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
- Polkinghorne D.* Narrative knowing and the human sciences. Albany: State University of New York Press, 1988.
- von Glaserfeld E.* Radical constructivism: A way of knowing and learning. London: The Falmer Press, 1995.

Улановский Алексей Маркович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, кандидат психологических наук

Контакты: ulany@mail.ru

ИННОВАЦИОННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ОБЗОР АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

С.Р. ЯГОЛКОВСКИЙ

В научной психологической литературе последних десятилетий в достаточно широком объеме представлены теоретические и эмпирические исследования креативности и творческого мышления. Однако практика внедрения нестандартных решений и оригинальных идей показывает, что эффективность их практической реализации зачастую зависит в большей степени не от источников, а от потребителей этих продуктов творческой деятельности, а также инновационных и социально-психологических характеристик той среды, в которую попадают новые идеи, решения и предложения на разных этапах их осуществления. В связи с этим встает задача всестороннего анализа процессов рождения, функционирования и распространения инноваций.

Одной из наиболее известных в этой области является теория диффузии инноваций Э. Роджерса (Rogers, 1995, 2004a; Rogers, 2004b). Инновацию он определяет как объект, идею или действие, которые воспринимаются потребителем (человеком либо организационной структурой)

в качестве новых. Выделяется также особый вид инноваций — превентивные инновации — такие идеи или решения, которые продуцируются для того, чтобы избежать определенных последствий или событий в будущем. Диффузия (распространение) инноваций есть процесс, с помощью которого новые идеи, технологии и предложения распространяются между членами *социальной системы* по *коммуникационным каналам* в течение определенного промежутка *времени* (Rogers, 2004b). Далее более подробно рассмотрим основные составляющие этого процесса.

Социальная система — это группа взаимосвязанных элементов, объединенных общим процессом решения проблемы, или задачи для достижения общей цели. Элементами или членами социальной системы могут быть индивиды, неформальные группы, организации и пр. В контексте изучения диффузии инноваций исследуются структуры социальных систем, групповые нормы и модели принятия решений внутри них, а также те организационные изменения,

которые появляются в этих социальных системах вследствие внедрения инноваций (Rogers, 2004a).

Коммуникационный канал — это средство обмена информацией об инновациях между элементами и подструктурами социальной системы.

Фактор **времени** в процессе распространения инновации представлен в следующих трех формах.

1. Стадии принятия решения относительно инновации:

- получение потребителем первоначальных знаний об инновации;
- формирование его установки по отношению к ней;
- генерирование решения о принятии или отвержении инновации;
- продуцирование модели ее реализации и внедрения;
- подтверждение принятого решения относительно инновации.

2. Темп усвоения инновации — это относительная скорость, с которой она принимается членами социальной системы. Он обычно соответствует числу членов этой системы, усвоивших инновацию в определенный промежуток времени. На темп усвоения инновации в наибольшей степени влияют следующие характеристики (Rogers, 2004a):

- относительное преимущество — уровень предпочтения воспринимаемой инновации по сравнению с тем элементом системы, который связан с конкретными условиями функционирования элемента и всей системы в целом, факторами престижа, удобства, удовлетворения и пр.);
- совместимость — уровень ее соответствия существующим ценностям, прошлому опыту, а также потребностям потребителя;

– сложность — уровень трудности восприятия, усвоения и практического использования инновации;

– оцениваемость — возможность анализа инновации, а также оценки ее эффективности и перспективности;

– наблюдаемость — степень доступности результатов инновации для посторонних.

3. Инновационность потребителя инноваций, определяющая то, насколько раньше именно он принимает и усваивает их по сравнению с другими представителями социальной системы. В связи с тем, что потребителями инноваций могут являться как отдельные индивиды, так и социальные системы, для более полного и развернутого анализа инновационности необходимо осуществлять ее изучение на трех основных **уровнях: организационном, групповом и личностном.**

Организационный уровень предполагает исследование структурных аспектов инновационности предприятия, способствующих или препятствующих появлению, внедрению и развитию инноваций, методов стратегического менеджмента и планирования, учитывающих фактор инновационности, а также формирование такого психологического микроклимата, традиций и корпоративной культуры, которые всячески способствовали бы их появлению и внедрению.

Групповой уровень обуславливает изучение социально-психологических процессов в коллективе, имеющих отношение как к индивидуальной инновационности его членов, так и к инновационному потенциалу всего предприятия. В этом случае на

передний план выходит исследование групповой динамики такого коллектива и особенностей взаимной стимуляции его участников. Однако в рамках группового подхода остается нерешенным вопрос о том, как в рамках одного предприятия разграничить процедуры стимуляции инновационности отдельных индивидов и меры, направленные на активизацию коллективного инновационного потенциала (поддержку отдельных индивидов и творческих коллективов). Чрезмерный акцент на изучении взаимоотношений внутри группы и микросоциальных процессов может привести к недооценке системных (в масштабе всей организации) факторов, а в случае анализа исключительно организационных факторов могут оказаться упущенными интрапсихологические детерминанты инновационности и креативности субъекта, значимость которых трудно переоценить (Pigola-Merlo, Mann, 2004).

Индивидуальный уровень предполагает исследование инновационности как личностной характеристики субъекта, анализ ее когнитивной, мотивационной и эмоциональной составляющих. Особенности формирования, функционирования, проявления и развития личностной инновационности во многом определяют стилистику поведенческих проявлений субъекта в условиях постоянно меняющихся экономических, технологических, информационных, социально-политических и др. параметров современного мира. Так, Э. Роджерс в рамках уже описанной выше теории диффузии инноваций осуществил типологизацию субъектов инновационной деятель-

ности в зависимости от степени их вовлеченности в процесс внедрения и реализации новых идей, решений и технологий (Rogers, 1995; Rogers, 2004b). Он выделил:

- инноваторов, склонных идти на риск ради инноваций;
- ранних потребителей, в целом принимающих инновации без особых задержек;
- поздних массовых потребителей, представленных в основном скептиками;
- медлительных и «опоздавших», которые являются зачастую консерваторами.

В рамках еще одной классификации все участники инновационного процесса делятся на:

- инноваторов, наиболее активно принимающих новые идеи и технологии;
- имитаторов, которые придерживаются веяний моды, традиций и мнения большинства;
- «повторителей», которые склонны повторять однажды сделанный выбор несколько раз (Harrison, Horne, 1999).

Другая теория из числа наиболее известных и позволяющих дифференцировать участников инновационного процесса в зависимости от их отношения к новым идеям, технологиям и предложениям, — «адапционно-инновационная» теория (Kirton, 1984). Она объясняет различия в стиле мышления различных индивидов при решении ими преимущественно творческих задач. Эта теория появилась в 1980-х годах в США, когда там имел место бум малого бизнеса. В рамках этой теории основной акцент ставится на изучении скорее не уровня инновационности

субъекта и его личностных характеристик, связанных с ней, а *стилистичности* мыслительной деятельности субъекта, ориентируясь в основном на качественное своеобразие процессов мышления и принятия решения в условиях инновационной деятельности. В соответствии с этой теорией, каждый человек находится в определенной точке шкалы: адаптор — инноватор. В табл. 1 приведены основные личностные характеристики адапторов и инноваторов.

В связи с важностью исследований *личностной* инновационности как фактора, во многом обеспечивающего адаптацию субъекта к постоянно изменяющемуся миру, встает вопрос научного определения этой психологической категории. В литературе можно выделить три основных подхода к определению инновационности субъекта в зависимости от степени принятия им инноваций (Gauvin, Sinha, 1993): 1) инновационность — это способность субъекта быть первым во взаимодействии с инновациями; 2) инновационность — это фактор, повышающий вероятность того, что субъект будет инноватором; 3) инновационность — это фактор, ускоряющий принятие субъектом новых технологий.

По мнению некоторых авторов, инновационность предполагает способность субъекта черпать идеи извне системы и привносить их внутрь ее, а также умение эффективно представлять эти идеи (Grewal et al., 2000; Larsen, Wetherbe, 1999). Выделяется ряд личностных факторов, оказывающих влияние на параметры инновационности субъекта, среди которых — потребность в стимуляции, стремление к новизне; чувствитель-

ность к противоречиям, новому опыту и оригинальным, непохожим на другие стимулам; склонность к риску; креативность; готовность к переработке информации; независимость суждений, открытость опыту, осведомленность и пр. (Agarwal, Prasad, 1998; Goldsmith, 1984; Hirschman, 1980; Leavitt, Walton, 1975; Mackworth, 1965; Manning et al., 1995; Midgley, Dowling, 1978; Raaij, Schepers, 2006; Robinson et al., 2005; Roehrich, 2004; Schillewaert et al., 2005).

В настоящее время ведется дискуссия о том, как соотносятся между собой понятия «инновационность» и «креативность» субъекта. Несмотря на очевидную связь, между ними есть и различия. Креативность прежде всего связана с генерированием новых, потенциально полезных идей (Shalley et al., 2004). Этими идеями можно обмениваться с другими, но они становятся инновациями только тогда, когда они уже применены на практике (Amabile, 1996; Mumford, Gustafson, 1988). Поэтому можно считать креативность «первым шагом» в последующих инновациях (West, Farr, 1990). А инновационность — это способность субъекта на когнитивном и, если это необходимо, и поведенческом уровнях обеспечить появление этих инноваций. Практика реализации и внедрения инноваций зачастую выявляет значительные трудности на этом пути. Эти трудности могут быть обусловлены как организационными (ригидность существующей структуры, ее невосприимчивость к новым идеям и решениям и пр.), так и психологическими (стереотипность мышления членов социальной системы, консервативные установки ее руководителей и пр.)

Табл. 1

Личностные особенности адапторов и инноваторов

Адаптор	Инноватор
Аккуратен, надежен, деловит, методичен, осторожен, дисциплинирован, конформен	Может показаться недисциплинированным, поверхностно мыслящим. Ему свойственен нестандартный подход к решению задач
Склонен скорее решать поставленную задачу, чем находить новую проблемную область	Склонен «открывать» проблемы и новые пути их решения
Ищет решения проблем в апробированных и понятных (ожидаемых) направлениях	Интересуется всеми сопутствующими аспектами проблемы, компетентен во взаимодействии с проблемами
Сокращает проблемную область посредством усовершенствований или более высокой производительности с максимальной преемственностью и стабильностью	Является катализатором изменений в устойчивой группе, бывает неуважителен к общегрупповому согласованному мнению; может выглядеть несговорчивым, резким, создающим диссонанс в группе
Выглядит правильным, устойчивым, надежным, заслуживающим доверия	Выглядит не очень основательным и практичным, часто шокирует окружающих
Склонен путать цели и средства	В процессе достижения поставленных целей не очень охотно использует уже известные средства
Выглядит невосприимчивым (нечувствительным) к скуке; может аккуратно и обстоятельно выполнять даже однообразную работу	Способен к качественному и обстоятельному выполнению рутинной и повседневной работы только в течение кратковременных порывов. Склонен делегировать рутинные функции другим людям
Эффективно управляет и руководит уже существующими структурами	Склонен брать на себя управление в непредсказуемых, неструктурируемых ситуациях
Редко бросает вызов существующим правилам. Если и бросает, то только тогда, когда обеспечен сильной поддержкой	Часто бросает вызов правилам, не проявляет особого уважения к традициям
Неуверен в себе, реагирует на критику с показным согласием. Чувствителен к давлению и власти. Уступчив	Выглядит уверенным в себе в период продуцирования идей. Не нуждается в согласии и поддержке для формирования веры во что-либо в условиях критики
Важен для повседневного функционирования организации. Однако иногда его необходимо «выдергивать» из привычной обстановки	Очень эффективен в периоды незапланированного кризиса или в процессе профилактики такого кризиса (но только в случае, если инноватор находится под контролем)
В совместную с инноватором работу привносит стабильность, порядок и последовательность	В совместную с адаптором работу привносит ориентацию на задачу, независимость от прошлого и от уже устоявшихся теорий
Чувствителен к другим людям, способствует сплочению и кооперации в группе	Нечувствителен к другим людям, может создавать угрозу сплоченности и кооперации в группе
Обеспечивает надежный фундамент для рискованных предприятий инноватора	Обеспечивает динамику для периодических кардинальных перемен, без которых система или организация закостенеет

причинами. В контексте совладания с указанными трудностями особую важность может приобретать гибкость мышления участников инновационного процесса. В этой связи может быть выделен отдельный вид мышления — «инновационное мышление», которое часть авторов предпочитают «гибкому» и творческому и определяют как способность изменять свои планы в условиях постоянно изменяющейся информации (Harrison, Horne, 1999).

В процессах восприятия, оценки, принятия (или отвержения), а также внедрения инноваций наиболее важными, по мнению ряда авторов, являются когнитивные и эмоциональные аспекты. В связи с этим могут быть выделены соответственно два вида личностной инновационности: *когнитивная* и *сенсорная* (Pearson, 1970; Venkatraman, Price, 1990; Hirunyawipada, Paswan, 2006). *Когнитивная* инновационность — это тенденция получать удовлетворение от нового опыта, от взаимодействия с чем-либо новым и от изучения закономерностей функционирования этого нового. При этом субъект может получать «вторичное» удовлетворение от результата работы с полученной информацией, ее реструктурирования и дополнения. Когнитивная инновационность обуславливается потребностью в новом знании о вещах, фактах, процессах и о том, как они взаимосвязаны между собой. Реализация указанной тенденции стимулирует мыслительную деятельность и развитие когнитивной сферы субъекта (Venkatraman, 1991). *Сенсорная* инновационность — это тенденция получать удовлетворение от взаимодействия с вещами из внеш-

него мира. Сенсорные инноваторы склонны скорее не структурировать и анализировать новую информацию, а использовать ее для удовлетворения своей потребности в новизне (Hirunyawipada, Paswan, 2006). Указанный вид инновационности может активироваться как внутренними стимулами (например, фантазиями), так и внешними (например, результатами действий субъекта). Поведенческие проявления сенсорной инновационности могут быть связаны с поиском и принятием риска. Примером может служить устойчивый интерес субъекта к экстремальным видам спорта (Pearson, 1970; Roehrich, 2004).

В дополнение к выделению отдельных видов инновационности, а также проведенной выше *уровневой* классификации подходов к ее изучению нами была осуществлена *содержательно-предметная* классификация психологических исследований в указанной области. Критерий, на основе которого проведена эта классификация, касается тех областей деятельности субъекта, в которых его инновационность проявляется ярче всего и в которых процесс потребления и использования новых идей и решений наиболее изучен современной психологией и смежными науками. В современной психологической науке исследования инновационности как личностной характеристики наиболее интенсивно проводятся в трех основных направлениях:

- в контексте компьютерно-информационных технологий;
- в области изучения психологии потребителя товаров и услуг;
- менеджменте организаций и организационной психологии.

Анализ литературы по указанной тематике высветил значительный перевес *компьютерно-ориентированных* исследований в этой области над собственно психологическими (Fenner, Renn, 2004; Lu et al., 2005; McElroy et al., 2007; Raaij, Schepers, 2006; Robinson et al., 2005; Schillewaert et al., 2005; Serenko, 2007; Thatcher, Perrewé, 2002). В условиях компьютеризации личностная инновационность определяется как склонность субъекта к экспериментированию с новыми информационными технологиями, проверке их качества и эффективности (Perrewé, Spector, 2002). Частью авторов она рассматривается как специфическая и устойчивая черта, предопределяющая эффективность субъекта во взаимодействии с компьютером, а также восприятие информационных технологий и отношение к ним (Agarwal, Prasad, 1998; Thatcher, Perrewé, 2000).

Одним из популярных направлений исследований в области личностной инновационности также является изучение *«потребительской инновационности»*, связанной с ориентацией субъекта на принятие новых товаров и услуг (Goldsmith et al., 1999; Grewal et al., 2000; Gunnarsson, Wahlund, 1997; Hirschman, 1980; Midgley, Dowling, 1978; Okazaki, 2007). Выделяются два ее основных вида: *глобальная инновационность* (некоторые авторы ее называют «инновационной предрасположенностью», или «врожденной инновационностью»), которая проявляется в генерализованной установке субъекта на восприятие и принятие новых брендов и товаров, и *специфическая инновационность*, проявляющаяся в различных областях жизни и потре-

бительской активности субъекта (Goldsmith, Hofacker 1991). Исследуются также особенности семейной покупательской инновационности как для каждого члена семьи в отдельности, так и в рамках семейной системы, особенно в паре «муж — жена» (Burns, 1992; Krampf et al., 1993). Для этого появился даже специальный термин: «*husband-wife innovativeness*» (инновационность в системе «муж — жена»). Причины этого понятны: реклама и, соответственно, торговля товарами широкого спроса во многих странах активно эксплуатирует семейные ценности. В области исследований потребительской инновационности используется уже упомянутая выше модель И. Харрисона и Дж. Хорна, разделяющая потенциальных покупателей и потребителей услуг на инноваторов, имитаторов и «повторителей» (Harrison, Horne, 1999).

Значителен также объем исследований инновационности и инновационного мышления в контексте *менеджмента и организационной психологии* (Christensen, 2006; Gauvin, Sinha, 1993; Gebert et al., 2006; Jaskyte, 2004; Larsen, Wetherbe, 1999; Laurson, Salter, 2006). В указанной области изучаются реакции сотрудников компании на организационные изменения (Christensen, 2006), взаимосвязи между уровнем инновационности сотрудников организации и насыщенностью их контактов с коллегами на когнитивном уровне (Rodan, 2002), а также инновационность менеджеров и ее влияние на эффективность работы всей фирмы (Rodan, Galunic, 2004). Большинство исследований личностной инновационности в рамках организационного контекста

сливаются с изучением инновационности организации, когда осуществляется анализ стратегического менеджмента этой организации (Stieglitz, Heine, 2007; Cho, Pucik, 2005). К. Кхаарабагхи и В. Ньюман выделяют следующие типы инноваторов в организации (Chaharabaghi, Newman, 1996):

- инновационных криэйторов, которые продуцируют новые модели и являются созидателями в полном смысле этого слова;

- инновационных исполнителей, которые управляют процессом перехода организации к новой модели;

- инновационных «стабилизаторов», которые фиксируют изменения в организации и вводят ее в новое стабильное состояние.

Учитывая важность инновационного мышления субъекта в контексте организационного развития, необходимо выделить особую важность развития у него чувствительности к новым идеям, предложениям и технологиям, а также способности их дорабатывать и внедрять. Поэтому значительную роль приобретает изучение инновационных характери-

стик образовательных технологий и процедур, а также соответствующих личностных характеристик консультантов, тренеров и преподавателей (Lauriala, 1992; Freese, 1999). Преподавательская инновационность понимается как «...многоаспектный конструкт, который может включать установку к принятию специфических инноваций, личностные характеристики преподавателя, определяющие его отношение к новому, процесс «интериоризации» принятых им инноваций, а также его пролонгированное участие в профессиональных видах деятельности, связанных с нововведениями...» (McGeown, 1980, p. 147).

Проведенный анализ англоязычной научной литературы по проблематике инновационности показал выраженную активизацию психологических исследований в этой области. Это свидетельствует о возрастании роли процессов эффективного потребления и реализации оригинальных идей, решений и технологий в контексте развития личности отдельного индивида, организации или фирмы, а также всего общества в целом.

Литература

Agarwal R, Prasad J. A conceptual and operational definition of personal innovativeness in the domain of information technology // *Information Systems Research*. 1998. 9 (2). 204–215.

Amabile T.M. Creativity in context. Boulder, CO: Westview, 1996.

Burns D.J. Husband-wife innovative consumer decision making: Exploring the

effect of family power // *Psychology and Marketing*. 1992. 9. 3. May/June. 175–189.

Chaharabaghi K., Newman V. Innovating: Towards an Integrated Learning Model // *Management Decision*. 1996. 34. 4. 5–13.

Cho H.-J., Pucik V. Relationship between innovativeness, quality, growth, profitability, and market value // *Strategic Management Journal*. 2005. 26. 6. June. 555–575.

- Christensen K.S.* Losing innovativeness: the challenge of being acquired // *Management Decision*. 2006. 44. 9. 1161–1182.
- Fenner G.H., Renn R.W.* Technology-assisted supplemental work: Construct definition and a research framework // *Human Resource Management*. 2004. 43. 2–3. Summer – Autumn (Fall). 179–200.
- Freese A.R.* The role of reflection on preservice teachers' development in the context of a professional development school // *Teaching and Teacher Education*. 1999. 15. 8. November. 895–909.
- Gawwin S., Sinha R.K.* Innovativeness in industrial organizations: A two-stage model of adoption // *International Journal of Research in Marketing*. 1993. 10. 2. June. 165–183.
- Gebert D., Boerner S., Kearney E.* Cross-functionality and innovation in new product development teams: A dilemmatic structure and its consequences for the management of diversity // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2006. 15. 4. December. 431–458.
- Goldsmith R.E.* Personality Characteristics Associated With Adaption-Innovation // *Journal of Psychology*. 1984. 117. 159–165.
- Goldsmith R.E., Hofacker C.F.* Measuring Consumer Innovativeness // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1991. 6. 19. 209–221.
- Goldsmith R.E., Moore M.A., Beaudoin P.* Fashion innovativeness and self-concept: a replication // *Journal of Product. Brand Management*. 1999. 8. 1. Research paper.
- Grewal R., Mehta R., Kardes F.R.* The role of the social-identity function of attitudes in consumer innovativeness and opinion leadership // *Journal of Economic Psychology*. 2000. 21. 3. June. 233–252.
- Gunnarsson J., Wahlund R.* Household financial strategies in Sweden: An exploratory study // *Journal of Economic Psychology*. 1997. 18. 2–3. April. 201–233.
- Harrison Y., Horne J.A.* One Night of Sleep Loss Impairs Innovative Thinking and Flexible Decision Making // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1999. 78. 2. May. 128–145.
- Hirschman E.* Innovativeness, Novelty Seeking, and Consumer Creativity // *Journal of Consumer Research*. 1980. 7. December. 283–295.
- Hirunyawipada T., Paswan A.K.* Consumer innovativeness and perceived risk: implications for high technology product adoption // *Journal of Consumer Marketing*. 2006. 23. 4 (Research paper).
- Jaskyte K.* Transformational leadership, organizational culture, and innovativeness in nonprofit organizations // *Nonprofit Management and Leadership*. 2004. 15. 2. Winter. 153–168.
- Kirton M.J.* Adaptors and innovators—Why new initiatives get blocked // *Long Range Planning*. 1984. 17. 2. April. 137–143.
- Krampf R.F., Burns D.J., Rayman D.M.* Consumer decision making and the nature of the product: A comparison of husband and wife adoption process location // *Psychology and Marketing*. 1993. 10. 2. March/April. 95–109.
- Larsen T.J., Wetherbe J.C.* An exploratory field study of differences in information technology use between more- and less-innovative middle managers // *Information. Management*. 1999. 36. 2. August. 93–108.
- Lauriala A.* The impact of innovative pedagogy on teacher thinking and action: A case study of an inservice course for teachers in integrated teaching // *Teaching and Teacher Education*. 1992. 8. 5–6. October–December. 523–536.
- Laursen K., Salter A.* Open for innovation: the role of openness in explaining innovation performance among U.K. manufacturing firms // *Strategic Management Journal*. 2006. 27. 2. February. 131–150.

- Leavitt C., Walton J.* Development of a Scale for Innovativeness // M.J. Schlinger, A. Arbor (eds.). *Advances in Consumer Research*. MI: Association for Consumer Research. 1975. 2. 545–554.
- Lu J., Yao J.E., Yu C.-S.* Personal innovativeness, social influences and adoption of wireless Internet services via mobile technology // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2005. 14. 3. September. 245–268.
- Mackworth N.* Originality. *American Psychologist*. 1965. 20. 51–66.
- Manning K. C., Bearden W.O., Madden T.J.* Consumer Innovativeness and Adoption Process // *Journal of Consumer Psychology*. 1995. 4 (4). 329–345.
- McElroy J.C., Scheibe K.P., Morrow P.C.* Computer technology as object language: Revisiting office design // *Computers in Human Behavior*. 2007. 23. 5. September. 2429–2454.
- McGeown V.* Dimensions of teacher innovativeness // *British Educational Research Journal*. 1980. 6. 2. 147–163.
- Midgley D., Downing G.* Innovativeness: The Concept and Its Measurement // *Journal of Consumer Research*. 1978. 4. 229–242.
- Mumford M.D., Gustafson S.B.* Creativity syndrome: Integration, application, and innovation // *Psychological Bulletin*. 1988. 103. 27–43.
- Okazaki S.* Lessons learned from i-mode: What makes consumers click wireless banner ads? // *Computers in Human Behavior*. 2007. 23. 3. May. 1692–1719.
- Pearson P.H.* Relationships between global and specified measures of novelty seeking // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1970. 34. 199–204.
- Perrewé P.L., Spector P.E.* Personality research in the organizational sciences // *Research in Personnel and Human Resources Management*. 2002. 21. 1–63.
- Pirola-Merlo A., Mann L.* The relationship between individual creativity and team creativity: aggregating across people and time // *Journal of Organizational Behavior*. 2004. 25. 2 March. 235–257.
- Raaij E.M. van, Schepers J.J.L.* The acceptance and use of a virtual learning environment in China // *Computers. Education*. In Press. Corrected Proof. Available online. 27 October 2006 on www.sciencedirect.com
- Robinson L. Jr., Marshall G.W., Stamps M.B.* Sales force use of technology: antecedents to technology acceptance // *Journal of Business Research*. 2005. 58. 1623–1631.
- Rodan S.* Innovation and heterogeneous knowledge in managerial contact networks // *Journal of Knowledge Management*. 2002. 6. 2. Research paper.
- Rodan S., Galunic C.* More than network structure: how knowledge heterogeneity influences managerial performance and innovativeness // *Strategic Management Journal*. 2004. 25. 6. June. 541–562.
- Rogers E.M.* Diffusion of innovations. N. Y.: Free Press, 1995.
- Rogers E.M.* Innovation, Theory of // *International Encyclopedia of the Social Behavioral Sciences*. 2004a. 7540–7543.
- Rogers M.* Evolution: Diffusion of Innovations // *International Encyclopedia of the Social Behavioral Sciences*. 2004b. 4982–4986.
- Roehrich G.* Consumer innovativeness: Concepts and measurements // *Journal of Business Research*. 2004. 57. 6. June. 671–677.
- Schillewaert N., Ahearne M.J., Frambach R.T., Moenaert R.K.* The adoption of information technology in the sales force // *Industrial Marketing Management*. 2005. 34. 4. May. 323–336.
- Serenko A.* The development of an instrument to measure the degree of animation predisposition of agent users // *Computers in Human Behavior*. 2007. 23. 1. January. 478–495.

Shalley C. E., Zhou J., Oldham J.R. The Effects of Personal and Contextual Characteristics on Creativity: Where Should We Go from Here? // *Journal of Management*. 2004. Dec. 30. 933–958.

Stieglitz N., Heine K. Innovations and the role of complementarities in a strategic theory of the firm // *Strategic Management Journal*. 2007. 28. 1. January. 1–15.

Thatcher J.B., Perrewé P.L. An empirical examination of individual traits as antecedents to computer anxiety and computer self-efficacy // *MIS Quarterly*. 2002. 26. 381–396.

Venkatraman M.P. The impact of innovativeness and innovation type on adoption // *Journal of Retailing*. 1991. 67. 1. 51–67.

Venkatraman M.P., Price L.L. Differentiating between cognitive and sensory innovativeness // *Journal of Business Research*. 1990. 20. 293–315.

West M.A., Farr J.L. Innovation at work / M. West, J. Farr (eds.). *Innovation and creativity at work: Psychological and organizational strategies*. Chichester, England: Wiley, 1990. P. 3–13.

Яголковский Сергей Ростиславович, кандидат психологических наук, факультет психологии Государственного университета — Высшей школы экономики

Контакты: yagser@mail.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.A. Mazilov. Philosophy of Psychological Science: Problems and Perspectives

Tendencies in the development of philosophical reflections on psychological science are being analyzed. It is claimed that philosophy of psychology depends on the historical context. The integrative philosophy is considered as a general methodology i.e. a non-controversial conception, which discusses the problems of object, method, fact, explanation and theory in their interrelation. Approaches towards elaboration of integrative methodology are being proposed.

Theoretical and Empirical Research

T.M. Maryutina. Intermediate Phenotypes of Intelligence in the Context of Genetic Psychophysiology

«Intermediate phenotype» (endophenotype) is an important term when studying the mechanisms which are involved in the genotype's influence on the psychometric intelligence. It has been demonstrated that parameters of evoked potentials (EP) as correlates of functioning of brain systems involved into visual information processing may serve as intermediate phenotypes of intelligence. Analysis of genetic correlations indicates the special role of parameters of the EP of the frontal lobes during semantic information perception. Parameters of the EP in primary school age and adolescence may be used for prediction of intelligence in maturity. The effectiveness of prognosis reveals the dependence on a parameter of the EP, type of a stimulus, registration area and subjects' age. The presen-

ce of genetic correlations between EP parameters and intelligence indices proves the existence of joint genetic factors included in formation of inter-age inter-level phenotypic connections between different indices of individual's cognitive functions.

Reflections

E.A. Klimov. Is It not the Time to Reflect on «Language Despotism» in Psychology?

Lots of «stock phrases» are used in the professional language of psychologists. They may give rise to associations and ideas that lead to an inadequate understanding of a subject. Although such stock phrases are usually clear to psychologists, they may mislead representatives of other scientific areas. The author gives a number of examples of such «ambiguous» terminology and calls the professional community to discuss the issue of its possible withdrawal from usage and replacing it with more pithy statements.

Special Theme of the Issue. Psychology – with or without Religion?

A.V. Lorgus. Psychology – with or without Religion?

The thesis of Christian psychology is expressed in the article according to which psychology is impossible without a spiritually-oriented approach towards human being with a subject including not only psyche, a godlike personality of a human, but also soul, spirit and spiritualized corporeality. The article discusses the issue of reviving of the term «soul» in psychology

and acceptance of a personality as «un-referred» to nature, free and not cognizable by analytical objective methods of ontological basis of a human.

M.Yu. Kondratiev. Psychology and Religion: Parallel Problematic and Object Planes

This article addresses to controversial questions which concern the inter-relationship of content of properly scientific and religious viewing and also interpretation of reality which surrounds us. In this case planes of scientific and religious consideration are parallel, i.e. non-overlapping. Besides the answer to the question whether science can be religious and a religion - scientific, a significant part of the article is dedicated to the assessment of the religious approach attempts to penetrate into education and scientific knowledge. Such a boundary conflict is considered as mainly the result of an aggressive position and activity of so-called «Christian psychologists». Stating the former, the author expresses his exclusively personal opinion on the issue.

V.M. Rozin. Psychology and Christianity: Autonomy, Integration or Communication?

The position of the priest Andrey Lorgus is discussed. On the one hand, he criticizes the traditional psychology, and on the other hand, the priest calls for renovation of psychology on the path of Christian theology and anthropology. The author of the article adduces the arguments to support the rational way of solving these problems. He observes the problem of demarcation between science and religion on the example of Emanuel Swedenborg's life. At the same time he shows that nowa-

days religion has another sense (it becomes more and more a special type of sociality) and that many people contrive to live in two different worlds (religious and ordinary) simultaneously. In the article two different contexts are distinguished and discussed: how psychology and religion serve the existing ways of human's life and how they create the conditions which contribute to the formation of a new human being. It is concluded that psychology and Christianity should turn to each other and start a not easy dialogue.

V.I. Slobodchikov. Christian Psychology in the System of Psychological Knowledge

The article discusses the issue of the prerequisites and conditions in the making of Christianity oriented psychology as a specific direction in psychological anthropology. These conditions are observed in relation to the stages of development of psychological knowledge: classical (scientific) stage, non-classical (cultural-activity approach) stage, post-non-classical (anthropological) stage.

Work in Progress

O.A. Gulevich. The Influence of Respect/Violation of Norms of Justice on Self-appraisal

Justice is one of the criteria which people rely on in evaluation of events taking place around them. For this purpose they use a number of norms which regulate reward distribution, the process of decision making and relations between participants. If an event meets a norm then it is evaluated as fair. The respect/violation of such norms influences self-appraisal. The given research has demonstrated that people who

recalled their own unfair acts appraised themselves higher in comparison with those who recalled their fair acts. Justice violation in interpersonal relations had a greater influence on self-appraisal than in business and educational settings. And finally, the violation of different norms of justice was differently connected with self-appraisal.

E.A. Uglanova. Role of Psychological Characteristics in Optimising the Subjective Sense of Economic Well-being

The paper focuses on personal determinants (self-esteem, coping strategies, locus of control) of subjective eco-

nomical well-being. On the first stage of research the most effective subjective economy-related predictors of satisfaction with life and happiness were found. Future changes expectations turned out to be the best subjective economy-related predictor of happiness, while satisfaction with standard of living explained the biggest percent of variance in satisfaction with life. On the second stage psychological correlates of subjective economic well-being' components were determined. The study also contributes to investigation of the problem of distinction between the cognitive and affective aspects of subjective quality of life.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/default.aspx